

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Мищенкова Мария Сергеевна

Японская историография культуры Кофун (конец XIX – начало XXI вв.)

5.6.5 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Курас Леонид Владимирович

Улан-Удэ – 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Период Кофун в истории Японии.....	20
1.1. Социально-экономическое и политическое развитие государства Ямато в III–VII вв.....	20
1.2. Становление и развитие культуры Кофун на Японских островах.....	35
1.3. Период Кофун в японских, китайских и корейских письменных источниках.....	56
Глава 2. История изучения японской курганной культуры в довоенный период.....	73
2.1. Истоки исторических исследований культуры Кофун в периоды Эдо и Мэйдзи.....	73
2.2. Становление японской школы исторических исследований культуры Кофун в 1900–1920-е гг.....	93
2.3. Изучение культуры Кофун в предвоенные десятилетия.....	112
Глава 3. Исторические исследования японской курганной культуры в эпоху демократизации Японии (1945 – 2020-е гг.).....	131
3.1. Активизация изучения кофун в 1950–1960-е гг.....	131
3.2. Систематизация и обобщение знаний о культуре Кофун в работах японских исследователей в 1970–1990-х гг.....	151
3.3. Современный этап развития японской историографии культуры Кофун	187
Заключение.....	208
Список использованных источников и литературы.....	220
Глоссарий.....	264
Приложения.....	266

Введение

III–VII вв. – время серьёзных социально-экономических и культурных изменений на территории Японского архипелага. Этот период в японской историографии получил название Кофун, что было связано с широко распространившейся на основной части Японии курганной культурой (от яп. *кофун* – «древний курган») [318, с. 24]. Культурный обмен с Китаем и корейскими государствами способствовал восприятию материковой культуры, которая на японской почве получила собственное развитие. Курганы с давних пор привлекали внимание жителей Японии – как своим количеством, так и размерами, в связи с чем их научное изучение началось одновременно с появлением науки в Японии в целом – в конце XIX в.

Несмотря на фундаментальное значение данного периода в истории Японии, в настоящее время в российской исторической науке крайне мало внимания уделяется ранним этапам развития японского государства и японской культуры. Период Кофун наиболее подробно описан в работе А. Н. Мещерякова и М. В. Грачева «История древней Японии» [201], а также в монографии М. В. Воробьёва «Япония в III–VII вв.» [191] и работах уральского востоковеда Д. А. Суровеня [69], [70], [71], [72], [73], [74], [206], [207]. Ряд работ А. Н. Мещерякова, посвящённых изучению древней Японии, также полезен для формирования представления о курганном периоде и его культуре [199], [200], [202], [203]. В конце 2020 г. была защищена первая в России диссертация, посвящённая исследованию курганов кофун – работа И. С. Гнездиловой «Погребальные комплексы периода Кофун (III–VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, японский архипелаг (по данным археологии)» [36], опубликовавшей также ряд научных статей о конструктивных и декоративных особенностях японских курганов и элементах погребального инвентаря [42], [43], [44], [45], [46], [47], [48].

В целом на этом список масштабных исследований периода Кофун и японской курганной культуры в России можно считать исчерпанным. Основная сложность при этом заключается в труднодоступности для российских учёных результатов исследований японских специалистов, которые по очевидным причинам

успели достаточно подробно изучить культуру Кофун. В настоящее время отсутствуют переводы как фундаментальных трудов японских историков и археологов по культуре Кофун, так и исследований развития курганной культуры в отдельных регионах Японии. В связи с этим представляется актуальным изучить основные этапы развития японской историографии культуры Кофун для формирования представления о полноте исследования данной темы и перспективах её развития.

Актуальность исследования продиктована возрастающим интересом к Азиатско-Тихоокеанскому региону и роли отдельных государств в формировании современной цивилизации. Период Кофун был временем образования государства на Японских островах, то есть вся история японского народа как части единого целого началась именно в III–VII вв. Курганная культура стала неотъемлемой частью процесса становления государственности на Японском архипелаге, т.к. строительство курганов имело своей целью не только упокоение умерших, но и повышение социального престижа первых японских правителей, утверждение их главенствующей роли как в политической, так и в сакральной сферах жизни древних японцев.

Всестороннее изучение данных процессов стало важной частью японской исторической мысли уже начиная с конца XIX в., однако интерес к исследованию культуры Кофун в японском академическом сообществе не ослабевает по сей день. Почти за полтора века японская историография культуры Кофун стала настолько обширной, что отражает процесс развития японской национальной науки в целом, а также истории и археологии в частности. Таким образом, актуальность исследования заключается и в том, что оно позволяет проследить, как развивалась наука на Японских островах и какие идеологические и иные ограничения существовали на её пути с конца XIX по начало XXI вв.

Актуальность исследования также обусловлена практически полным отсутствием исследований по японской историографии культуры Кофун как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. Отсутствие соответствующих исследований в СССР и в России объясняется несколькими факторами. Во-первых, перед исследователями даже в 2020-е гг. стоит серьёзная проблема языкового ба-

рьера. Несмотря на наличие и постоянное совершенствование онлайн-переводчиков, они до сих пор не способны адекватно переводить тексты с японского языка, особенно если текст напечатан в японском стиле – сверху вниз и справа налево. Степень владения японским языком среди российских граждан хоть и растёт, но уже меньшими темпами – заинтересованность в изучении японского языка в российском обществе постепенно сменилась в сторону корейского языка и культуры, а количество специалистов по китайскому языку всегда превосходило число знатоков японского языка.

Во-вторых, у российского исследователя нет свободного доступа к трудам японских учёных. Материалы для написания данной диссертации были собраны по результатам полугодовой работы в библиотеке Университета Хоккайдо (г. Саппоро, Япония), что стало возможным благодаря участию в российско-японской образовательной программе RJE3 (Программа подготовки экспертов для руководящей роли в области устойчивой экологии, культуры и развития в регионах Дальнего Востока и Заполярья, август 2019 г. – февраль 2020 г.). В сети Интернет опубликована сравнительно небольшая часть от общего количества исследовательских работ японских и других зарубежных учёных, однако они доступны к прочтению в основном в зарубежных библиотечных системах, что также является преградой для российских исследователей.

В-третьих, для того, чтобы проблема историографии курганной культуры стала актуальна, было необходимо сначала сформировать представление о культуре Кофун как таковой, однако до последнего времени в России периоду образования государства в Японии уделялось не очень много внимания, а культуре данной эпохи – ещё меньше. Однако результаты исследований А. Н. Мещерякова, Д. А. Суровеня и И. С. Гнездиловой, опубликованные в последние годы, способствовали значительному продвижению российского японоведения в данном вопросе и формированию условий для комплексного изучения японской историографии культуры Кофун. Что касается отсутствия работ по японской историографии за рубежом, в том числе и в самой Японии, это объясняется другой причиной. Дело в том, что историография как историческая дисциплина очень слабо развита на

Японских островах, а зарубежные учёные стараются исследовать новые аспекты изучаемого объекта, а не систематизировать данные об истории и особенностях его изучения. Из-за этого даже в фундаментальных работах по японской курганной культуре и периоду Кофун в целом можно встретить только небольшие параграфы об истории изучения данной эпохи, характеризующиеся скупостью данных по части наиболее дискуссионных вопросов и подходов исследователей к их решению.

Цель работы – выявить ключевые особенности процесса становления и развития японской историографии культуры Кофун.

Для достижения данной цели поставлен ряд **задач**:

- выявить время и условия возникновения японской историографии культуры Кофун и оценить вклад иностранных и японских исследователей в данный процесс;
- определить характерные особенности японской историографии курганной культуры до и после окончания Второй мировой войны, акцентируя внимание на формах публикационной активности и зависимости работ от идеологических и иных изменяющихся условий существования японской исторической науки;
- рассмотреть прогресс японской исторической науки по части изучения культуры Кофун в первой трети XX в. и обозначить основные его результаты;
- охарактеризовать условия, в которых развивалась японская историография культуры Кофун в первые послевоенные десятилетия, и роль Кобаяси Юкио в формировании векторов развития японской исторической мысли в данный период;
- выделить основные научные школы и направления в японской историографии культуры Кофун, сформировавшиеся с 1950–1960-е гг. и оказавшие ключевое влияние на процесс изучения курганной культуры в Японии;
- проанализировать ключевые моменты и основные итоги исследований культуры Кофун в 1970–1990-е гг. на основе изучения работ ведущих специалистов по японской курганной культуре, работавших в данный период;
- оценить развитие японской историографии культуры Кофун в первые десятилетия XXI в., выделяя основные тенденции и перспективы дальнейших исследований с учётом применения новейших научных методов.

Объект исследования диссертации – основные тенденции развития японской исторической науки, занимающейся изучением культуры Кофун, в конце XIX – начале XXI вв.

Предмет исследования – эволюция взглядов и подходов японских учёных, исследовавших проблемы становления и развития культуры Кофун в Японии с конца XIX по начало XXI вв.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX в. до 2020-х гг. Таким образом, проводится комплексный анализ развития японской исторической мысли с момента формирования академической науки в Японии после «открытия» Японии для внешнего мира и реставрации Мэйдзи до наших дней, при этом кратко рассмотрена и первая попытка проведения исследования японских кофун в конце XVII в., которая, впрочем, не оказала существенного влияния на развитие японской историографии культуры Кофун. Изложение материала представлено также в хронологическом порядке, при этом вторая глава посвящена довоенной историографии культуры Кофун, а третья – развитию исследований в данной области после окончания Второй мировой войны и оккупации Японии.

Территориальные рамки исследования включают в себя территорию Японского архипелага, так как изучением курганной культуры занимаются японские исследователи даже в тех районах Японии, где эта культура не была распространена.

Степень изученности темы. Исследования истории исторической науки в Японии являются редким явлением, что объясняется сосредоточением внимания на изучении конкретных аспектах рассматриваемой проблемы. В связи с этим отдельных монографий, посвящённых японской историографии культуры Кофун и даже курганному периоду в целом, на данный момент не существует ни в России, ни в Японии, ни в других странах. Однако в составе фундаментальных японских работ, посвящённых исследованиям периода Кофун, есть разделы, в которых рассматривается история изучения курганного периода историческими, археологическими и естественнонаучными методами. В этом контексте стоит упомянуть главу «История изучения периода Кофун» в первом томе 13-томника «Исследования периода

Кофун» [252], увидевшего свет в начале 1990-х гг. в Японии. Данный материал был подготовлен японским историком и археологом Сараиси Таитиро:, который стал единственным учёным, выделившим этапы развития японской историографии культуры Кофун и её основных представителей. Сираиси обозначил три периода в японской историографии периода Кофун: период формирования исследований (1926–1946), период установления исследований (1946–1965) и период расцвета исследований периода Кофун (1965–1989). Исследователь подробно рассмотрел каждый из выделенных этапов, уделив особое внимание последнему, так как объём работ, опубликованных с середины 1960-х до начала 1990-х превышает количество публикаций за все предыдущие периоды, вместе взятые [252, с. 147, 151, 156].

Интерес к изучению историографии культуры Кофун является одной из особенностей современных исследовательских работ японских учёных – с начала 2000-х гг. в японских монографиях по культуре Кофун появляются разделы, посвящённые истории исследования культуры Кофун или отдельных её составляющих в Японии. Причины усиления данного направления японский историк и археолог Маруяма Рю:хэй объяснил так: в условиях, когда основные представления о культуре Кофун уже сформированы, для проведения дальнейших исследований необходимо уделить внимание степени изученности рассматриваемой проблемы [283, с. 9]. Таким образом, разделы по истории изучения отдельных аспектов культуры Кофун можно увидеть в таких монографиях, как «Направление курганов и солнце» Хо:дзё: Ёситака [343, с. 9–10], «Период Кофун с точки зрения захоронений женщин, родственников и императоров» Сэйкэ Акира [325, с. 6], «Гигантские курганы и народ древности» Маруяма Рю:хэй [283, с. 9], «Введение в исследования кофун в Японии» Хабуто Ёсиюки [338, с. 6–11] и др. При этом отдельных работ, в которых объектом исследования была бы непосредственно японская историография культуры Кофун, до сих пор не существует, так как для каждого отдельного учёного изучение истории исследований курганной культуры имеет интерес в основном только с точки зрения оценки степени изученности отдельных аспектов культуры Кофун.

В англоязычной науке японской историографии древней истории Японии, а точнее феномену зарождения историографии как таковой, посвящена монография Джона Бентли, опубликованная в 2021 г. [212], хотя по содержанию данная работа ближе к источниковедческой, так как внимание Бентли целиком сосредоточено на изучении древнеяпонских источников «Кодзики» и «Нихон сёки». Само слово «историография» трактуется исследователем иначе, чем в отечественной исторической науке, с чем связано расхождение в ожиданиях от работы с полученным результатом.

В российской науке работы подобного плана также крайне редки, однако опубликованные результаты отличаются серьёзным подходом к рассмотрению истории изучения политических и культурных процессов, происходивших в древней Японии. Первую попытку изучения историографии культуры Кофун предпринял еще в 1958 г. М. В. Воробьев в своей работе «Древняя Япония: историко-археологический очерк» [190]. Исследователь отмечал, что первое проявление подлинно научного интереса к памятникам раннего железного века Японии относится лишь к XVII–XVIII вв. Этот период ознаменовался расцветом японской феодальной науки, яркими представителями которой были так называемые «*кокугакуся*», обратившие внимание на японские кофун. Многие учёные (Мацусита Акимари, Гамо: Кумпэй и др.) занялись выяснением того, какие же из курганов являлись действительно царскими и какому представителю императорского рода принадлежали.

М. В. Воробьев попытался также оценить вклад европейских учёных в изучение японских курганов в конце XIX в. Работы У. Говланда, «отца японской археологии», по его мнению, носили отпечаток дилетантизма и пренебрежения к научной методике изучения памятников. Изолированные экскурсии У. Говланда в историю изучения японских погребений раннего железного века, как писал М. В. Воробьев, не могли оказать благотворного влияния на японских учёных, занятых изучением памятников железного века. В период между двумя мировыми войнами, с точки зрения М. В. Воробьева, основной упор при изучении раннего железного века Японии был сделан на раскопки курганов и связанного с ними погребального инвентаря [190, с. 73–74].

В 1969 г. в Москве была издана монография «Историография стран Востока», в которой советский японовед И. М. Сырицин опубликовал свою работу «К вопросу об изучении феодализма в Японии» [75, с. 209], ставшей ещё одной вехой на пути изучения историографии ранних этапов развития японского государства в Советском Союзе. Опыт комплексной оценки историографии культуры Кофун в СССР представлен работой М. В. Воробьёва «Япония в III–VII вв.», в которой советский исследователь обозначил основные работы по этнической, социально-экономической и политической истории раннего Ямато и культуре Кофун, опубликованные как советскими учёными, так и специалистами из Кореи, Китая и Японии [191]. Раздел в работе М. В. Воробьёва, посвящённый историографии истории и культуры древней Японии, стал основой, на которой строились дальнейшие исследования в данном направлении в СССР, а затем – в России.

Новосибирским востоковедом Е. Э. Войтишек в 2011 г. опубликован учебно-методический комплекс «Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония)», представляющий большую ценность для исследователя японской историографии, так как в данной работе впервые представлен системный взгляд на данный объект исследования, а также предложена обширная библиография, позволяющая значительно расширить представления о степени изученности отдельных периодов истории Японии как в России, так и за границей. В учебно-методическом комплексе также представлен общий обзор культуры Кофун, призванный сформировать осознанный взгляд на курганную культуру Японии [35, с. 63–66]. Рассмотрение японской историографии культуры Кофун нашло отражение и в работах новосибирского археолога И. С. Гнездиловой; в статье ««Кофун дзидай» – «эпоха курганов» Японии: история изучения методами археологии», опубликованной в 2015 г., исследователь обозначила ключевые моменты развития японских научных изысканий курганной культуры; работа акцентирована на археологических исследованиях, однако в случае с изучением кофун в Японии история и археология всегда идут в одной связке [45, с. 60–64].

В 2017 г. была опубликована обширная статья уральского востоковеда Д. А. Суровеня «Краткий обзор историографии истории Ямато» [71]. Хотя исследователь не ставил перед собой цель перечислить всех учёных, занимавшихся изучением истории древнеяпонского государства Ямато (так как, по словам Д. А. Суровеня, это просто невозможно, с чем трудно не согласиться), ему удалось представить материал в кратком, но при этом систематизированном виде. Преимуществом данной работы является широкий географический охват исследователей истории и культуры древней Японии, а также выделение основных этапов развития японской исторической мысли и рассмотрение возникавших в японской академической среде дискуссий и споров [71, с. 129–131]. В изучении историографии культуры Кофун особенно важны отмеченные Д. А. Суровенем послевоенные изменения в восприятии древней истории и культуры, которые привели к гиперкритическому отношению японцев к собственной истории и образованию пустоты в историческом процессе, компенсировать которую была призвана археология [71, с. 140–142]. Таким образом, исследования рассматриваемой проблемы проводились как отечественными, так и японскими исследователями, однако при этом фундаментальных работ по изучению японской историографии культуры Кофун не опубликовано до сих пор.

Источниковая база исследования. При проведении исследования использовалось несколько видов источников. Для формирования представления о ранней истории Ямато и характере данного государственного образования анализировались такие письменные источники, как японские («Нихон сёки» [8], [9] и «Кодзики» [5]), китайские («Хоуханьшу», «Наньши», «Суйшу» [1] и др.) и корейские («Самгук саги» [3], [4] и «Самгук юса» [2]) летописи и династийные хроники. Данные источники обладают рядом особенностей, в связи с чем рассматриваются в отдельном параграфе данного исследования. Особой группой источников выступают археологические отчёты об исследовании конкретных курганов на Японских островах; отчёты имеют чётко установленную структуру и цели – оформление промежуточных результатов исследований для дальнейшей разработки в научных ра-

ботах. Стоит обратить внимание на характерные особенности данного вида источников – в отличие от российских аналогов, японские археологические отчёты представляют собой результат многолетних исследований отдельно взятых памятников и по сути являются самостоятельными исследованиями, а не простым описанием результатов раскопок.

Кроме того, т.к. работа носит историографический характер, в качестве крупнейшей группы источников выступают исторические исследования культуры Кофун, авторами которых являются японские археологи, историки, антропологи и культурологи. Данную группу источников, основываясь на японской традиции, можно условно поделить на довоенные и послевоенные (т.е. опубликованные до и после 1945 г.), что связано сразу с двумя причинами. Во-первых, после окончания Второй мировой войны была проведена реформа японского языка, заметно упростившая письменность. В связи с этим довоенные источники отличаются даже по языку, который достаточно сложно интерпретировать современному исследователю. Во-вторых, различия в довоенной и послевоенной историографии культуры Кофун носят и идеологический характер, отличаясь отношением к роли императора в истории Японии. Разделение работ японских исследователей на до- и послевоенные при изучении историографии культуры Кофун является характерной особенностью японской исторической науки; например, Хабута Ёсиюки в главах, посвящённых истории исследований культуры Кофун в монографиях «Введение в исследования кофун в Японии» и «Кофун», проводит сравнительный анализ работ японских учёных, основываясь на разделении исследований на те, которые проводились до и после Второй мировой войны [337], [338, с. 6–11]. Помимо хронологического деления исторические исследования культуры Кофун можно разделить по типу публикации, что является более традиционным для российского источниковедения и историографии: статьи и сборники научных статей, монографии, энциклопедии и словари, учебно-методические материалы.

Методология и методы диссертационного исследования. Представленное исследование построено на принципах научной объективности, историзма, систем-

ности и ценностного подхода к изучению истории, составляющих методологическую основу диссертации. Принцип объективности проявляется в стремлении воссоздания объективной картины формирования и развития японской историографии культуры Кофун на основе непосредственного анализа работ японских учёных. Принцип историзма прослеживается на протяжении всей работы в связи с последовательным рассмотрением исследований культуры Кофун с опорой на конкретные исторические условия, в которых они осуществлялись японскими исследователями. Применение принципа системности в диссертационном исследовании необходимо в связи с изучением японской историографии культуры Кофун как единой, целостной и сложной системы научных знаний. Принцип ценностного подхода к изучению истории в данной работе проявляется в исследовании подходов японских учёных с позиций ценностей того времени, когда они создавали свои труды.

Методология исследования включает в себя сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический методы, а также метод исторической периодизации и сравнительный анализ подходов японских исследований к изучению периода Кофун. Сравнительно-исторический метод применяется при исследовании общего и особенного в подходах японских историков и археологов, изучавших культуру Кофун на протяжении рассматриваемого периода, а также для понимания степени развития японской историографии культуры Кофун на каждом выделенном этапе её развития. Использование историко-генетического метода продиктовано необходимостью выявления причинно-следственных связей и закономерностей при изучении процессов формирования и развития японской историографии культуры Кофун в установленных хронологических рамках. Историко-типологический метод в представленном исследовании применяется при исследовании характера работ японских исследователей с целью упорядочивания всей совокупности трудов по культуре Кофун на определённые типы (региональные и общеяпонские исследования, различные с точки зрения соотношения описания и анализа работы и т.д.).

Метод исторической периодизации применяется при разделении истории формирования и развития историографии культуры Кофун; каждый выделенный

период характеризуется не только особыми методами и направлениями исследований, но и уникальной исторической и идеологической обстановкой в Японии, которая оказывает непосредственное влияние на выбор объектов исследования и возможностей их интерпретации, а также на конечную цель научных изысканий. В диссертации в первую очередь выделены два основных периода – довоенный и послевоенный – между которыми лежит важный рубеж, 1945 г., после которого жители Японии переосмыслили не только своё отношение к императору и его роли в истории японского народа, но и всю историю Японии в целом. Сравнительный анализ научных работ японских исследователей, посвящённых культуре Кофун, имеет своей целью выявление изменений в подходах с течением времени и при изменении политической и идеологической обстановки в Японии.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующими положениями:

1. Впервые проведено исследование всего процесса формирования существующего в настоящее время комплекса знаний о культуре Кофун: с помощью историко-генетического метода и метода исторической периодизации рассматривается процесс зарождения и поэтапного развития исследований культуры Кофун в Японии, а применение сравнительного анализа и сравнительно-исторического метода позволило впервые выявить характерные особенности каждого периода и изменения в направлениях изучения курганной культуры и конечной цели научных изысканий.

2. В научный оборот вводится значительный объём ранее недоступных российскому исследователю материалов о результатах изучения японскими исследователями курганной культуры и применяемой ими методологии на протяжении длительного исторического периода – с конца XIX до начала XXI вв.

3. Впервые выделены основные научные школы в японской историографии культуры Кофун; каждая школа охарактеризована с точки зрения основных направлений научных исследований и подходов исследователей, рассмотрены основные представители данных школ и результаты их научной работы.

4. Особое внимание в диссертационном исследовании уделяется анализу личности исследователей культуры Кофун и тому, как на их работу влияли исторические и идеологические условия. Рассмотрение работ японских учёных с данных позиций также является новым явлением в отечественной историографии.

5. Впервые определены основные отличительные черты японской довоенной и послевоенной историографии культуры Кофун в соответствии с выделенными критериями различий – лингвистическими, идеологическими и преобладанием отдельных форм публикационной активности над другими.

6. Проанализированы основные тенденции японской историографии культуры Кофун на каждом выделенном этапе её развития в непосредственной связи с политическими, социальными и экономическими условиями и изменениями в жизни японского общества и отношением японских исследователей к роли императорского дома в истории Японии.

7. Проведённое исследование значительно расширило и углубило научные представления как о культуре Кофун и истории древнего японского государства Ямато, так и о становлении и развитии японской национальной науки в целом и наличии определяющих факторов на различных этапах её развития.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что формирование целостного взгляда на процесс становления и развития исследований курганной культуры в Японии позволяет понять особенности японской науки в целом, её характерные черты и условия, в которых она развивалась. Диссертация посвящена малоизученной в отечественной исторической науке проблеме, в связи с эти полученные результаты могут стать фундаментом для дальнейших исследований курганной культуры как историками, так и археологами, так как позволяют оценить степень разработанности и изученности различных аспектов и проблем курганного периода в Японии и культуры Кофун в частности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при создании учебных курсов для обучающихся в высших учебных заведениях по различным направлениям подготовки бакалавриата и

магистратуры, так как особенностью японской историографии культуры Кофун является её междисциплинарность – исследования японских учёных основаны как на исторических, так и археологических источниках, и характеризуются применением общенаучных и специальных методов, в том числе естественнонаучных. Кроме того, результаты проведённого исследования могут применяться в качестве инструмента «мягкой силы» в гуманитарных отношениях с Японией.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Работа основана на комплексном анализе результатов исследований японских учёных, занимающихся периодом Кофун и его культурой. Достоверность результатов основывается как на непосредственном анализе источников исследования, так и на владении автором японским языком, что обеспечивает в достаточной мере точный перевод академических текстов и отсутствие искажения смысла анализируемых работ.

Материалы диссертации прошли апробацию на таких конференциях, как Конференция молодых японоведов (г. Москва, 2020, 2021 гг.), Всероссийская ежегодная научная конференция студентов, аспирантов и молодых исследователей КЛИО (г. Иркутск, 2019, 2021, 2022 гг.), Международная научная конференция «Мир Центральной Азии – V» (г. Улан-Удэ, 2022 г.), Вторая научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность» (г. Санкт-Петербург, 2022 г.), VI Международная научная конференция «Археология в исследованиях молодых» (г. Липецк, 2022 г.). По теме диссертационного исследования опубликовано 17 статей, в том числе 6 – в рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, каждая из которых состоит из трёх параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также глоссария и приложения, включающего в себя иллюстрации (первых фотографий и графических изображений кофун, погребаль-

ного инвентаря, в том числе глиняных фигурок *ханива*, и т.д.). Приложение позволяет читателю сформировать образ описываемой культуры для лучшего понимания результатов её изучения японскими исследователями.

Положения, выносимые на защиту

1. Японская историография культуры Кофун как самостоятельное направление в исторической науке зародилась в конце XIX в. под влиянием таких факторов и событий, как окончание политики самоизоляции Японии, реставрация Мэйдзи и последовавшие за последней серьёзные преобразования в японском обществе, в том числе в сфере культуры, образования и науки. Несмотря на то, что первым выдающимся исследователем японской курганной культуры стал иностранец – англичанин Уильям Говланд – японские исследователи уже в конце XIX в. приступили к активному изучению культуры Кофун, используя воспринятую у европейцев научную методологию. Важнейшим представителем первого этапа развития японской историографии культуры Кофун является Цубои Сё:горо:, который не только исследовал различные элементы сопроводительного инвентаря и погребальные комплексы периода Кофун, но и воспитал целое поколение профессиональных историков, археологов и антропологов, заложив тем самым фундамент исторических исследований курганной культуры на Японских островах.

2. Довоенная и послевоенная историография культуры Кофун различаются не только лингвистически и идеологически, но и по форме представления материала. Исследователи курганной культуры в Японии с конца XIX до середины XX вв. в основном публиковали результаты своей научной работы в виде небольших статей в японских научных журналах (таких, как «Известия токийского антропологического общества», «Японская археология», «Журнал японского антропологического общества» и т.д.), а уже начиная с 1950-х гг. многократно увеличивается количество опубликованных монографий (в том числе коллективных) по проблемам культуры Кофун. Это связано с тем, что в довоенное время шло накопление знаний о культуре Кофун, и возможность сведения всех этих данных воедино и создания первых научных классификаций курганов и отдельных элементов погребального инвентаря появилась только ближе к 1940-м гг.

3. К середине 1930-х гг. в японской историографии культуры Кофун сформировался как основной каркас теорий о происхождении данной культуры, так и базовые представления о типологии форм курганов и классификации различных элементов погребального инвентаря. Среди наиболее значимых следует назвать работы Гото: Сю:ити, в особенности монографию «Изучение древнеяпонской культуры», в которой впервые объединены все имеющиеся сведения о культуре Кофун, накопленные с конца XIX в.

4. Резкое увеличение количества научных работ по различным проблемам культуры Кофун в 1950–1960-е гг. связано с тем, что экономический рост в послевоенной Японии способствовал масштабному освоению земель, а принятое в этот период законодательство обязывало перед строительством проводить обязательные археологические (спасательные) работы, направленные на сохранение культурного наследия. В этот период работали известные исследователи культуры Кофун, среди которых особенно стоит отметить Кобаяси Юкио, поднявшего в своей работе «Беседа о Кофун» множество актуальных проблем для дальнейшей дискуссии, что привело к становлению отдельных направлений в японской историографии, занимавшихся данными вопросами.

5. После окончания Второй мировой войны в японской историографии культуры Кофун, которая испытала настоящий подъём, сформировались основные научные школы и направления исследований. Выделение научных школ строится на принципе территориальности, и основными являются школы исследования культуры Кофун в городах Осака, Нара, Токио и Киото, причём две последние являются наиболее многочисленными и специализируются по большей части на общепонских исследованиях культуры Кофун. Наряду с общепонским направлением исследований в 1950-е гг. формируются региональные исследования, вызвавшие неподдельный интерес у учёных, так как региональная специфика курганной культуры позволяет делать выводы о степени взаимоотношений центра и периферии в Ямато, социально-экономического и политического развития в период Кофун, наличии путей сообщения и торговли между регионами и т.д.

6. Период 1970–1990-х гг. характеризуется настоящим бумом исторических исследований истории и культуры древней Японии; спровоцировавшая данный всплеск «лихорадка *Такамацу-дзука*», сопровождавшаяся невероятным вниманием к археологическим раскопкам СМИ и простых людей, привела к появлению нового поколения японских археологов и историков. Главным итогом для японской историографии культуры Кофун в данный период стало опубликование в начале 1990-х гг. 13-томника «Исследования периода Кофун», материалы которого остаются актуальными по сей день. В этот период работают такие японские исследователи, как Мори Ко:ити, Ооцука Хацусигэ, Кондо: Ё:сиро:, Исибино Хиронобу и др.

7. С начала XXI в. в Японии наблюдается снижение общественного интереса к изучению культуры Кофун, однако это не повлияло на количественные и качественные характеристики монографий и других научных трудов, посвящённых проблемам изучения курганной культуры Японии. В исторических исследованиях культуры Кофун в последние годы всё чаще применяются передовые естественно-научные методы, позволяющие исследовать курганы без проведения археологических раскопок. Японская историография культуры Кофун перешла в 2000-е гг. в фазу стабильности, на протяжении которой не наблюдается заметных всплесков в финансировании научных исследований в данной области и, следовательно, в количестве археологических раскопок и других форм изучения культуры Кофун. Одной из важнейших тенденций исследований японской курганной культуры в настоящее время становится повышение внимания учёных к вопросам историографии исследуемой темы, а также к проблеме сохранности курганов как важнейших памятников культурного наследия японской старины.

Глава 1. Период Кофун в истории Японии

1.1. Социально-экономическое и политическое развитие государства Ямато в III–VII вв.

Условия и время образования государства на Японских островах – дискуссионный вопрос, рассмотрением которого исследователи Восточной Азии занимаются не первое столетие [54, с. 14]. Учёные не всегда рассматривают Ямато III–VII вв. как полноценное государственное образование, хотя большинство мнений сходится в том, что именно в эпоху Кофун в Центральной Японии происходят процессы становления и развития первого государства либо ряда небольших протогосударственных образований или политий. Например, Д. А. Суровень, суммируя результаты исследований российских и зарубежных учёных, рассматривает рубеж III–IV вв. как время, когда происходил процесс формирования первых политических образований (общин-государств) в Центральной Японии [73, с. 6], а М. В. Воробьёв писал, что политический режим Ямато, как и императорская власть, сложились на Японском архипелаге приблизительно в V в. и окрепли в ходе борьбы с местными элитами (кланами) за земли [191, с. 159]. У. Фэррис характеризует IV в. как период усиления политического единства на Японском архипелаге, когда многочисленные региональные правители (вожди) стали заключать между собой союзы, в том числе с правителями региона Кинай [216, с. 7]. Ф. Дикинс считал, что японское государство зародилось на острове Кюсю в районе Цукуси, и только после этого под влиянием китайской цивилизации и буддизма стало возможно его развитие в Центральной Японии [85, с. 213].

Исследования квадратно-круглых (в форме «замочной скважины») курганов III–V вв. позволили японским учёным сделать вывод о возможном двоевластии в раннем Ямато: по мнению Кисимото Наофуми, наличие двух «родословных» гробниц указывает на сосуществование в раннем японском государстве двух правителей – сакрального (исполнявшего функции духовного лидера и отвечающего за исполнение ритуалов) и светского (выполнявшего политические и военные функции).

Наличие мифической фигуры императрицы-шаманки Химико породило представление о дуальности древней японской власти в формате женского религиозного и мужского административного правления [103, с. 1–2]. М. В. Воробьёв придерживался мнения, что сакральная и политическая функции во время правления Химико слились воедино, что способствовало ускорению процесса консолидации и удержанию стабильности; после смерти Химико её наследнику не удалось сохранить установленный порядок, т.к. исполнение религиозной функции ему, как мужчине, было недоступно [191, с. 95]. Т. Г. Сила-Новицкая отмечала, что выполнение сакральных функций первыми японскими императорами было источником их социального престижа, и идеологически ранняя власть в Ямато опиралась на традиции синтоизма [205, с. 7–8]. Японский императорский род, согласно историческим источникам, никогда не прерывался, и все правители Японии восходят к единому предку [224, с. 15]; в связи с этим изучение древней истории Японии ещё с XIX в. было идеологически важным для поддержания престижа императора.

Исследовательница курганного периода в истории Японии и культуры Кофун Джина Барнс полагает, что власть Ямато не была настолько велика, чтобы данное государство могло контролировать всю территорию Центральной Японии. Сама по себе культура Кофун не могла гарантировать полное политическое господство Ямато, особенно над Западной Японией [81, с. 4]. На основе анализа концентрации курганов в форме «замочной скважины» Барнс пришла к выводу, что в бассейне Нара в ранний период культуры Кофун (III–IV вв.) существовало как минимум две политии (ранних государства) – Мива (территориально сопоставимая со скоплением курганов *Макимуку-кофун-гун* в юго-восточной части бассейна р. Нара) и Сахо (в районе скопления курганов *Саки-кофун-гун*) [211, с. 153]. Государство Ямато, по мнению Дж. Барнс, возникло только в V в. в Кавати, регион Кинай (современные префектуры Осака, Нара и Киото) [210, с. 358].

Среди ранних политий древней Японии исследователи также называют Яматай, расположение которого остаётся нерешённой проблемой в японской исторической науке. Т. Г. Сила-Новицкая однозначно считала Яматай племенным союзом,

локализовавшимся во II–III вв. на севере острова Кюсю, а затем передислоцировавшимся в район Ямато, подчинив племена Центральной Японии [205, с. 7]. Дж. Барнс же отмечает, что эта полития могла существовать как на острове Кюсю, так и в долине Нара; в последнем случае потенциально проблематично определить, когда прекратило своё существование Яматай и появилось Ямато, были ли они непосредственно связаны или же это и вовсе два названия одного и того же политического образования. Помимо проблемы Яматай, Барнс отмечает дискуссионность вопроса о существовании других подобных политий – Идзумо, Киби и Северного Кюсю на территории Японии и Кая – на Корейском полуострове [82, с. 369–370]. Ричард Торрэнс не сомневается в том, что Идзумо действительно существовало и являлась самостоятельной политией, так как власть Ямато на протяжении первых веков существования была слишком слабой, чтобы подчинить себе столь отдалённый регион; в то же время и само Идзумо могло не быть однородным протогосударственным образованием; территории могли иметь общие обычаи и религиозные ритуалы, при этом не будучи подчинёнными единому правителю [115, с. 4–5].

Сасаки Кэнъити на основе анализа традиций верховой езды и упряжи, найденной в составе погребального инвентаря в кофун, сделал вывод о том, что дипломатические функции были монополизированы Ямато только в VI в., а до этого местные политии имели возможность самостоятельно общаться с государствами Корейского полуострова, что объясняет единообразие престижных товаров корейского производства, имевшее место только начиная с VI в. [112, с. 46]. Таким образом, племенные союзы или ранние политии могли быть самостоятельными акторами международных отношений в том смысле, который уместен для контактов Японии с материком в IV–V вв.

Цудэ Хироси называет «центральным двором» Ямато в IV в. двор Мива, а в V в. – двор Кавати. Существовали и другие политии: Нисикава Хироси на основе анализа крупных региональных захоронений V в. сделал вывод о существовании помимо центрального двора конфедерации Киби в одноимённом районе, расположенном на территории современной префектуры Окаяма; при этом конфедерацией

данное образование было ещё и потому, что его правители не принадлежали к одному клану [116, с. 923–924]. Ричард Пирсон рассматривал политический строй Ямато как базирующийся на сложной системе власти вождей разных кланов, передающейся по наследству – то есть власть не была сосредоточена в руках только императорской династии. Ярким примером была легендарная правительница Химико, правившая, согласно хроникам, в III в. н.э. [222, с. 25]. Наличие крупных кофун за пределами столичного региона также свидетельствует о наличии серьёзных политических сил на периферии Ямато.

Д. А. Суровень, проанализировав археологические данные, информацию из древнеяпонских хроник и результаты исследований Дж. Барнс, пришёл к выводу, что после смерти первого японского правителя, Дзимму, созданная им федерация Ямато могла трансформироваться в конфедерацию, в которой выделенные Дж. Барнс политии обладали определённой самостоятельностью [73, с. 11]; в конечном же итоге в зависимости от усиления той или иной политии политический центр государства Ямато в течение IV в. перемещался – во второй половине IV в. он был локализован в Саки, где оставался до конца IV в. [73, с. 20]. В конце IV – начале V вв. одним из наиболее развитых становится район, сопоставимый с современной префектурой Осака – здесь не только возводились крупнейшие кофун, но и активно развивалась торговля железом и изделиями из него (оружием, доспехами), а также ремесленное производство. В VI в. политический центр снова перемещается в бассейн Нара, однако район современного города Осака навсегда остался важным экономическим центром [222, с. 23].

По мнению М. В. Воробьева, территориально Ямато расширялось постепенно: в начале IV в., древнеяпонское государство граничило с регионом Токай (к которому относятся современные префектуры Сидзуока, Айти, Гифу и Миэ) на востоке и Тюгоку (современные префектуры Окаяма, Симанэ, Тоттори и Ямагути) на западе. К концу IV в. влияние Ямато распространилось до Канто (к которому в настоящее время относятся префектуры Гумма, Тотиги, Ибараки, Канагава, Сайтама, Тиба и Токио), а в V в. до Тохоку (северная часть острова Хонсю) на северо-востоке, острова Сикоку на юге и острова Кюсю на западе [191, с. 158]. Н. А. Иофан

также рассматривает становление японской народности (а заодно и государственности) как движение (в форме экспансии) на северо-восток, которое продолжалось без перерыва на протяжении большей части периода Кофун (IV–VII вв.) [193, с. 74].

Перемещение двора (а вместе с ним и политического центра) происходило как по причине установления брачных отношений между членами правящих элит различных политических образований, так и в результате войн за наследство. Всё вышесказанное позволяет предположить, что в целом взгляд на раннее Ямато как на совокупность политий с переменчивой властью последних является достаточно распространённым среди исследователей. Отсутствие единого политического центра (а, следовательно, постоянное появление конфликтов внутри страны) в течение данного периода не позволило Ямато занять желанную роль во внешней политике.

Дж. Барнс связывает появление региональных элит и развитие в связи с этим курганных культур в Японии (III–VIII вв.) и на Корейском полуострове (IV–VII вв.) со временем появления социальной дифференциации и формирования государств на данных территориях; кроме того, Дж. Барнс, основываясь на квалификации Барбары Прайс, относит Ямато и государства Корейского полуострова, развивавшиеся с опорой на опыт и пример Китая, ко «вторичным» государствам [211, с. 17–18]. Появление новой системы захоронения элиты с чётким ритуалом соотносится с утверждением новой политической идеологии [222, с. 23].

Японский археолог Эгами Намио в 1948 г. выдвинул теорию всадников, согласно которой образование государства на Японских островах было связано с завоеванием японского населения кочевниками с материка в V в. [102, с. 110]. Данная теория вызвала весьма оживлённую дискуссию в академических кругах [88, с. 265]: аргументы Эгами не были до конца убедительны, т.к. помимо увеличения количества конской упряжи в захоронениях японской знати в конце IV – V вв. ничто не указывает на факт завоевания Японских островов всадниками из Северо-Восточной Азии. Одним из первых против теории всадников выступил крупнейший специалист по периоду Кофун и японской курганной культуре Кобаяси Юкио, утверждавший, что широкое распространение как практики верховой езды, так и изготовления конской упряжи имело место только в конце V в. – слишком поздно для

того, чтобы всадники могли оказать влияние на формирование культуры Кофун и японского государства [112, с. 23].

М. В. Воробьёв, интерпретируя теорию Эгами, пришёл к выводу, что древне-японское государство было создано кочевниками из Восточной Маньчжурии, которые на пути к японским островам успели предпринять попытку завоевания Южной Кореи, в связи с чем принесли на японскую землю не только свои культурные и политические представления, но и те, с которыми они успели познакомиться на Корейском полуострове [191, с. 67]. Представления об их продвижении сначала на север острова Кюсю, а затем в Центральную Японию, несомненно, сформировались на основе анализа Восточного похода Дзимму [18, с. 529], описанного в «Кодзики» и «Нихон сёки». В последней дано следующее описание начала похода: «В восточной стороне есть прекрасная земля. Со всех сторон ее окружают зеленые горы. <...> Не отправиться ли туда и не основать ли там столицу?» [8, с. 177–178]. Ещё до М. В. Воробьёва заинтересовавшийся японской археологией в 1946 г. А. П. Окладников, изучая проблему этногенеза японского народа, отмечал, что записи о Дзимму олицетворяли собой процесс захвата более развитыми с точки зрения превосходства военной техники племенами юга соседних областей; направление этого процесса – с юга на север [68, с. 29].

Дж. Дуглас в «Письмах из Токио» описывает возникновение сильного государства на равнине Ямато в VI в. и дискуссионность вопроса о происхождении воинов-всадников, правивших в Ямато в те времена. Теория Эгами, не признанная большинством японских учёных, получила развитие в трудах западных исследователей [86, с. 364]. Одним из первых американских учёных, взявшихся за решение проблемы происхождения Ямато в результате завоевания японского населения всадниками с материка, стал Г. Ледьярд. В 1970-е гг. он занимался изучением и доработкой теории Эгами, отмечая, что на Западе о ней почти никто не слышал, а в Японии мало кто воспринял всерьёз, т.к. японцам сложно было поверить в то, что японский императорский род имел не местное происхождение, и принять сам факт решающего влияния на историю Японии народов с материка [105, с. 219]. У. Фэррис отмечал, что все учёные сходятся во мнении, что лошади, как и все элементы

конской упряжи, проникли на Японские острова из Южной Кореи, однако большинство корейских археологов согласно с японскими коллегами в том, что археологические данные (как корейские, так и японские) не подтверждают теорию Эгами [216, с. 77].

А. Андерсон в конце 1980-х гг. писал, что теория всадников хоть и имеет место в историческом дискурсе, представляется учёным менее актуальной, чем теория автохтонного происхождения государства в Японии; подтверждались эти тезисы явной преемственностью между керамикой Яёй и курганного периода и существованием особой японской формы кофун – квадратно-круглой [79, с. 279–280]. Дискуссия о теории всадников не прекращается по сей день. В 2015 г. Дж. Барнс в очередной раз предприняла попытку поставить точку в данном споре: по её мнению, и спустя более чем полвека после того, как теория была предложена Эгами, никакие материальные свидетельства не подтверждают её [210, с. 354]. Однако, судя по всему, теория ещё не раз привлечёт внимание исследователей истории Японии, так как однозначного толкования причин возникновения Ямато не существует.

Согласно данным хроник, в течение V в. пять правителей Ямато обращались ко дворам китайских династий с ходатайствами о получении титулов, которые помогли бы Ямато не только стать более конкурентоспособным во взаимоотношениях с корейскими государствами, но и способствовать усилению власти внутри страны, консолидации японского общества. Дарование китайскими династиями японским правителям титулов было одним из факторов формирования единого государства на Японских островах [210, с. 354].

О расцвете государства Ямато принято говорить уже в конце среднего и поздний периоды культуры Кофун, например, У. Фэррис называет таковым промежуток с 500 по 645 гг., когда система государственного управления была в целом сформирована под влиянием с материка. Правящая династия даровала местной знати и аристократам титулы (*кабанэ*) и фамилии (*удзи*), которые характеризовали их статус при дворе и зачастую род деятельности, закрепленный за конкретным родом. Кроме того, для обеспечения товарами и услугами членов правящей элиты организовывались объединения по роду деятельности (*томо* и *бэ*) [216, с. 7].

Кабанэ были наследственными титулами и имели множество видов: *оми* (для придворных), *мурадзи* (для военных), *куни-но мияцуко* (для управляющих провинциями), *томо-но мияцуко* (для управления придворными должностями) и т.д. [193, с. 75]. Постепенно, с развитием государства Ямато, система *кабанэ* без должного надзора стала запутанной, и к середине V в. обнаружилось многочисленное нарушение и обманное присвоение *кабанэ*. Император Ингё (438–453) провел ряд мероприятий по упорядочению *кабанэ*, приведя титулы в систему – были установлены их точные названия и утвержден порядок их присвоения и наследования. *Кабанэ* были важным орудием в руках правителя Ямато, так как только он имел право присваивать титулы своим подданным. Получение *кабанэ* было знаком личного одобрения императора и повышало социальный статус кланов [69, с. 16, 19–20]. В «Нихон сёки» систематизация *кабанэ* была описана как проверка подлинности родов и семей посредством испытания кипятком – те, кто лгал о своем происхождении, обжигался о кипятком в котле, установленном императором на холме *Умакасино-вока*. С тех пор все роды и семьи были определены, порядок установлен, и никто не врал о своем происхождении [8, с. 331–332].

Удзи частью исследователей рассматриваются как патриархальные ячейки общества (которые часто сопоставляют с кланами), которые представляли из себя объединение общин, которые были образованы семьями, происходящими от одного предка (или же претендовавшими на общее происхождение в целях усиления общины). В каждой семье был глава, а общины подчинялись одному вождю, так называемому *удзи-но ками*. У каждого *удзи* было свое божество-покровитель, *удзи-гами*, которому поклонялись члены клана [223, с. 43]. В *удзи* были исключительно важны кровно-родственные отношения: за действия одного члена общины отвечал весь клан. Кланов делились на большие и малые; последние были зависимы от больших и могли получить влияние только в случае гибели крупного клана. Кланов постепенно распадалась на ветви. В среднем число кланов в период Кофун варьировалось от 100 до 200 по данным «Кодзики» и «Нихон сёки» [191, с. 125]. Единство клана поддерживалось за счёт патерналистской организации общины, где ведущую

роль играла главная семья, а также общего места жительства и поклонения одному *удзигами* [196, с. 29].

Система *удзи* была актуальна для периода Кофун, в первую очередь, в связи с необходимостью совместного ведения хозяйственной деятельности. Человеку для выживания в то время был необходим коллектив; природа не поддавалась единичным усилиям, хозяйственные работы осуществлялись группами людей. Благополучие *удзи* зависело от того, насколько слаженно работают его члены. Поэтому человек не отделял себя от коллектива, с которым он был связан родственными узами – особенностью, сохранившаяся в японском обществе до нашего времени. Кроме того, отвернувшийся от клана человек становился беззащитным перед ликом божеств, ведь, как уже было сказано, члены каждого *удзи* поклонялись своему божеству-покровителю [189, с. 71].

Система *удзи* претерпевала изменения на протяжении рассматриваемого периода; особенно процесс трансформации заметен на рубеже VI–VII вв. К этому времени кланы разделились на три типа, что говорит о развитии процесса социального расслоения общества. Первый тип включал в себя кланы иммигрантов, которые характеризовались многолюдностью и небольшим количеством зависимых и рабов в подчинении. В кланах иммигрантов знатные члены клана были равны между собой. Второй тип *удзи* – знатные кланы, в которых стало заметно расслоение: выделились высший и низший слои членов клана. Данный тип включал в себя кланы управляющих областями (*куни-но мияцуко*) и кланы владык округов (*агата-нуси*). Последние имели вдвое больше дворов, чем *куни-но мияцуко*, и были гораздо более многолюдными; однако количество рабов в этих кланах было почти одинаковым [191, с. 127]. Последний факт лишний раз подтверждает тезис о том, что рабство в древней Японии не имело большого значения, ведь количество рабов не говорило о состоятельности клана. Последний тип *удзи* – это разложившиеся кланы, в которых сильные дома поглотили остальные и сделали их зависимыми.

Нельзя не отметить, что на императора и его род оказывали прямое влияние могущественные кланы. Их методы не включали в себя насилие, предпочтительно

было породниться с императорской семьей – это обеспечивало надёжное положение при дворе и реальное влияние на политические события. Больше всего в этом в V–VI вв. преуспел клан Сога, женщины из которого становились женами японских императоров. К VIII в. кровь Сога текла во всех наследниках престола. Удивительным остается преемственность и живучесть японской императорской династии в условиях беспомощности в сдерживании амбиций великих кланов. Род Сога внёс существенный вклад в систему императорского управления как политического института, уменьшив фактическую власть императора, однако поддерживая и увековечивая его право на царствование в качестве символа национального единства. Несмотря на растущую власть других кланов, именно император оставался представителем всех кланов древней Японии на международной арене – например, в отношениях с Китаем [223, с. 44–45].

Система местного управления (*кокудзо*) в VI–VII вв. была устроена следующим образом: назначенные императором *куни-но мияцукэ* управляли своими территориями (провинциями – *куни*), однако при этом оставались подчинены центральному двору Ямато и управляли провинциями от имени императора [225, с. 63]. Дискуссия о том, насколько самостоятельными были провинции и их правители в период Кофун, продолжается и в настоящее время. Хиросэ Сатору отмечает, что, несмотря на то, что немало исследователей склоняется к мысли, что автономные местные политии были независимы от центрального государства (Ямато), эта позиция никак не объясняет того факта, что периферия Ямато восприняла установленный центральной властью набор погребальных практик и ритуалов, который мог служить средством контроля над регионами [96, с. 28].

Социальная структура японского общества периода Кофун была в общих чертах составлена Дж. Э. Киддером на основе анализа древнеяпонских письменных источников – «Кодзики» и «Нихон сёки». Во главе государства стоял императорский род и элита – представители крупных и влиятельных кланов. Власть в кланах передавалась по наследству; глава клана приносил присягу императору. Знатность клана определялась количеством членов клана и размерами земельных угодий. Об-

служиванием потребностей верхушки общества занимались гораздо более многочисленные представители других социальных слоев – рабы, ремесленники, торговцы, мелкая знать. Количество рабов, по мнению Дж. Э. Киддера, было незначительным, основной источник – военнопленные. Ремесленники, как и рабы, были лишены свободы перемещения, а род занятий определялся родом занятий предыдущих поколений семьи [195, с. 172–173].

Гильдии ремесленников, или ремесленные роды-корпорации – *бэ* – специализировались на производстве конкретных товаров или услуг (например, на изготовлении керамики, тканей). Исследователи по-разному интерпретировали имеющиеся источники при определении функций и социального положения *бэ*: часть учёных считает, что *бэ* входили в число рабов (преимущественно материкового происхождения), от основной массы которых отличались высококвалифицированными ремесленными навыками [193, с. 75]. Затруднение вызывала и интерпретация понятия вышеупомянутых *томо* – корпораций, которые, судя по всему, были близки по функциям с *бэ* [195, с. 172–173].

Бэ часто упоминаются в древнеяпонских письменных источниках, особенно в «Нихон сёки». В VI свитке данного источника сказано, что во время правления императора Суйнина были учреждены ремесленные роды-корпорации *тотори-бэ* (птицеловы), *торикапи-бэ* (птицеводы) и *помуту-бэ*, а глиняные фигурки *ханива* было поручено изготавливать гончарам из рода *пани-бэ* из Идзумо. В этом же свитке перечислены многочисленные *бэ*, представители которых отвечали за производство тех или иных видов вооружения и экипировки: *татэнупи-бэ* (изготовители щитов), *ситори-бэ* (делали узорные ткани), *каму-югэ-бэ* (подготовка луков для подношения богам), *каму-я-наки-бэ* (изготовление стрел для подношения богам), *опо-анаси-бэ*, *пацу-каси-бэ*, *тама-сури-бэ* (изготовление изделий из яшмы), *каму-осака-бэ* (стражи оружейных складов), *пи-оки-бэ*, *тати-наки-бэ* [8, с. 226, 229, 231].

Согласно VII свитку, в конце своего правления император Кэйко: учредил *та-бэ*, члены которой специализировались на земледелии и, в частности, выращивании риса [8, с. 255]. В X свитке упомянуто о создании рода корпорации ткачей

патори-бэ в провинции Киби [8, с. 293]. В XI свитке «Нихон сёки», посвящённом деяниям императора Нинтоку, рассказывается об учреждении рода-корпорации по разведению соколов – *така-капи-бэ* [8, с. 314–315], в XII свитке – о существовании рода-корпорации *умати-бэ* (конюхов) [8, с. 324], а в XIV свитке представлена целая история о том, как была учреждена *сиси-пито-бэ* – род-корпорация, члены которой занимались разделыванием мяса [8, с. 348]. В XVIII свитке, повествующем о правлении императоров Анкан и Сэнка, указано, что были учреждены *магари-но тонэри-бэ* (государевы слуги), *магари-но юки-бэ* (охранники (лучники)) и *инукапи-бэ* (псары, значение данной категории интерпретируют в двух вариантах – участники государевой охоты либо охранники *миякэ*) [9, с. 28–29, 307]. *Бэ*, таким образом, создавались постепенно, в зависимости от возникающих нужд государства и императорского рода в частности, и их число в Ямато постоянно росло. Это было связано и с ростом производительных сил на Японском архипелаге, и с заимствованием ремёсел из материка, особенно с Корейского полуострова. Та же соколиная охота была воспринята из Пэкче, в связи с чем государь и приказал организовать целый род-корпорацию для обеспечения данного развлечения.

Благосостояние Ямато напрямую зависело от положения рядовых общинников. В древнеяпонских источниках можно найти упоминания об отмене налогообложения и прощении долгов общинникам. Часто подобные слова интерпретируются как выражение доброты и сострадания к своему народу правителей. Д. А. Суровень отмечает, что подобные действия государя были продиктованы скорее необходимостью сохранить численность и благосостояние слоя общинников для выполнения ими своих военных, трудовых повинностей и уплаты налогов [207, с. 20]. Свободные общинники составляли основную массу населения Ямато и занимались хозяйством, обеспечивающим жизнеспособность и развитие государства – земледелием, охотой, рыболовством. В их владении были пахотные земли и пастбища [193, с. 75].

К VI в. наметилась тенденция к ускорению социальной дифференциации внутри родов. Родовая верхушка к этому моменту сосредоточила в своих руках все необходимые ресурсы: земли, орудия труда, постройки, зависимых ремесленников

и рабов [192, с. 12]. Родовая знать владела обширными землями – *тадокоро* [193, с. 75]. Императорский род также не остался в стороне: значительно выросла доля собственности императорской семьи как на землю, так и на человеческие ресурсы [192, с. 12]. Земли императорского рода назывались *минасиро*, а сам император лично владел еще двумя категориями земель – *микосиро* и *миэгата*. Рисовые поля, а также находящиеся на них амбары (кладовые) для хранения риса (*миякэ*) также принадлежали правителю Ямато, что постоянно приумножало богатство императорского рода [193, с. 75]. *Миякэ* часто упоминаются в «Нихон сёки», согласно которому их учреждение относится к правлению императора Кэйко: [8, с. 255]. В XVIII свитке государь Сэнка с целью умиротворения страны отправил Асо-но кими для доставки зерна из *миякэ* в уезде Мамута провинции Капути, которое было учреждено ещё во времена правления императора Нинтоку [9, с. 30, 308]. *Миякэ* были названы даже земли трёх Кан (трёх корейских государств – Силла, Когурё и Пэкче), после того, как они сдались под натиском войска императрицы Дзингу: и признали себя данниками Ямато [8, с. 270].

Период Кофун по сравнению с предыдущим периодом (Яёй) характеризуется широким распространением сельского хозяйства на всей территории Японского архипелага. С III в. наблюдается постоянное увеличение количества используемых сельскохозяйственных орудий (мотыг, серпов, кос и т.д.), изготовленных из железа. Использование в сельском хозяйстве железных орудий сделало возможным быстрое расширение пахотных земель. Производство сельскохозяйственной продукции резко увеличилось, в связи с этим наблюдался подъем производительных сил. На Японские острова попали и быстро распространились новые технологии – черная металлургия, коневодство, гидротехника, гончарный круг и новые методы обжига, каменная кладка, металлургия золота и серебра [216, с. 55]. Вышеперечисленные факторы оказали прямое влияние на формирование социальных слоёв и развитие экономики в период становления государства Ямато.

Важным моментом в экономическом развитии Ямато было использование железа. Железо обрело статус стратегически важного для ведения войн товара после того, как в середине IV в. ранняя японская политическая система потерпела

крах и Ямато локализовалось в Кинай. С этого времени Ямато становится активным игроком во внешней политике в Восточной Азии – в бесконечных войнах трех корейских государств. За период с конца IV по VI вв. Ямато стал участником нескольких войн в составе союзов с Пэкче и Кая. Военная мощь Ямато, впрочем, была ограничена, в связи с этим закрепить своё влияние на Корейском полуострове не получилось. Одной из сторон сотрудничества с Кая была закупка железа, которая продолжалась в течение данного периода [210, с. 351–352]. В это время в Ямато произошла настоящая технологическая революция. Усиление контактов с материковыми государствами и появление на Японских островах китайских и корейских мигрантов способствовали появлению передовых технологий обработки металлов, изготовления керамических и металлических изделий, новых архитектурных решений [222, с. 23].

Постепенный процесс развития государства завершился к VII в. кодификацией государственного права и появлением системы административного деления, в том числе крупных административных единиц – городов [222, с. 25]. Таким образом, рассматриваемый период является ключевым для понимания сущности японского государства. Несмотря на большое количество теорий относительно характера ранних политических образований на территории Японских островов в III–VI вв., большинство исследователей сходятся во мнении, что централизованное государство Ямато оформилось только к VII в. [205, с. 7].

К этому времени структура японского общества, по мнению В. Н. Горегляда, предстает в следующем виде: родовая знать, свободные крестьяне, зависимые ремесленники и рабы [192, с. 12]. Возможность постройки гигантских кофун свидетельствует о существенной социальной дифференциации в древнеяпонском обществе и наличии рычагов влияния для контроля над населением [201, с. 86]. В это время усилился процесс формирования частной земельной собственности, однако общинная собственность сохраняла при этом твердую позицию.

Итак, вопрос о характере Ямато как политического образования на начальных этапах существования продолжает интересовать исследователей и порождать дискуссии в научном сообществе. Однако не вызывает никаких сомнений то, что

Ямато было качественно новым образованием, сумевшим пройти путь от становления до процветающего государства. Ямато начало свое формирование в III в. одновременно с началом развития курганной культуры на Японском архипелаге, и это время стало переломным в истории Японии.

Ямато как государственное образование было основано на территориальном принципе, а не племенном этническом, как это было прежде. Именно в рамках Ямато произошел переход от этнической общности к народности, которую характеризует единство территории, языка, культуры, экономики [193, с. 73]. Распространение новых технологий – выплавки металлов, металлообработки, изготовления керамических изделий – совпало по времени с тенденцией создания более крупных политических единиц в Восточной Азии: пока на территории Китая и Корейского полуострова шли объединительные войны, на Японских островах начался процесс становления первого государства [216, с. 55], который сопровождался растущей социальной дифференциацией. Существование возникших в древнеяпонском обществе социальных групп в той или иной мере зависело друг от друга. Особенностью социальной стратификации в Ямато, без сомнения, является наличие родов-корпораций ремесленников, которые специализировались на достаточно узком направлении или производстве конкретных товаров и услуг. Учреждение бэ проходило по инициативе императора, поэтому их существование также напрямую зависело от него.

Проблема идентификации Ямато как раннего государства нашла своё отражение в работах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Дж Барнс, Дж. Э. Киддер, У. Фэррис, М. В. Воробьёв, Д. А. Суровень, А. Н. Мещеряков, Эгами Намио, Сасаки Кэнъити, Цудэ Хироси, Кисимото Наофуми и многих других. Это свидетельствует о том, что поиск решения данного вопроса остаётся актуальным до сих пор, и однозначного ответа о том, каким было Ямато на первых этапах своего существования не существует. Несмотря на это, благодаря письменным источникам учёным удалось реконструировать социальную структуру древнеяпонского общества как сложную систему, включающую в себя императорский и другие знатные кланы и роды, военных и ремесленников, крестьян и рабов. Очевидно, что в

первые столетия своего существования Ямато не имело абсолютной власти даже над близлежащими территориями, не говоря о далёкой периферии. Культура Кофун была одним из факторов, способствовавших укреплению единства страны и японского народа. В связи с этим основные характерные черты японской курганной культуры рассматриваются в отдельном параграфе.

1.2. Становление и развитие культуры Кофун на Японских островах

Период Кофун чаще рассматривается как археологическая, а не историческая эпоха; Эгами Намио называл курганный период протоисторическим [78, с. 306]. На территории Японии за III–VII вв. было возведено несколько тысяч курганов различных форм и размеров – от небольших круглых кофун диаметром 5–10 м до гигантских квадратно-круглых курганов, достигающих в длину почти 500 м. [221, с. 1]. У большинства исследователей данные о количестве курганов расходятся. Например, Р. Пирсон считает, что только курганов в форме «замочной скважины» в Ямато возвели около 5200 [222, с. 23], по оценкам Накакубо Тацуо за период Кофун построили более 160 тысяч курганов [109, с. 99], а А. Н. Мещеряков в «Истории древней Японии» писал об открытии к началу XXI в. около 10 тысяч кофун [201, с. 82]. Помимо возведения курганов достаточно распространённой формой захоронений на Японских островах в III–VII вв. были пещерные захоронения – *ёко-анабо* или *о:кэцубо* (приложение 1), которые представляли собой горизонтальные отверстия глубиной в среднем до 2 м. в склонах холмов [258, с. 15].

Многие курганы в Японии исчезли в результате хозяйственной деятельности человека, другие постепенно разрушались под воздействием природных сил; внешний облик кофун менялся на протяжении веков. В настоящее время японские курганы внешне совсем не такие, какими были в момент постройки, и даже по сравнению со второй половиной XIX в. есть существенные изменения. Например, японский исследователь Накай Масахиро, проанализировав фотоснимки, сделанные англичанином Уильямом Говландом в 1870-е гг., отмечает, что в то время поверхность крупнейшего кофун в Японии (*Дайсэнрё:*) была ровной, форма курганного

возвышения на снимке чёткая – т.е. на кофун не росли деревья. Если взглянуть на этот же курган в XXI в., можно увидеть, что вся его поверхность густо заросла деревьями; по мнению Накаи, это результат широкомасштабных мероприятий по восстановлению лесов, которые проводились во второй половине периода Мэйдзи [138, с. 258].

Дж. Барнс и О. Масааки отмечают, что традиционно в японской археологии сложилось представление о хронологических рамках периода Кофун (и, соответственно, курганной культуры) в следующем виде – с 300 по 710 гг. н.э. Верхняя граница основывалась на официальной дате переноса столицы Ямато из Асука в Нара, а нижняя – на бытовавшем в научных кругах с начала изучения культуры Кофун представлении, что курганы начали возводить на территории Японских островов в самом начале IV в. Захоронения под земляными насыпями были характерны и для периода Яёй, однако, в отличие от кофун, которые в принципе были однородными по исполнению и ритуальным функциям, дольмены Яёй отличались существенным региональным разнообразием. Для разграничения понятий Дж. Барнс и О. Масааки вводят в англоязычный научный оборот два термина – *mounded tombs* (курганы периода Кофун) и *mound burials* (дольмены Яёй) [82, с. 359, 367]. Дольменами, или просто круглыми курганами, курганные сооружения позднего Яёй называет и Н. А. Иофан [193, с. 37].

Археологические данные, накопленные ко второй половине XX в., позволили отодвинуть начало эпохи Кофун на середину III в., когда, согласно китайским династическим хроникам, умерла Химико, над захоронением которой был воздвигнут величественный курган. Уже в 1970-е гг. Дж. Барнс обратила внимание на то, что традиционно сложившаяся хронология периода Кофун не объясняет всех археологических данных – несколько открытий определённо указывали на то, что генезис культуры Кофун пришёлся не на начало IV, а на середину – вторую половину III в. Помимо возможной датировки захоронения Химико, Барнс акцентировала внимание на распространённости в III в. характерных для культуры Кофун бронзовых зеркал с изображениями животных, а также на новых данных по части датировки керамики, полученных с помощью радиоуглеродного анализа. В последнем случае

керамика из древнейшего кургана в форме «замочной скважины» в долине Нара однозначно датировалась началом III, а не IV в. [82, с. 367, 369]. Таким образом, хронологические рамки культуры Кофун расширялись по мере изучения памятников материальной культуры и совершенствования методов датировки артефактов.

Культура Кофун не была однообразной как на протяжении нескольких веков своего существования, так и на разных территориях, хотя Н. А. Иофан и отмечала, что культура первого японского государства Ямато характеризуется невиданной ранее однородностью [193, с. 36]. Археологами на основании анализа постепенного изменения состава погребального инвентаря, форм и размеров курганов было выделено несколько этапов развития культуры Кофун. Как правило, это три этапа – ранний (III–IV вв.), средний (конец IV–V вв.) и поздний (VI–VII вв.) периоды культуры Кофун. Усиление местных кланов и центра государства Ямато привело к увеличению масштабов курганов, которое достигло своего пика в V в. [220, с. 14].

Как указано выше, выделение данных периодов связано с изменениями в размерах курганов, перемещением районов наибольшего распространения кофун, применением металлов и их сплавов (бронзы и железа), соотношением различных предметов в погребальном инвентаре и т.д. Несмотря на то, что хронология курганной культуры является неотъемлемой частью всех работ по периоду Кофун, хронологические рамки большинства исследователей отличаются друг от друга из-за разницы в подходах и критериях выделения этапов развития культуры [215, с. 99]. Например, японский археолог Сираиси Таитиро: выделяет их следующим образом: начальный (ранний) период (вторая половина III – вторая половина IV вв.), средний период (вторая половина IV – вторая половина V вв.), поздний период культуры Кофун (конец V – конец VI вв.) [321, с. 1], то есть хронология Сираиси не захватывает выделяемый большинством исследователей VII в. как время существования курганной культуры. У той же Н. А. Иофан, опирающейся на работы японских исследователей, хронология включает в себя не три, а четыре периода, первым из которых она называет некий «период архаики» (возможно, ссылаясь на постепенный переход от культуры Яёй к Кофун на некоторых территориях), который исследовательница относит к эпохе бронзы. Остальные выделенные ей этапы, соотнесённые

с ранним железным веком, в целом подходят под общепринятую схему: ранний (III–IV вв.), средний (V в.) и поздний (VI–VII вв.) периоды курганной культуры [193, с. 35–36].

Вопрос происхождения японской курганной культуры остаётся дискуссионным, хотя большинство исследователей склоняется к мысли, что в процессе формирования культуры Кофун серьёзное значение имело китайское влияние. Помимо версии о китайском заимствовании существуют также корейская, сибирская и автохтонная (местная, или северо-кюсюсская) теории происхождения культуры Кофун. У каждой теории есть свои последователи, имеющие на вооружении аргументы, подкреплённые результатами археологических исследований и их различными интерпретациями.

Согласно местной (автохтонной, северо-кюсюсской) теории, кофун, в том числе имеющие форму «замочной скважины» (*дзэнно:ко:энфун*) происходили от курганов предыдущей археологической культуры на Японских островах – Яёй. В период Яёй в Японии над круглыми и квадратными захоронениями возводились небольшие насыпи, разделённые канавками [258, с. 15]; могилы целых семей были сконцентрированы в одном месте, и со временем такой способ захоронения стал использоваться могущественными кланами и элитой. В поздний период культуры Яёй к таким квадратным и круглым насыпям стали добавлять прямоугольный выступ; это позволило учёным предположить, что в период Кофун данная традиция распространилась в Центральной Японии, а для утверждения власти возводились курганы величественных размеров [221, с. 1]. Е. С. Бакшеев однозначно пишет, что *функю:бо* (могильные насыпи периода Яёй) были непосредственными предшественниками и прототипами ранних курганов, относящихся к культуре Кофун, а переход к кофун в III в. в первую очередь связан с политическими процессами, происходившими в Центральной Японии. В качестве ещё одного аргумента в пользу автохтонной теории происхождения кофун исследователь указывает явную генетическую связь между керамикой периода Яёй (например, узкогорлыми кувшинами *цубо*) и ранними образцами *ханива*, в том числе цилиндрических и в форме домашней утвари [40, с. 140–141, 146, 157].

Многие зарубежные учёные, в том числе Дж. Киддер, придерживаются версии о заимствовании курганной культуры с Корейского полуострова [195, с. 186]. Несомненно, сравнивая погребальный инвентарь и сами захоронения корейской и японской знати можно найти немало схожих черт. Например, украшения из японских кофун и курганов королевства Силла выполнены в одном стиле, с применением одинаковых декоративных элементов, основное отличие в данном случае – металл. Если на материке была возможность изготавливать украшения из золота, то в Ямато для этих целей чаще использовались железо и бронза. Материковое происхождение приписывают и другим элементам погребального инвентаря – подвескам, локотным украшениям, лошадиной сбруе, сёдлам, доспехам, которые зачастую совершенно идентичны корейским артефактам. Оружие, найденное в кофун, также аналогично корейским образцам [50, с. 81]. Существует также и внешнее сходство японских курганов IV в. с корейскими захоронениями того же времени в Пэкче и Силла. Это может свидетельствовать о восприятии корейских культурных моделей и прямом влиянии корейской культуры на культуру Японских островов [197, с. 111].

Сторонники теории проникновения кочевых племен с Корейского полуострова отмечают, что строительство кофун стало возможным по причине более мощной военной организации захватчиков, благодаря которой они имели возможность сгонять огромное количество народа для возведения кофун [49, с. 8]. Данный тезис кажется слегка натянутым, так как не совсем понятно, зачем кочевым племенам, только что переселившимся на Японские острова, развивать с таким размахом курганную культуру. Кроме того, императорские курганы, строительство которых требовало наибольших трудовых затрат, имели уникальную форму *дзэнно:ко:энфун*, встречающуюся только на территории Японии и, очевидно, там и возникшую – а при перенесении своей культуры на Японские острова кочевники вряд ли задумались бы над созданием новых форм курганов. Российский исследователь А. Ю. Иванов, однако, указывает, что начавшиеся ещё в период Яёй массовые переселения людей с Корейского полуострова привели к тому, что в III–V вв. с очередной миграционной волной на Японские острова попала как курганная культура, так и

государственность. Основными причинами миграций стали изменения климата и нестабильная политическая ситуация в Северо-Восточной Азии [38, с. 49–50].

Таким образом, появление квадратно-круглых курганов (в форме «замочной скважины») рассматривается как процесс, происходивший на Японских островах без внешнего воздействия. Однако даже этот вопрос является дискуссионным: наличие похожих по форме курганов на Корейском полуострове заставляет некоторых исследователей сомневаться в местном происхождении данной формы. Исследование южнокорейских курганов, проведённое в 1980-е гг., показало наличие групп курганных захоронений, схожих по форме с квадратно-круглыми курганами Ямато. Местонахождение данных курганов – в районе влияния конфедерации Кая, с которой, согласно японским письменным источникам, у Ямато были тесные взаимоотношения. В данных курганах также были найдены полые глиняные фигурки, сопоставимые по внешнему виду и функциям с *ханива* [216, с. 87–88]. Данные факты свидетельствуют о возможном влиянии корейской культуры на развитие кофун, хотя многие японские учёные не согласны отказываться от идеи об уникальности кофун в виде «замочной скважины».

Китайская теория происхождения культуры Кофун является, пожалуй, наиболее популярной среди исследователей как в Японии, так и за её пределами. А. П. Окладников, изучая неолитические культуры древней Японии, пришёл к выводу, что ещё в период Яёй заметно влияние материковой (китайской) культуры на Японских островах, которое со временем только усиливалось. При этом культурным мостом советский исследователь, как и многие после него, называет остров Кюсю и окружающие его небольшие острова – таким образом, культурное взаимодействие Китая и населения Японских островов происходило через Корейский полуостров [68, с. 27–28]. Дж. Б. Сэнсом считал, что обнаруженные при раскопках японских курганов доспехи, шлемы, бронзовые зеркала и конская сбруя подтверждают версию о китайском происхождении культуры Кофун; кроме того, данные находки можно интерпретировать как имеющие взаимосвязь с археологическими культурами Монголии [208, с. 18]. Весьма сложно найти грань между китайским и корейским влиянием по части погребального инвентаря, поэтому его в качестве

подтверждающего аргумента используют сторонники обеих теорий, по-своему интерпретируя находки.

Такие артефакты из кофун, как глиняные статуэтки *ханива*, также имеют аналоги во многих культурах, в том числе в китайской: достаточно упомянуть терракотовую армию, обнаруженную в захоронении китайского императора Цинь Шихуанди. Несмотря на то, что китайские керамические изображения людей и лошадей гораздо крупнее (в натуральную величину) и реалистичнее, на Японских островах традиция окружения кургана глиняными статуэтками вполне может иметь китайские корни [61, с. 45]. Как минимум лошади были точно завезены на Японские острова с материка, поэтому *ханива* в виде лошадей не могли появиться в Ямато без непосредственного взаимодействия с государствами Китая и Кореи [339, с. 7]. М. В. Воробьёв, отмечая роль чужеземных культур в древней Японии, утверждал, что в целом сходство между *ханива* и китайскими керамическими статуэтками *таоюн* из погребений Ханьского Китая значительны; бронзовые зеркала, по его мнению, были также завезены в Ямато в уже готовом виде из Китая, так как орнаменты на китайских и более поздних японских бронзовых зеркалах зачастую идентичны [190, с. 99].

Сравнивая квадратные курганы (*хо:фун*) и усыпальницы китайской знати эпохи Воюющих царств (V–III вв. до н.э.), исследователи обнаруживают множество схожих черт, что добавляет в копилку теории китайского происхождения кофун ещё один аргумент [258, с. 24]. Форма и внутреннее устройство императорских курганов периода Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) также сопоставимы с японскими кофун [326, с. 128, 146]. В подтверждение китайской теории возникновения культуры Кофун японоведа А. Е. Жуков перечислял следующие аргументы: сопоставимая с китайскими гробницами ориентация ранних японских курганов по оси север-юг, применение при декорировании погребальных камер китайских красителей, а также наличие трёх уровней насыпи у ряда кофун в виде ступеней-платформ [194, с. 55].

Сибирская теория происхождения кофун является наименее признанной в научном сообществе [57, с. 92]. Это объясняется как очевидной с первого взгляда

взаимосвязью погребального инвентаря и традиций постройки курганов в Китае и Корее с одной стороны и в Японии – с другой, так и огромными для III–VII вв. расстояниями между локализацией сибирских курганов и Японскими островами, а также серьёзной разницей во времени существования курганных культур в Сибири и на Японском архипелаге. Тем не менее, ряд исследователей всё же находит факты, которые можно интерпретировать в пользу данной теории.

Тот же Дж. Б. Сэнсом, указывающий на китайское происхождение кофун, отмечал, что такой элемент погребального инвентаря, как *магатама* (дугообразные бусины, похожие по форме на клыки или личинки насекомых), изготавливался из полудрагоценных камней и минералов, широко распространённых на материке, в том числе в Сибири, но не в Японии. В их числе Сэнсом называет агат, яшму, кварцит, стекло, жадеит, нефрит и хризопраз [208, с. 19]. Сэнсом считал, что жадеит, нефрит и хризопраз не встречаются в Японии, а также Китае и Корее, однако это не так – на самом деле даже в Японии есть месторождения жадеита, а про отсутствие нефрита в Китае говорить просто странно. При этом месторождений хризопраза в Восточной Азии действительно нет, зато в России его издавна добывают на Урале.

Сэнсом также утверждал, что воспринятая древним населением Японских островов корейская культура содержит в себе следы влияния северокитайской культуры бронзы, в которой, в свою очередь, наблюдаются скифо-сибирские элементы. Если следовать данному запутанному объяснению, курганная культура, какой исследователи знают её на Японских островах, прошла долгий путь – из Сибири на север Китая, откуда, приобретая местные черты, она прошла через весь Китай к Корейскому полуострову, и, наконец, через южные острова Японского архипелага попала в Ямато [208, с. 17]. Если теория Сэнсома верна, это объясняет хронологическое несоответствие между временем существования курганных культур в Сибири и Японии, т.к. понадобилось много веков для описанного движения культуры на восток.

Востоковед Л. М. Ермакова писала, что ряд элементов погребального инвентаря кофун, в том числе бронзовые зеркала, дугообразные бусины *магатама* и оружие, являясь одновременно предшественниками символов власти в Японии (императорских регалий), корнями уходят в алтайский ритуально-мифологический комплекс. Кроме того, близки и функции зеркал в Сибири и древней Японии, так как на обеих территориях зеркало воспринималось какместилище души и даже божеств. Таким образом, Л. М. Ермакова отводит важную роль в процессе формирования культуры Кофун данным артефактам, которые могли проникнуть на Японские острова с переселенцами, имевшими алтайское происхождение [5, с. 18–19].

Исследование генетической связи японских кофун и курганов тагарской культуры (Минусинская котловина и Ачинско-Мариинский район РФ, Алтай) позволило сделать первоначальные выводы о наличии схожих черт тагарских и японских курганов по критериям формы, среднего размера и состава погребального инвентаря (выполненные из бронзы кинжалы и зеркала, *магатама*). Разумеется, российские исследователи не называют изогнутые бусины из тагарских курганов «*магатама*», однако внешнее сходство находок и материалы, из которых они изготовлены, не оставляют сомнений относительно возможной связи [52, с. 152–153].

Ни одна теория так и не одержала над остальными убедительной и, главное, окончательной победы. В связи с этим происхождение кофун – одна из действительно вечных проблем японской историографии, к которой так или иначе вынуждены обращаться все специалисты по древнеяпонской истории и культуре, т.к. от их позиции по данному вопросу зависит вся дальнейшая интерпретация находок и процесса раскопок в целом. Курганная культура тесно связана и с политическими преобразованиями на Японских островах в рассматриваемый период, т.к. культура всегда несёт на себе отпечаток политических и социальных процессов в регионе своего существования. В связи с этим анализ культуры и её происхождения важен и для понимания процесса становления государства на Японском архипелаге.

Географически культура Кофун наиболее сосредоточена в Центральной Японии в регионе Кансай, в особенности на территории современных префектур Осака

и Нара [23, с. 67]. Однако скопления курганов, в том числе крупных, распространены также в Западной (префектуры Хиросима, Окаяма, Киото) и Восточной (префектуры Гифу, Айти, Нагано, Гумма, Ибараки, Тиба, Токио и Канагава) Японии [219, с. 55, 111, 120, 134, 168] (приложение 2), что свидетельствует о прочных связях между центром и периферией [66, с. 17]. Культура Кофун быстро распространилась на Японских островах, проникнув в северные регионы уже в IV в. и приобретая на своём пути местные черты и характерные особенности [64, с. 76–77]. Решающую роль в распространении курганной культуры в отдалённых от центра государства Ямато регионах играли водные, в том числе морские пути сообщения [65, с. 33]. Выбор места для строительства курганов был связан и с особенностями рельефа: скопления кофун характерны для долин рек и равнинных местностей, среди которых стоит отметить равнины Канто:, Кудзю:кури, Но:би, Исэ, Осака, Нара, Харима, Окаяма, Хиросима, Итидзэн, Канадзава, Итиго и др.

Ввиду огромного количества курганов большая часть до сих пор остаётся либо незначительно исследованной, либо не обследованной вовсе. Помимо этого фактора значительное затруднение в исследовании курганной культуры вызывает действующий с 1874 г. запрет Управления императорского двора Японии на раскопки кофун, в которых предположительно покоятся древние правители Японии и их родственники [222, с. 523]. Списки, в которых конкретные захоронения на основании древнеяпонских письменных источников и надписей, найденных при осмотре курганов, соотнесены с японскими правителями (либо их родственниками) были составлены уже в период Эдо (1603–1868). Около 900 кофун входят в список захоронений императоров и их родственников, в том числе 188 относят к ближайшим (старшим) членам императорской семьи, берущей начало от легендарного императора Дзимму [222, с. 24].

Это весьма спорный момент, так как соотнесение курганов и предположительно похороненных в них членов императорской семьи было проведено скорее по принципу «большой курган – императорский курган», чем с применением научных методов. Японский народ впервые смог краешком глаза взглянуть на импера-

торские усыпальницы только в 1991 г., когда ребёнок проник на закрытую территорию кургана *Мисэ-Маруяма* в Нара и сделал несколько фотографий, которые быстро разлетелись в СМИ. Эти снимки породили у учёных сомнения в достоверности соотнесения конкретных кофун и императоров, и запросы в Управление императорского двора на исследования императорских усыпальниц стали подаваться с удвоенной силой [82, с. 374–375].

В послевоенное время японские учёные оказали давление на Управление императорского двора с целью получить доступ к исследованию крупнейших курганов в форме «замочной скважины»; данный запрос был в некоторой степени удовлетворён – ограниченному кругу специалистов позволили осматривать захоронения в ходе подготовки гробниц к реставрационным работам [87, с. 371]. Археолог Мидзуно Масаёси в работе «Захоронения императоров: общий обзор», опубликованной в 1994 г., сетовал, что ежегодные встречи и обсуждения японского академического сообщества и Управления императорского двора не приводят ни к каким положительным результатам. Помимо желания изучать кофун, учёные озабочены вопросами сохранения культурного наследия Японии, формами и содержанием реставрационных работ, их планированием, а также проблемой доступности культурного достояния для публики [287, с. 11]. Таким образом, удовлетворение запросов учёных на допуск к исследованиям крупнейших кофун началось только в 1995 г., и это был серьёзный, по-настоящему переломный момент для японской археологии и истории, так как теперь исследователи смогли получить доступ к обширному и уникальному материалу, таящему ответы на многие дискуссионные вопросы древнеяпонской истории [82, с. 374–375].

Ещё одной проблемой, затрудняющей исследования культуры Кофун, является сохранность курганов [51, с. 142–143]. За многие столетия, прошедшие с момента возведения кофун, как естественные природные процессы, так и урбанизация сыграли свою роль: курганы, которые не входят в число объектов, за сохранение которых отвечает Управление императорского двора Японии, могли быть как разрушенными полностью [110, с. 524] (например, в ходе строительства дорог), так и

существенно измениться в размерах и по форме. В связи с этим, во-первых, невозможно точно определить количество кофун, возведённых в III–VII вв., а, во-вторых, 5–10 % небольших курганов в скоплениях кофун нельзя однозначно идентифицировать по форме.

Японская курганная культура характеризуется большим разнообразием форм кофун [56, с. 11] (приложение 3). Помимо распространённых на материке квадратной (*хо:фун*) (приложение 4) и круглой (*энфун*) (приложение 5) форм на Японском архипелаге были распространены следующие: квадратно-круглая (*дзэнно:ко:энфун*, уникальная японская форма курганов (приложение 6), получившая в англоязычной историографии название *keyhole shaped tomb* – курган в форме «замочной скважины») [209, с. 255], квадратно-квадратная (*дзэнно:ко:хо:фун*) (приложение 7), *со:хо:тю:энфун* (круглый курган с двумя прямоугольными либо трапециевидными выступами), *со:хо:тю:хо:фун* (квадратный курган с двумя прямоугольными либо трапециевидными выступами), восьмиугольная (*хаккакуфун*) (приложение 8), шестиугольная (*роккакуфун*), в форме гребешка (*хотатэгаикэи-кофун*, по форме похож на квадратно-круглый курган, определяется по соотношению размеров квадратной и круглой части – большая круглая часть делает кофун похожим на раковину гребешка), *дзё:энкахо:фун* (круглый курган, расположенный на квадратной насыпи), *дзё:энфун* (два слитых круглых кургана, «курганы-близнецы») [55, с. 119]. На протяжении периода Кофун крупнейшими курганами оставались *дзэнно:ко:энфун*, расположенные в основном в регионе Кинки (Кансай), так как именно там располагалась резиденция правителей Ямато [221, с. 1].

Курганы привлекали внимание японского народа многие века – поэтому донаучные названия форм кофун появились в Японии уже в период Эдо. *Энфун* (круглые кофун) именовали следующим образом: *маруяма* (круглая гора), *маруцука* (круглая насыпь), *мару-хакаяма* (круглая могильная гора). Квадратные курганы имели схожие по происхождению названия: *масуяма* (четырёхугольная гора) и *масуцука* (четырёхугольная насыпь). Для квадратно-круглых курганов были придуманы весьма интересные названия: *тё:сицука* (насыпь в виде бутылочки для sake),

хё:тан-яма (гора в форме тыквы-горлянки), *футагоцука* (насыпь-близнецы). Научный подход к выделению формы кофун получил свое развитие во второй половине периода Эдо (1603–1868). Термин «*дзэнно:ко:эн*» был впервые использован учёным-конфуцианцем Гамо: Кунпэй (1768–1813) в труде «Санрё:си», где он описал 23 императорских кофун, которые ему доводилось видеть в своих путешествиях [258, с. 5–6].

Разнообразие форм вызывает у исследователя закономерный вопрос: в зависимости от каких факторов выбиралась форма захоронения? Данной проблематикой активно занимается археолог Цудэ Хироси (род. 1942) [258, с. 5], а археолог Онояма Сэцу выдвинул гипотезу о том, что японский императорский двор несколько раз в течение периода Кофун налагал запрет на строительство курганов определённой формы (в основном квадратно-круглой – курганы в форме «замочной скважины» всегда считались показателем статуса императорской семьи) для кланов, которые лишились доверия правителя Ямато. В качестве доказательства Онояма приводит тот факт, что в начале V в. региональные вожди – главы кланов на периферии Ямато – не возводили *дзэнно:ко:энфун*, в то время как в политическом центре Ямато в это время были построены величественные сооружения – курганы императоров Нинтоку и Одзин [116, с. 923].

Появление курганов с выступами – квадратно-круглых и квадратно-квадратных – вызвало большой интерес у учёных-археологов в 1960–1980-е гг. Акадзука Дзиро придерживается мнения, что *дзэнно:ко:хо:фун* и *дзэнно:ко:энфун* являются характерной особенностью развития культуры Кофун в регионах Канто: (преф. Гумма, Тотиги, Ибараки, Канагава, Сайтама, Тиба и Токио) и То:кай (подобласть Тюбу – преф. Сидзуока, Айти, Гифу и Миэ) [258, с. 26], однако они широко распространены также на западе Японии и в её центральной части.

При строительстве японских курганов применялись разнообразные техники декорирования – как во внешнем, так и во внутреннем оформлении. Вариативность внешнего вида кофун достигалась за счёт окружения кургана рвом (их количество могло достигать трёх; как правило рвы окружали наиболее крупные *дзэнно:ко:эн-*

фун), а также применения каменной кладки на поверхности кургана (*фукииси*). Каменная кладка выполняла не только декоративную, но и практическую функцию, сохраняя поверхность кофун от воздействия разрушительных сил природы. Важной особенностью каждого кургана является его ориентация относительно сторон света. Исследователи уже с начала XX в. предполагали, что направление входа в гробницу и расположение погребальной камеры соотносятся с представлениями древних японцев о Вселенной. В 2020-е гг. группа итальянских исследователей, используя спутниковые снимки курганов и статистические данные, провела масштабное исследование проблемы ориентации японских кофун. Результаты показали, что расположение кофун относительно сторон света с высокой долей вероятности была связана с поклонением японцев солнечной богине Аматэрасу, а в конкретных регионах имела характерные черты в связи с особенностями местных преданий и представлений о загробном мире [80, с. 12–13]. С помощью данных методов, а также применения георадара исследователи изучают геофизические характеристики курганов и состояние их сохранности [84, с. 2], [90, с. 349], [113, с. 1–6].

Наиболее заметной внутренней особенностью оформления кофун является наличие или отсутствие росписей на стенах погребальной камеры; как правильно отметил А. Н. Мещеряков, около двух третей от общего числа настенных росписей в кофун находятся в курганах острова Кюсю, что делает этот метод декорирования региональной особенностью южных кофун [201, с. 94]. Для курганов с росписями на стенах и саркофагах в японской археологии существует специальный термин – *со:сёку-кофун* (что дословно можно перевести как «украшенный курган») (приложение 9). Для росписей в основном использовался красный пигмент, получаемый из киновари; изображения были достаточно примитивными: многочисленные круги, треугольники и другие геометрические фигуры (приложение 10), изредка встречаются изображения людей, животных (по большей части лошадей, т.к. именно в период Кофун они появились на Японских островах и быстро стали играть важную роль в жизни японцев) (приложение 11) и даже лодок [317, с. 51–52]. Некоторые курганы острова Кюсю, впрочем, украшены разноцветными росписями;

например, *Тибусан-кофун* в префектуре Кумамото знаменит масштабными трёхцветными росписями стен погребальной камеры [317, с. 55–56]. Помимо росписей на стенах погребальных камер в японских курганах встречаются и рельефы, в том числе покрытые различными пигментами. Примером последнего служат вырезанные в камне стены погребальной камеры и покрытые киноварью окружности в кургане VI в. *Сэгонко:-кофун*, преф. Кумамото [317, с. 22–23].

Тело покойного помещалось в гроб или саркофаг, который затем располагали в погребальной камере. В этом аспекте курганной культуры на территории Японских островов также не было единства: саркофаги и гробы изготавливали из разных материалов (в основном из дерева или камня, но встречаются и керамические саркофаги), а их формы и сложность исполнения также были разнообразными (коробчатого типа, в форме дома, расщеплённого бамбука, со сложными ручками, изготовленные из цельных каменных плит или составные и т.д.). Зачастую саркофаги также покрывались концентрическими кругами и другими узорами, как и стены погребальной камеры. Например, в *Сэкидзинсан-кофун* (преф. Фукуока) был найден потрясающий резной каменный саркофаг в форме дома [317, с. 77–79].

Вместе с покойным в гробницу помещался погребальный инвентарь, функции которого, по мнению исследователей, были различными: от демонстрации престижности захоронения и социального статуса умершего до снабжения покойного в загробном мире необходимыми вещами – оружием, сосудами для еды и питья и т.д. В основном в курганах находят бронзовые зеркала (приложение 12), оружие (приложение 13), сельскохозяйственные металлические изделия, доспехи, конскую упряжь (приложение 14, 15), керамику, украшения (бусы, изделия из позолоченной бронзы (приложение 16), изогнутые бусины *магатама* (приложение 17)) [221, с. 2]. Представления древних японцев о загробной жизни и их взаимосвязь с составом погребального инвентаря являются предметом активных дискуссий в японской исторической науке. Те же *магатама* получили различную интерпретацию как по форме, так и по функциям: если в работах японских исследователей можно встретить их сравнение с клыками [184, с. 290], то, например, новосибирский археолог С. В. Алкин считает, что они скорее похожи на личинки насекомых, и их наличие

в корейских и японских погребениях свидетельствует о культе насекомых в Восточной Азии [39, с. 135, 137].

Для культуры Кофун характерна керамика двух типов – *хадзики* и *суэки*. Чан Су Бу отмечал, что *хадзики* была повседневной керамикой, в то время как *суэки* – погребальной [77, с. 127]; в кофун исследователи встречают керамику обоих типов. *Хадзики* характеризуется коричневым либо красноватым оттенком, высокой пористостью и низкой температурой обжига (которая обеспечивает первые два характерных признака). *Суэки* – неглазурованная керамика, отличающаяся высокотемпературной обработкой, бело-голубым оттенком и наличием орнамента. Керамика *суэки* и *хадзики* изготавливалась без применения гончарного круга, однако была весьма разнообразной по формам и сферам применения: *набэ* (котелок), *камэ* (большой горшок/чан), *кидай* (подставки для сосудов), *цубо* (кувшин/горшок), *сара* (блюдо), *хати* (миска), *цуки* (чарка/чашечка для саке), *судзури* (тушечница), *ёкобэ* (пузатые вазы/бутыли) и т.д. [20, с. 131, 133]. Радиоуглеродный анализ найденных в курганах образцов керамики служит в настоящее время основным методом для датировки кофун.

Особым видом керамических изделий, характерных для периода Кофун, являются неоднократно упомянутые выше *ханива* (приложение 18). *Ханива* представляют собой полые изделия из обожжённой глины, принимающие различные формы: от простых цилиндров до зоо- и антропоморфных форм, встречаются даже *ханива* в форме домов, предметов домашней утвари и т.д. [67, с. 689–690]. *Ханива* – важная часть погребального обряда эпохи Кофун, можно сказать, практически неотъемлемая (хотя существует достаточно много курганов, особенно небольших размеров, около которых *ханива* не обнаружены). *Ханива* в основном использовались во внешнем оформлении курганов – они окружали кофун по периметру, иногда в несколько рядов, либо обрамляли какую-то его часть. *Ханива* дают исследователям огромное пространство для изучения не только погребальных обычаев древних японцев, но и их повседневной жизни, т.к. именно на основе анализа их облика основано большинство реконструкций одежды жителей древнего Ямато и их жилищ.

Назначение *ханива* в процессе упокоения души остаётся загадкой, однако многие исследователи предпринимали попытки понять роль погребальных фигурок. Например, советский востоковед М. В. Воробьёв в историко-археологическом очерке о древней Японии писал, что смысл установки *ханива* зависит от их формы: если *ханива* цилиндрическая, то ряд таких фигурок служит чем-то вроде ограждения для кургана, помогающего обезопасить захороненного в нём человека от воздействия злых духов, в то время как зоо- (приложение 19) и антропоморфные (приложение 20) *ханива* позволяют отказаться от принесения человеческих жертв при захоронении, при этом не оставляя покойного в одиночестве [190, с. 89]. Для японских учёных, изучающих культуру Кофун, что будет рассмотрено в последующих главах, *ханива* были одним из важнейших объектов исследования, порождавшим дискуссии, новые интерпретации и классификации глиняных фигурок, ведь *ханива* изображали не только людей и животных (приложение 21), но и предметы быта и даже дома (приложение 22).

Вопрос происхождения *ханива* также вызвал бурную дискуссию в японском научном сообществе. Несмотря на то, что традиция устанавливать глиняные статуэтки людей и животных около курганов и внутри них известна также в Китае – крупнейшем культурном доноре в Восточной Азии в рассматриваемый период – в конце 1960-х гг. в Японии устоялось мнение, что *ханива* произошли от ритуальной керамики культуры Яёй, которая отличается от *ханива* наличием узоров и тем, что ритуальные сосуды Яёй не окружали захоронения. Данная теория была высказана Кондо: Ёсиро в работе «Происхождение *ханива*» и была принята японским академическим сообществом [260, с. 5].

В ранний период культуры Кофун преобладал погребальный инвентарь, свидетельствующий о главенствующей ритуальной (сакральной) функции правителя: бронзовые зеркала, браслеты, бусы, в меньшей степени – оружие и доспехи. В конце IV в. картина начинает меняться: всё большее внимание при захоронении уделяется оружию и доспехам, начинают появляться элементы конской упряжи. Происходит изменение восприятия роли правителя – от духовного главы до воина, управляющего большим войском. Данные изменения заметны не только на основе

анализа погребального инвентаря, но и по описаниям деяний правителей древней Японии в «Кодзики» и «Нихон сёки».

Эгами Намио отмечал, что ранний и поздний этап в развитии культуры Кофун имеют серьёзные различия, и переход от раннего этапа к позднему не был эволюционным, а имел резкий, скачкообразный характер. С точки зрения Эгами, японцы, как консервативный народ, основным занятием которого к началу периода Кофун было сельское хозяйство, не могли самостоятельно вторгаться на материк, в том числе на Корейский полуостров, в IV в., и тем более заимствовать материковые модели культуры [105, с. 222]. Таким образом, без воздействия внешних сил (которых Эгами идентифицировал как кочевников с материка) культура Кофун не могла бы иметь такой внутренней эволюции в течение III–VII вв. Изменения состава погребального инвентаря в какой-то мере подтверждают данную теорию.

Как в долине Нара, так и в периферийных районах Ямато кофун редко возводились в полной изоляции друг от друга. Как правило, в одной местности строили несколько курганов, которые учёные объединяют в скопления – *кофун-гун*. Существует два основных типа скоплений: характерные для VI–VII вв. курганные кладбища (приложение 23), состоящие из множества, даже сотен небольших круглых кофун, и скопления IV–V вв., состоящие из нескольких крупных курганов, в том числе скопления кофун в форме «замочной скважины». Второй тип в Центральной Японии встречается достаточно часто – по одному-два скопления на один современный небольшой город. Курганы в подобных скоплениях, по мнению Х. Цудэ, возводились с разницей в одно поколение [116, с. 923], однако на самом деле в местах многих крупных скоплений присутствуют как более ранние курганы, так и кофун, построенные в VI–VII вв. Выбор места для захоронения рядом с местом погребения предков, пусть и далёких, не является уникальным явлением. В то же время захоронения в одной местности, датированные разными веками, позволяют сделать вывод о периоде могущества того или иного клана на данной территории.

Японские кофун характеризуются различными типами погребальных камер – как вертикальными, так и горизонтальными. В первом случае гроб или саркофаг

(приложение 24) помещался в усыпальницу через отверстие в потолке, то есть дальнейший доступ к захоронению был, как правило, ограничен, т.к. зачастую в такой погребальной камере уже не оставалось свободного места, а отверстие в потолке надёжно запечатывалось. Горизонтальные погребальные камеры, пожалуй, являются более распространёнными на Японском архипелаге, т.к. они характерны для большей части крупных курганных захоронений. Отдельным типом горизонтальных погребальных камер стали так называемые коридорные гробницы – в таком случае в кургане создавалась целая сеть коридоров различных форм (Т- и Г-образные, а также более сложные), в конце которых располагались помещения, в которых устанавливались саркофаги и сопроводительный инвентарь. Появление на Японских островах коридорных гробниц, очевидно, стало возможным под влиянием позднеханьских захоронений. Сначала коридорные гробницы появились в Когурё, а затем распространились в других корейских государствах и в Ямато [210, с. 355]. Коридорные гробницы стали наиболее распространённым типом внутреннего устройства кофун, начиная со среднего периода культуры Кофун; особенно это касается курганов крупных размеров, т.к. это позволяло размещать в одном курганном холме несколько захоронений в разных частях кофун [135, с. 32].

В VII в. культура Кофун претерпевает серьёзные изменения. Времена «гигантомании» остались в прошлом, и захоронения как членов императорской семьи, так и других знатных родов, стали заметно мельчать. Обычная картина для того времени – небольшие *энфун*, сгруппированные в курганные кладбища [210, с. 355], которые вмещали в себя до 600–700 захоронений. Курганные кладбища проникли даже далеко на север, в регион Тохоку. В это время влияние Ямато распространяется на ранее независимые или незаселённые территории, что видно по появлению скоплений небольших круглых курганов на самом севере острова Хонсю. Однако сама культура Кофун к тому времени уже изжила себя, и на новых территориях возведение курганов никогда не станет массовым явлением.

Угасание культуры Кофун в VII–VIII вв. имело несколько причин. Само по себе строительство огромных кофун требовало колоссальных затрат (как финансовых, так и трудовых), поэтому в ходе реформ Тайка в 646 г. был введён запрет на

строительство гигантских курганов. Данный указ – *Хакусю:рэй* – вводил ограничение на размеры курганов в зависимости от социального положения похороненного; по сути, это было точкой в истории строительства курганов в форме «замочной скважины», которые считались символом императорской власти в период Кофун [321, с. 309–315].

Теперь, когда императорская власть получила достаточную поддержку и приобрела требуемый уровень социального престижа, необходимость в огромных затратах, связанных со строительством гигантских гробниц, отпала. Новая эпоха несла новые вызовы, поэтому старые методы укрепления власти становились всё менее эффективными. По мнению японского исследователя Курияма Кадзуо, после реформ Тайка правители Японии пришли к выводу, что строительство храмов является более подходящим способом демонстрации политической власти, чем возведение кофун, в связи с чем и угасла курганная культура [134, с. 358–359]. Принятие рассмотренного выше указа *Хакусю:рэй* в таком случае был просто формальностью, т.к. теперь строительство кофун в принципе потеряло свою социальную и политическую роль.

Важной частью данного процесса стало и воздействие инородных религий на японское общество и правящую верхушку. Проникший с материка на Японские острова на рубеже IV и V вв. буддизм также постепенно стал влиять на культуру Ямато и привносить в нее изменения, в том числе по части восприятия загробной жизни [17, с. 66]. Буддизм усилился к концу VI в., причём настолько, что традиции синтоизма вместе со жречеством были оттеснены на задний план [193, с. 78]. В конце концов, по мере укрепления на японской почве буддизма к VIII в. всё более популярной становится кремация, а курганы переходят в категорию пережитков прошлого [97, с. 8]. Таким образом, на окончание строительства курганов на Японских островах повлияли как социально-политические, так и религиозные факторы.

В современной Японии очень трепетно относятся к своему культурному достоянию; курганы, квалифицирующиеся Управлением императорского двора как места упокоения членов императорской семьи, остаются неприкосновенными и

тщательно охраняются государством. Внесение скопления курганов *Модзу-Фуруити* в список культурного наследия ЮНЕСКО также свидетельствует о том, что культура Кофун является важной частью японской истории и японской идентичности. Раскопки кофун составляют значительную долю ежегодно спонсируемых японским правительством археологических исследований, в связи с чем изучение древней истории Японии даже в 2020-е гг. остаётся одним из приоритетных направлений японской исторической науки. Помимо исследовательских задач решаются проблемы сохранения культурного наследия в условиях возрастающих темпов роста городов и нехватки земельных ресурсов в современной Японии. Японские учёные и простые граждане участвуют в различных проектах по созданию базы данных японских курганов, которые направлены на популяризацию науки и приобщение японского общества к культурным ценностям своей родины. В число наиболее активно развивающихся Интернет-ресурсов по культуре Кофун входит сайт «Карта кофун», позволяющий пользователям осуществлять поиск курганов по форме, местоположению и названию, знакомиться со справочной информацией о конкретных кофун [53, с. 245].

Период Кофун является одним из важнейших в истории Японии, т.к. именно в промежуток между III и VII вв. на Японских островах возникло государство, во главе которого стояли представители императорского рода, царствующего по сей день. Место культуры данного периода и её роль в формировании современной японской культуры сложно недооценить; никогда более в Японии для захоронения не возводились такие величественные сооружения, как императорские усыпальницы кофун. Курганы привлекали внимание японцев в течение всех последующих столетий, что вылилось в длительную историю их изучения, которая продолжается до сих пор с завидными темпами. Культуру Кофун можно охарактеризовать одновременно и как общеяпонскую – то есть в общих чертах однородную для большей части территории Японского архипелага – и как имеющую яркие региональные отличительные черты; таковыми, например, являются красочные росписи стен погребальных камер на острове Кюсю, характерные только для этого региона, а также различия в соотношении длины конечностей у *ханива* в виде лошади в Восточной

и Западной Японии и т.д. Эта характеристика японской курганной культуры способствовала формированию двух основных направлений исследований в японской историографии культуры Кофун – часть учёных стала рассматривать культуру Кофун как единую систему, изучение которой возможно лишь комплексно, другие исследователи предпочли анализировать региональную специфику культуры Кофун в конкретных местах и на основании этого делать дальнейшие выводы о структуре государства Ямато и степени взаимодействия центра и периферии в древнем японском государстве.

1.3. Период Кофун в японских, китайских и корейских письменных источниках

Династийные хроники и летописи, которые составлялись в Средние века в Восточной Азии, имеют свои особенности, среди которых стоит обратить внимание на несвоевременность занесения сведений в хроники. Кроме того, в древности перед летописцами вовсе не стояла задача, выраженная Леопольдом фон Ранке – писать историю такой, какая она есть. Описывая события, важнее было не излагать факты, а возвеличивать императорский дом, укрепляя его авторитет и социальное положение правителя [223, с. 42]. Поэтому многие события описаны иносказательно, и иногда сложно понять, что на самом деле кроется за кажущейся совершенно невероятной историей. Обо многом просто умалчивали – о поражениях в войнах, о захвате территорий, о том, что государство платит кому-то дань [11, с. 45]. По этой причине есть много нестыковок, выявляемых при сравнительном анализе японских, китайских и корейских источников по рассматриваемому периоду.

Анализ древнеяпонских, древнекорейских и древнекитайских хроник с точки зрения их достоверности и возможности использования их данных для реконструкции истории древней Японии был проведён советским востоковедом Н. И. Конрадом [198, с. 12–14], и стоит отметить, что его оценка остаётся актуальной по сей день. Первые японские письменные источники, по которым представляется возможным изучать период Кофун и курганную культуру, были созданы уже после

завершения данной эпохи – в начале VIII в. Создатели «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.) преследовали вполне очевидную цель – укрепить сложившуюся политическую систему путём создания «мифологической истории», отодвигавшей возникновение императорской династии в далёкое прошлое. Таким образом, первые письменные источники по японской истории были призваны узаконить новый порядок – как власть императорского двора, так и влияние крупных кланов [83, с. 930]. Помимо подтверждения преемственности власти императоров, в «Кодзики» и «Нихон сёки» доказывается законность претензий на власть определенных кланов [195, с. 165]. «Кодзики» и «Нихон сёки» охватывают значительный период от возникновения древнего японского государства – Ямато – до конца периода Кофун. Оба источника состоят из нескольких десятков свитков, каждый из которых посвящён жизнеописанию одного из правителей древней Японии. По мнению Н. И. Конрада, «Кодзики» и «Нихон сёки», описывающие события ещё с эры богов, могут быть полезны только при воссоздании истории Ямато V–VIII вв. [198, с. 14]. В «Кодзики» и «Нихон сёки» многие вещи представлены иносказательно, а всё повествование строится на конфуцианском принципе – зло всегда наказывают, а добродетель (в данном случае император) торжествует [204, с. 4–5].

Д. А. Суровень отмечает, что созданная в угоду императорскому роду (для создания видимости его древнего происхождения) хронология была поддержана даже некоторыми западными исследователями истории Японии [71, с. 118]. Впрочем, это было скорее исключение, чем правило, так как японоведы уже в XIX в. сомневались в реалистичности описываемых событий. Например, Ф. Дикинс придерживался мнения, что хронология и само повествование первых летописцев не только Японии, но также Кореи и Китая, не заслуживает доверия, а древние хроники должны восприниматься как сборники преданий – то есть скорее как литературное творчество, чем как исторический источник. В первую очередь данный тезис подтверждается тем, что описанные в «Кодзики» и «Нихон сёки» события не находят подтверждения в корейских и китайских письменных источниках [85, с. 213, 215].

Аналогичную позицию занимал советский востоковед М. В. Воробьёв, отметивший в своей работе «Япония в III–VII вв.», что отсутствие надёжной хронологии древнеяпонской истории представляет собой существенную трудность для исследователя данного периода [191, с. 22]. При этом он обращал внимание на то, что в «Нихон сёки» содержится большое количество письменных свидетельств сооружения кофун – курганных захоронений первых японских императоров. В числе прочего, по мнению М. В. Воробьёва, из данного исторического источника историк может почерпнуть сведения о процессе строительства кофун, особенностях устройства курганов и состава погребального инвентаря, об обычаях и погребальных обрядах, существовавших на Японском архипелаге в III–VII вв. [190, с. 73].

Так как до V в. на Японском архипелаге не было письменности, истории передавались из уст в уста многие поколения, приобретая множество никогда не существовавших в реальности подробностей. Таким образом, при составлении хроник древнеяпонские летописцы были вынуждены опираться на устную традицию, в которой тесно переплелись фрагменты старых воспоминаний, фантастические легенды и народные сказки. Кроме того, составители «Кодзики» и «Нихон сёки» находились под влиянием китайской традиции составления хроник, и из чувства гордости за свою страну им хотелось приукрасить её историю. В Китае при написании династийных хроник тоже не скупилась на преувеличения [223, с. 42].

Несмотря на упомянутые выше серьёзные проблемы, связанные с датировкой описанных в древнеяпонских источниках событий, описания правления первых японских государей могут дать исследователю массу полезной информации как об эволюции государственного строя и местного управления, социальной структуре общества, так и о самой культуре Кофун. Упоминания о курганах и погребальном обряде в «Нихон сёки» действительно присутствуют, начиная с III свитка, речь в котором идёт о деяниях легендарного основателя Ямато – Дзимму [19, с. 11]. Согласно данным «Нихон сёки», Дзимму был погребён в круглом кургане на горе Унэби-яма [8, с. 194], который расположен в г. Касихара (преф. Нара).

В VIII свитке, посвящённом деяниям государя Тю:ай (*Тараси-нака-ту-нико-но сумэра-микото*), упоминается, что предыдущий правитель, *Вака-тараси-нико-*

но сумэра микото (император Сэйму), был похоронен в гробнице в Саки-но татанами в провинции Ямато-но куни. В примечаниях к русскому переводу «Нихон сёки» в связи с этим фактом указано, что, предположительно, имеется в виду большой *дзэнно:ко:энфун* в г. Нара (квартал Мисасаги). Важной деталью для формирования представления о погребальном обряде является то, что Сэйму был похоронен в кургане только через год (осенью следующего года после смерти) в день, когда новолуние пришлось на день *Мидзуноэ-но тацу* [8, с. 258, 454]. Таким образом, выбор дня для постоянного погребения был тесно связан с лунным циклом и, соответственно, с китайским лунным календарем.

XIII свиток «Нихон сёки» содержит описание правления сразу двух японских государей – Ингё: и Анко:. В данном свитке помимо упоминания о гробницах есть информация о функции императора в жизни японского народа: наследный принц *Во-асадума-ваку-го-но сукунэ* (впоследствии – император Ингё:) характеризовал государя как человека, правление которого должны сопровождать великие деяния, а сам он должен отличаться умом и мудростью. В попытках отречься от престола он говорил: «Тяжело бремя управления святилищами предков и храмами земли и злаков» [8, с. 329]. Это свидетельствует о преобладании в первой половине периода Кофун жреческой (сакральной) функции правителя Ямато над политической. Функция императора как предводителя войска особенно ярко отражена в повествовании о походе государыни Дзингу: в Силла (IX свиток). Дзингу:, согласно «Нихон сёки», собиралась самостоятельно завоевать Запад и сама пойти на ратное дело, «схватившись за боевой топорик», хотя и признавала, что это не женское дело [8, с. 266–267]. Далее политическая функция императора постоянно упоминается в источнике. Например, в XIV свитке, повествующем об императоре Ю:ряку, повествуется о том, что государь «послал войско», то есть политическая власть императора постоянно крепла [8, с. 354].

В XIII свитке рассмотрены части ритуала захоронения японского правителя: до того, как поместить усопшего императора в кофун, проводился обряд временного захоронения – *могари* – и уже через некоторое время после этого останки помещались в курган [8, с. 332–333]. Таким образом, захоронение знатных членов

японского общества в III–VII вв. состояло из двух ступеней – предварительной (*могари*) и окончательной (в кофун). По части внутреннего устройства курганов в «Нихон сёки» информации совсем немного; из описания захоронения *Ямато-такэру-но микото* можно сделать вывод, что покойного, облачённого в погребальные пелена, помещали в гроб (саркофаг). Облачение усопшего в погребальные одеяния соответствует ритуалу захоронения, описанному в китайском сборнике обрядовых установлений «И ли» [8, с. 252, 452].

Во второй части XIII свитка «Нихон сёки», в которой описаны деяния императора Анко: (*Анапо-но сумэра микото*), также есть отсылки к погребальным практикам культуры Кофун. Верные принцу *Опо-кусака* люди после его смерти считали необходимым последовать вслед за своим господином, чтобы быть вместе с ним и в смерти, и, перерезав себе горло, пали рядом со своим принцем [8, с. 341–342]. О захоронении *Опо-кусака* в «Нихон сёки» сведений нет, однако данный эпизод ставит перед исследователем вопрос о возможном захоронении с усопшим членом императорского рода его придворных, которые сопровождали бы его в загробной жизни. Ещё в VI свитке «Нихон сёки» целый параграф посвящён описанию отмены обычая «смерти вослед», что привело к появлению *ханива*. В источнике описаны чудовищные события захоронения заживо приближенных скоропостижно скончавшегося брата государя *Ямато-нико-но микото*: люди были вкопаны вокруг гробницы, словно ограда, и были живы в течение нескольких дней после захоронения, испытывая ужасные страдания. Государь Суйнин, не в силах терпеть страдания своих людей, велел пресечь данную традицию и вместо живых людей стало законом окружать гробницу глиняными фигурками *ханива* [8, с. 228–229]. Так или иначе, археологических данных, которые могли бы подтвердить данную гипотезу, нет. Хоронить вместе впредь продолжали только супругов и детей; например, в XVIII свитке «Нихон сёки» указано, что после кончины император Сэнка был похоронен в гробнице *Муса-но цука* вместе со своей прежней законной супругой, государыней Татибана, и её ребёнком, причём записей о смерти *Татибана-но Накату* в источнике нет, как и о возрасте, в котором с ними был похоронен ребёнок [9, с. 31].

В «Нихон сёки» перечислены места захоронения многих членов японской императорской семьи. Очевидно, что в период Мэйдзи, когда проводилась работа по «установлению личности» погребённых в кофун правителей древности, информация из данного исторического источника была ключевым фактором соотнесения крупнейших кофун в форме «замочной скважины» с императорами древнего Ямато. Разумеется, здесь прослеживается сразу несколько проблем. Во-первых, количество курганов в Центральной Японии огромно, а в крупнейших скоплениях даже кофун величественных размеров – отнюдь не редкость, в связи с чем шансы неверной идентификации даже с учётом наличия в «Нихон сёки» географической привязки части гробниц весьма велики. Во-вторых (и это даже более важный фактор), как известно, хроника «Нихон сёки» была составлена только в VIII в. Едва ли можно предположить, что за несколько веков, прошедших с момента захоронения первых японских правителей, память об этом не претерпела абсолютно никаких изменений. Учитывая, что первые императоры Ямато многими исследователями классифицируются как мифические, проблема «наличия» курганов, в которых они покоятся, является весьма серьёзной.

Если кратко перечислить упомянутые в «Нихон сёки» гробницы императоров древней Японии, стоит обратить внимание на захоронения императоров Дзимму (Мисандзай-кофун, г. Касихара, преф. Нара) [8, с. 194], Суйдзэй (гробница на холме *Цукида-но ока*, г. Касихара, преф. Нара) [8, с. 198], Аннэй (южное захоронение на горе *Унэби-яма*) [8, с. 199], Итоку (верхняя гробница в долине Минаго, южнее горы *Унэби-яма*) [8, с. 200], Ко:ан (*Таматэ-но ока-но э-но мисасаги*, г. Госэ, преф. Нара) [8, с. 202], Ко:рэй (гробница *Катаока-но умасака*, г. О:дзи, преф. Нара) [8, с. 203], Ко:гэн (*Цуруги-но икэ-но сима*, г. Касихара, преф. Нара) [8, с. 204], Кайка (*дзэнно:ко:энфун Касуга-но идзакава-но сака*, г. Нара) [8, с. 205], Судзин (курган *Яманобэ-но мити-но магара-но ока*, г. Тэнри, преф. Нара) [8, с. 218], Суйнин (курган в форме «замочной скважины» *Сугавара-но фусими-но хигаси*, г. Нара) [8, с. 233], Кэйко: (*Яманобэ-но мити-но э*, г. Тэнри, преф. Нара – в источнике указано провинция Ямато-но куни) [8, с. 255], Сэйму (*дзэнно:ко:энфун Саки-но татанамии*

но *икэдзири*, провинция Ямато-но куни (преф. Нара)) [8, с. 258, 454], Хандзэй (курган *Мими-но пара* около г. Сакаи, преф. Осака) [8, с. 333, 475], Ингё: (кофун *Нагано-но пара*, в Кавати, к юго-востоку от г. Осака) [8, с. 339, 480], Анко: (курган *Пусими* в Сугапара – квартал Хорайтё:, г. Нара) [8, с. 342, 480], Бурэцу (холм *Ипатуки*, Катаока, преф. Нара) [9, с. 11], Кэйтай (усыпальница Авино (*дзэнно:ко:энфун*), г. Ибараки, преф. Осака) [9, с. 24], Сэнка (гробница *Муса-но цукисака-но э*, провинция Ямато, современная преф. Нара) [9, с. 31]. Стоит отметить, что для первых императоров, согласно «Нихон сёки», местом упокоения стала гора *Унэби-яма* (преф. Нара), затем в «Нихон сёки» появляются многочисленные упоминания переноса столицы [9, с. 201–204], и императоров стали хоронить не только на территории современной преф. Нара, но и в Осаке.

Немаловажными являются сведения о внешней политике Ямато (точнее, о связях древнеяпонского государства с материком), которые содержатся в «Нихон сёки». В основном это касается взаимоотношений Ямато и трёх корейских государств – Силла, Когурё и Пэкче, военные столкновения и союзы с которыми стали важной частью истории древней Японии, так как именно через Корейский полуостров на Японский архипелаг проникали новые технологии и образцы культуры. В этом можно убедиться, например, ознакомившись с материалами X свитка «Нихон сёки», в котором сказано, что во время правления императора Одзина ван Пэкче присылал ко двору правителя Ямато умельцев как в ремесле, так и в науке. Так попала в Ямато Чин Моджин – женщина, умевшая ткать шёлковые ткани. Приезжали с Корейского полуострова и чиновники, которые хорошо умели читать классические (судя по всему, китайские) тексты; таких учёных мужей назначали наставниками принцев. Из Силла, согласно японским источникам, приезжали искусные мастера-плотники, ставшие прародителями рода-корпорации *Вина-бэ* [8, с. 291, 294]. Культурные связи с Китаем также нашли отражение в данном свитке: в частности, указано, что *Ати-но оми* и *Тука-но оми* были отправлены в царство У за искусными вышивальщицами [8, с. 295]. Далее в тексте источника часто встречаются упоминания о приезде в Ямато ремесленных мастеров и учёных, которые остава-

лись жить на Японских островах и создавали бэ (в случае с ремесленниками). Таким образом, связи в сфере культуры в период Кофун между Ямато и материком были не менее крепкими, чем политические и экономические, и последние зачастую формировались именно за счёт желания японских правителей принимать культурные достижения китайских и корейских государств.

Взаимоотношения с государствами Корейского полуострова занимают значительную часть «Нихон сёки»; внешней политике Ямато, особенно во второй половине источника, уделяется большое внимание. Наивысшей точки влияние Ямато на материке достигло, согласно «Нихон сёки», во время правления императрицы Дзингу:, которая покорила все три корейских государства, превратив их земли в свои *миякэ*. Согласно тексту источника, ваны Когурё и Пэкче бились головой о землю со словами: «Отныне и впредь пусть нас вечно именуют западными соседями; мы никогда не перестанем приносить Японии дань» [8, с. 270]. Впрочем, как покажут последующие записи, дань из корейских государств зачастую не поступала, несмотря на данные Дзингу: обещания.

Правители Ямато, согласно «Нихон сёки», некоторое время владели землями на материке – это были уезды в Имна на Корейском полуострове. Наличие таких связей с материком указывало на могущество Ямато и возможность повелевать землями за морем по соседству с корейскими государствами. В XVII свитке «Нихон сёки», посвящённом деяниям императора Кэйтай, содержится любопытная дискуссия о передаче нескольких уездов в Имна под власть Пэкче. Согласно источнику, в 512 г. из Пэкче прибыли посланники с данью и просьбой передать четыре уезда в Имна (Верхний Тари, Нижний Тари, Сатха и Мору) под власть государя Пэкче. Мнения по вопросу передачи земель высказали как управитель провинции Тари, так и приближённые японского государя; с одной стороны, для сохранения этих земель, по словам *Подуми-но Оми Осияма*, нет ничего лучше, чем передать их Пэкче, которое находится к ним гораздо ближе, однако потенциально нынешний союзник (и данник) Ямато – Пэкче – может представлять опасность для Японского государства в будущем. Если предпринять попытку анализа данного свитка, можно

прийти к выводу, что у Ямато просто не было возможности и необходимых военных мощностей на материке для того, чтобы удерживать данные земли, и идея отдать их своему союзнику для укрепления отношений не выглядит непродуманной [9, с. 12].

Дальнейшие неудачные попытки японского войска занять выгодные позиции на Корейском полуострове и вернуть захваченные Силла территории Южной Кара и Ноккутхан лишь подтверждают эту точку зрения, как и тот факт, что на призыв японского императора к ванам Силла и Пэкче явиться к нему последние прислали послов, а сами не поехали, чем вызвали гнев государя Ямато, ведь «путь Неба заключается в том, чтобы маленькое служило большому» [9, с. 17, 20]. Ямато, даже согласно собственным историческим источникам, было не в состоянии осуществить собственные замыслы и амбиции.

Изучение более поздних японских письменных источников позволяет сделать вывод о сформированности основных государственных институтов к концу периода Кофун и сакральной роли императора в жизни японского народа. Несмотря на увеличение влияния знатных кланов на внутреннюю политику Ямато с VIII в., в источнике «Ямато-моногатари» повествование продолжает строиться на жизнеописании японских императоров, то есть именно фигура правителя ассоциируется в средневековой Японии с понятием «государство» [12]. Среди правовых источников VIII в. стоит также отметить «Сэммё» – собрание древнеяпонских указов. Последний источник позволяет проследить отмеченный выше процесс усиления роли рода Фудзивара и постепенное отеснение императорского рода от реальной политической власти [10, с. 138, 147, 166, 173, 187]. О духовной жизни японского общества можно судить на основании сборника заклинаний и ритуальных текстов «Норито», который содержит ценную информацию о традициях синтоизма, нравах и обычаях японцев [10, с. 107, 109, 113]. Специалисты по древней и средневековой Японии также обращаются к первой антологии японской поэзии, датируемой VIII в. – «Манъёсю» [6], [7]; данный источник полезен при изучении усиления влияния Китая на Ямато, начиная с конца периода Кофун, а также укрепления позиций буддизма в японском обществе, что стало одной из причин затухания культуры Кофун.

Важной группой исторических источников по рассматриваемому периоду являются корейские хроники – «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») [3], [4] и «Самгук юса» («Хроники трех королевств») [2]. «Самгук саги» – старейшая летопись в истории Кореи – была составлена придворным историком Ким Бусиком в середине XII в. – значительно позже, чем японские летописные источники по первым векам японской государственности. В связи с этим более чем возможны искажения в плане хронологии и достоверности материалов.

«Самгук саги» представляет собой официальную рукопись трех корейских государств, в то время как «Самгук юса» – это удивительное по разнообразию материалов собрание народных сказаний, выдержек из официальных исторических сочинений, записей чиновников, указов государей и даже детских сказок. «Самгук юса» были составлены в XIII в. буддийским монахом Ирёном, который не сводил свою работу к простому описанию того, что происходило при дворе правителя Корё; в данном труде он собрал сведения о хронологии корейских государей, удивительных событиях, культурном достоянии Кореи, буддийских законах и многом другом.

В корейском источнике «Самгук юса» содержится легенда о юноше Ёно, который переплыл Японское море на рыбе и стал императором Ямато во время правления Адалла-вана (его правление датируется второй половиной II в.) [2, с. 243]. Эта легенда может трактоваться как доказательство того, что корейские племена во II–III вв. переселялись на территорию Японии, и впоследствии именно корейцы и их потомки правили Ямато. Если принимать данное событие за достоверное и реально имевшее место, оно может также служить аргументом в пользу материкового происхождения курганной культуры на Японских островах, т.к. в случае привнесения политической культуры с Корейского полуострова непременно были бы переняты образцы и материальной культуры, а также традиции и ритуалы.

Корейские источники отражают также и те внешнеполитические связи, которые возникли между материком и Японским архипелагом в период Кофун. Однако, в отличие от «Нихон сёки», в корейских источниках исследователь не встретит столько побед и свершений японских войск на Корейском полуострове. В «Самгук

юса» подчеркивается, например, только то, что Пэкче не ценило соседство и дружбу Силла, а вместо этого искало доверия у Когурё либо Ямато, и совместно с ними правитель Пэкче «вершил злые и жестокие дела, нападал и разорял земли Силла. Из-за него совсем не стало спокойных лет» [2, с. 291].

В «Самгук саги» первое упоминание об отношениях Пэкче и Ямато относится к 397 г., когда ван Асин установил дружественные отношения с государством Вэ и отправил туда в качестве заложника своего наследника Чонджи [4, с. 157]. Так как в летописях было главным восхвалять своё государство, упоминания об уплате дани Ямато в хрониках Пэкче начисто отсутствуют. В то же время надо отметить, что нет и упоминаний об уплате дани самим Ямато – то есть на основе японских и корейских источников можно заключить, что, если даннические отношения и существовали, то дань подносили корейские государства Ямато, а не наоборот. Ким Бусик оставил сведения о обмене посольствами в 402–403 гг.: сначала Пэкче направило посла в Ямато, и тот вернулся с крупным жемчугом, а на следующий год ван Асин принял посла из государства Вэ [4, с. 157].

В 405 г. после смерти вана Асина японский император отпустил находящегося в Ямато в качестве заложника Чонджи на родину, где тот стал правителем Пэкче. Чонджи уехал в сопровождении ста японских воинов, которые охраняли его в пути [4, с. 158]; судя по всему, к Чонджи при дворе японского императора относились хорошо, поэтому после восшествия на престол новый ван Пэкче продолжил поддерживать дружеские отношения с Ямато. В 409 г. прибывшее с Японских островов посольство Ямато привезло ко двору вана Пэкче жемчуг, который светился в темноте; посольство было принято при дворе Пэкче с особыми церемониями. В 418 г. Чонджи направил ответное посольство, и в качестве даров в Ямато были доставлены 10 кусков белого шёлкового полотна [4, с. 158]. К VII в. Ямато постепенно снижает свою активность во внешней политике, поэтому на долгое время из «Самгук саги» исчезают упоминания об отношениях с древнеяпонским государством. В корейских источниках, впрочем, есть сведения о том, что практика отправления наследников Пэкче в заложники в Ямато действовала и в это время [4, с. 188], однако описаний посольств нет.

Китайские источники дают совсем немного информации о Ямато периода Кофун. Активное взаимодействие Японии и Китая началось уже после окончания курганной эпохи на Японском архипелаге. Немногочисленные записи в династийных хрониках (например, «Суй шу») содержат очень краткие сведения о стране с далекой периферии, которая пыталась найти своё место под солнцем, направляя ко двору китайских императоров своих посланников. Среди китайских хроник, описывающих народ *ва*, можно также назвать «Цянь Ханьшу», «Хоу Ханьшу», «Наньшу» и «Суйшу». Например, в «Хоу Ханьшу», то есть в истории Позднего Хань (гл. 113), есть небольшая заметка о Японии, в которой летописец представил достаточно любопытные сведения об этой стране. Расположенная на островах, Япония, по китайским хроникам, включала в себя около ста владений, и каждый владетель называл себя государем – ваном, чья власть передавалась из поколения в поколение. При этом главным японским правителем китайцы считали государя княжества Ямато (Сематай).

Описания быта и жизни японцев в «Хоу ханьшу» также довольно краткие; в Китае было известно, что в японских горах добывают киноварь, и из Японии происходит белый жемчуг и зелёный мрамор – очевидно, это были материалы, которые импортировались на материк с Японских островов. Отмечалось также, что на Японском архипелаге нет ни коров, ни лошадей – и действительно, лошади, согласно археологическим данным, появились в Ямато ближе к среднему периоду культуры Кофун. В хронике упомянуто и то, что в Японии нет различия между мужчинами и женщинами, а в одном из владений правит царь-женщина [1, с. 34–36]. Стоит отметить, что «Хоу Ханьшу» всё же описывает несколько более ранний период, чем III–VII вв., поэтому рассматривать его как источник по периоду Кофун стоит скорее по той причине, что к началу формирования курганной культуры на Японских островах не произошло сколько-нибудь существенных изменений в описанном китайскими летописцами общественно-политическом строе – этот процесс начался примерно в V в.

В истории южных дворов («Наньши», гл. 79) много повторяющейся информации из «Хоу Ханьшу», однако есть одно весьма интересное примечание: покойников японцы хоронят в гробах, однако наружных гробов не применяют, а над захоронением сооружают земляную насыпь [1, с. 45]. Таким образом, в Китае имели представление о том, что на Японских островах существовала курганная культура, хотя данная заметка могла относиться также и к дольменам острова Кюсю, известным ещё с периода Яёй. В «Наньши» взаимоотношения китайских государств с Японией описаны как неравноправные; китайский правитель, которому японские ваны подносили дары, даровал им титулы – полководец, успокаивающий Восток и Японский государь [1, с. 46]. Даже в собственных хрониках японские летописцы упоминали о даровании титулов японским государям китайскими правителями, поэтому данную информацию можно рассматривать как более или менее достоверную.

Уже имеющаяся в перечисленных выше китайских династийных хрониках информация существенно дополнена в 81 главе «Суйшу» – истории династии Суй (581–618), правившей в Китае в поздний период культуры Кофун. Начало дипломатических отношений между Китаем и Японией летописцы относят ко времени Троецарствия, когда ко двору династии Вэй начали прибывать посланники от японских правителей; в конечном итоге около тридцати японских государей, которых называли ванами, взаимодействовали с китайскими династиями с тех пор. Сведения из «Суйшу» интересны тем, что в описаниях быта жителей Японских островов они очень сходны с предыдущими династийными хрониками, однако в данном источнике появляется информация о грамотности японского населения, восприятии буддизма и наличии системы местного управления и бюрократического аппарата в молодом японском государстве. «Суйшу» позволяет определить момент, когда континентальная культура, в особенности буддизм, начинает глубоко влиять на мировоззрение японских правителей. Описание похоронного обряда, например, приобретает новые черты по сравнению с представленным в «Наньши»: покойных помещают теперь как во внутренние, так и в наружные гробы; знатных при этом выносят

только по прошествии трёх лет после момента кончины, а бедных хоронят в установленный по гаданию день [1, с. 94–97]. Таким образом, процесс затухания курганной культуры в Ямато описан и в китайских исторических источниках.

Критическое отношение к китайским династийным хроникам как к историческому источнику по истории отношений между народами Восточной Азии в III–VII вв. продиктовано тем, что Китай считал себя (возможно, небезосновательно) самым древним и могущественным государством региона. Японцы были для китайских правителей «восточными иноземцами» – людьми с довольно примитивной культурой и слабо развитой государственной структурой. Из Китая в период Кофун была воспринята иероглифическая письменность и философские учения [227, с. 1–3]. Таким образом, на основе одних только китайских источников сложно сформировать даже частичный образ Ямато в III–VII вв.: даже если контакты между государствами существовали, они могли не находить отражения в китайских источниках [38, с. 199]. В то же время в «Суйшу», например, упоминается, что маньчжурские владения Синьло и Бо-цзи считали Японию великим государством, имеющим много драгоценностей, в связи с чем они постоянно контактировали и проводили обмен посольствами [1, с. 97]; дипломатические отношения с Китаем Ямато поддерживало в том числе через Бо-цзи, откуда был воспринят буддизм и, соответственно, китайская письменность.

Все вышеперечисленные особенности древних письменных источников, в частности японских, подводят к одной из ключевых проблем при изучении политической и культурной истории древней Японии – хронологии правления японских императоров. Отход от ненаучной хронологии царствования японских государей периода Кофун произошел еще в XIX в., когда проблема хронологии была поднята в рамках критического направления исторической мысли. В Японии огромный вклад в изучение и уточнение хронологии правления правителей Ямато внесли учёные-историки, жившие во второй половине XIX – начале XX вв.: Нака Митиё, Суга Масатомо, Ёсида То:го, Кумэ Кунитакэ [206, с. 6–7]. Западные историки в это время также интересовались данными проблемами: например, Уильям Брамсен в

1880 г. выпустил работу, посвящённую японской хронологии, в которой он рассматривал способы летоисчисления в Японии и сравнивал данные японских письменных источников с китайскими и корейскими хрониками [213, с. 1–2, 29].

В отечественной историографии к проблеме хронологии впервые обратился М. В. Воробьёв в своей работе «Япония в III–VII вв.» [191]. Причина возникающих неточностей в хронологии проста – письменные источники, повествующие о происшедших в III–VII вв. событиях, были составлены только к VIII в. Великие события и истории жизни государей передавались из поколения в поколение, приобретая невероятные подробности. В конечном итоге правители древней Японии, согласно «Кодзики» и «Нихон сёки», были редкими долгожителями – каждый проживал 100–120 лет, поэтому и период правления одного государя затягивался почти на век. Это позволило существенно отодвинуть в прошлое возникновение японского императорского дома, увеличивая его престиж и влияние. Как указывал М. В. Воробьёв, проблемы в датировке появились ещё и потому, что древнеяпонские летописцы полностью полагались на структуру древнекитайских летописей и датировали давно прошедшие события по китайскому лунному календарю [191, с. 22]. Долгие периоды правления чередовались с короткими, что, по мнению английского историка Дж. Сэнсома, говорит о следующем: хоть хронология правления первых японских правителей была неточной, она отражала нестабильную династическую ситуацию в молодом государстве [223, с. 42].

Между тем, для учёных-историков весьма трудно в связи с этим понять, когда на самом деле происходили те или иные события и как шло формирование древнеяпонского государства и курганной культуры в период Кофун. Первые попытки составления приближенной к реальности хронологии были предприняты японскими исследователями в конце XIX в. Японские источники сопоставлялись с китайскими и корейскими хрониками, которые отличались гораздо более высокой точностью. В Китае хроники начали вести задолго до формирования на Японских островах государственных образований, и к III в. там уже успела сложиться традиция летописания. В любом случае, с 480 г. датировки японских, китайских и корейских хроник

начинают совпадать, и с этого момента расхождений в хронологии и сомнений в реальности описываемых событий становится гораздо меньше [206, с. 20].

Таким образом, письменные источники дают исследователю весьма скромную информацию о древнеяпонском государстве и этапах его развития в III–VII вв.; особенно это касается китайских хроник и летописей, в которых Ямато отведено совсем немного внимания, и одна и та же информация снова и снова повторяется в хрониках на протяжении столетий. Что касается курганной культуры, то даже в японских источниках ей не уделялось должного внимания, однако имеющиеся сведения были в полной мере использованы уже в период Мэйдзи, когда на основе анализа «Нихон сёки» в ведение Управления императорского двора были переданы десятки крупнейших курганов в форме «замочной скважины». Несмотря на то, что в тексте источника невозможно найти даже внешнего описания гробниц императоров, их примерное местонахождение по географическим отсылкам удалось обнаружить, пусть данный вопрос остаётся одним из наиболее дискуссионных в японской историографии культуры Кофун.

«Кодзики» и «Нихон сёки» использовались отечественными и зарубежными исследователями при изучении социальной структуры древнеяпонского общества, процесса формирования политических и социальных институтов в Ямато, взаимодействия Японских островов с материковыми государствами, курганной культуры и многих других аспектов истории Японии III–VII вв. Однако проблема хронологии и объективного отражения реальности в данных источниках вызывала сомнения ещё с конца XIX в., в связи с чем источниковедческий анализ «Кодзики» и «Нихон сёки» является отдельным предметом для исследований. То же самое можно сказать и в отношении китайских и корейских летописей и хроник, целью которых была в первую очередь передача величия собственного государства и его ведущей роли в Восточной Азии в рассматриваемый период. Тот факт, что в китайских хрониках одна и та же информация об особенностях японского общества и политической структуры раннего японского государства переходит из династии в династию практически без изменений, свидетельствует о том, что взаимодействие госу-

дарств, существовавших на территории Китая, и Японских островов вплоть до периода Тан было минимальным. В связи со всеми описанными выше особенностями письменных источников, отражающих историю Ямато в III–VII вв., стоит отметить, что без их соотнесения с археологическими данными, чем активно занимались японские учёные с конца XIX в., получить объективную картину невозможно.

Глава 2. История изучения японской курганной культуры в довоенный период

2.1. Истоки исторических исследований культуры Кофун в периоды Эдо и Мэйдзи

Кофун издавна привлекали внимание японского народа, так как на территории Японских островов, как указано ранее, их было великое множество, и некоторые имели весьма внушительные размеры. Однако долгое время в Японии не было ни учёных, которые могли бы заниматься их изучением, ни специалистов по сохранению культурного наследия, поэтому исследование кофун с применением научных методов стало возможным только в период Мэйдзи (1868–1912), когда Япония оставила позади несколько веков правления сёгунов и политики *сакоку* (самоизоляции Японии от внешнего мира) [226, с. 19–21]. Интерес к изучению курганов был подкреплён вполне объяснимыми причинами: в конце периода Эдо (1603–1868) в японском обществе набирали обороты споры о роли императора в жизни японцев и в истории Японии. В связи с этим сторонники реставрации были вынуждены искать аргументы для повышения престижа японского императора [59, с. 175].

Однако ещё до того, как стало возможным использовать для изучения курганов научные методы, в Японии находились грамотные люди, готовые заниматься исследованием кофун. В качестве первой попытки описания и изучения курганов японский исследователь Сираиси Таитиро: указывает проведённое в 1692 г. исследование двух *дзэнно:ко:хо:фун* в районе современного г. Оотавара (преф. Тотиги) по инициативе Токугава Мицукуни (1628–1700) [252, с. 139]. Токугава Мицукуни поручил проведение работ по изучению и сохранению курганов Ооганэ Сигэсада (1629–1713), старосте деревни Гогутти (район Насу-гун, сейчас – г. Накагава, преф. Тотиги). Для конца XVII в. Ооганэ был весьма ценным кадром – грамотный, знакомый с трудами по истории и буддизму, которые были получены Токугава Мицукуни в дар. В данных работах Ооганэ почерпнул те «научные» методы, которые он затем применит при изучении курганов [356]. Целью исследования *Самурайдзука-*

кофун был поиск надгробных надписей, которые могли бы помочь в интерпретации других исторических памятников данной местности; в конечном счёте всё это вылилось в многотомный труд «Насу-ки», представляющий собой летопись клана Насу – одного из наиболее могущественных в Симоцукэ-но-куни.

Изучение кофун было проведено Ооганэ с большой тщательностью и почтением к местам упокоения предков, а после завершения работ были предприняты все меры для сохранения курганов [252, с. 139]. По результатам проведённых исследований Ооганэ Сигэсада был подготовлен первый рукописный академический труд, посвящённый культуре Кофун – «*Юдзуками-мура курума-дзука осю:ри*» [16]. В данной работе были подробно описаны курганы *Симосамураидзука-кофун* и *Камисамураидзука-кофун*: перечислены размеры всех составных частей курганов и состав погребального инвентаря. Работа выполнена от руки; помимо подробных описаний кофун Ооганэ создал первые схематические изображения курганов в японской историографии (приложение 25). В начале книги Ооганэ отмечает, что кофун были отреставрированы в 1691–1692 гг. одновременно со строительством зала для хранения *Насу-но куни-но мияцуко-но хи* – каменного монумента, датированного периодом Асука (538–710) [16, с. 1–2].

Ооганэ в своём труде писал, что в рассматриваемой местности есть большая усыпальница, однако личность похороненного в ней человека была для него загадкой; на основании конструкции захоронения Ооганэ предполагал, что это было место упокоения высокопоставленного человека. Проведение раскопок Ооганэ поручил своему подчинённому, изучавшему конфуцианство. Исследования, как уже подчёркивалось ранее, были направлены на поиск надгробных надписей, однако ничего, кроме осколков мечей и бронзовых зеркал обнаружить не удалось. По этой причине дальнейшее изучение курганов не проводилось. Процесс реставрации и мероприятия по сохранению кофун Ооганэ описал следующим образом: раскопанную часть заново засыпают землёй, над ней делают дополнительную насыпь и сажают сосны, чтобы предотвратить процесс разрушения курганного холма [16, с. 20].

Наиболее интересные для исследователя культуры Кофун записи начинаются на 7 странице «*Юдзуками-мура курума-дзука осю:ри*», так как именно здесь Ооганэ

начал описание раскопок кургана *Симосамураидзука-кофун*. Все величины указаны в традиционных японских мерах длины – *кэн* (равняется шести *сяку*, в переводе на метрическую систему единиц – около 1,81 м.). Размеры рассматриваемого кофун Ооганэ определил иначе, чем принято в современной археологии. Были описаны следующие данные: высота задней квадратной части составляет 5 *кэн*, при этом максимальная высота (вершина насыпи) – 8 *кэн*, вместо общих сведений о длине кургана по центру представлены данные о протяжённости насыпи с севера на юг (21 *кэн*) и с востока на запад (25 *кэн*). Описан выступ, характерный для *дзэнно:ко:хо:фун*: на 15 *кэн* выдаётся вперёд длинная и широкая насыпь. Относительно раскопок Ооганэ указывал, что курган был раскопан на 5 *сяку* (около 1,5 м.); среди обнаруженных реликвий упомянуты бронзовые зеркала, обломки шлемов, 16 фрагментов доспехов, 15 сломанных мечей, а также другие виды оружия (например, копье) и сосуды различных размеров [16, с. 7–8].

Далее Ооганэ описывает раскопки соседнего кургана – *Камисамураидзука-кофун*. Этот кофун, согласно его данным, достигает в высоту 12 *кэн* (22 м.), вершина вытянута с севера на юг, а её длина с востока на запад составляет 8 *кэн* (14 м.). Сам курган крупнее предыдущего: с севера на юг его протяжённость – 30 *кэн* (т.е. длина составляет около 54 м.), а с востока на запад – 28 *кэн* (ширина – 50 м.). Кофун также раскопали примерно на 5 *сяку* в глубину (1,5 метра). Здесь состав погребального инвентаря был немного другим: обнаружены 18 наконечников стрел, 5 фрагментов шлема и доспехов, керамические и каменные изделия, идентифицированные Ооганэ как браслеты. При оформлении данного захоронения, согласно данным Ооганэ, использовались различные пигменты, в том числе красный и чёрный [16, с. 9–10].

Стоит отметить, что Ооганэ не только перечислил находки, но постарался измерить сосуды и интерпретировать элементы обмундирования. Его работа, таким образом, носила не только описательный характер; первый исследователь кофун невольно пытался вникнуть в ритуал захоронения, распространённый на его родине более чем тысячелетие назад. Это угадывается по упомянутой в книге находке из металла, раскопанной в кургане *Симосамураидзука-кофун*; Ооганэ описывает её

как металлическую *суама* (японский десерт из рисовой муки) около 4 *сяку* размером (1,2 м.) и подчёркивает – назначение данного элемента погребального инвентаря ему неизвестно. Аналогично неизвестен исследователю смысл помещения в погребение таинственных чайных каштанов (*тя-кури*) [16, с. 7–8].

Помимо попыток анализа роли тех или иных составляющих сопроводительного инвентаря угадывается метод сравнения находок с чем-то известным автору (из повседневной жизни): именно поэтому неизвестный металлический предмет он называет *суама*, не имея лучшего слова для описания его формы и внешнего вида [16, с. 7–8]. Этот приём, кстати, будет распространён в японской археологии на этапах её становления как самостоятельной науки даже в начале XX в.: для японцев изначально было проще сравнить находку с чем-то уже известным, чем придумать новый термин. В то же время стоит отметить, что выполненные Ооганэ изображения бронзовых зеркал из курганов *Симосамураидзука-кофун* и *Камисамураидзука-кофун* поражают точной передачей деталей; во всяком случае, он достаточно достоверно отразил орнаменты, изображённые на данных артефактах. А вот рисунки керамических изделий (тёмно-красной вазы для цветов и высокой подставки) получились гораздо более схематическими из-за сложности в передаче объёма (приложение 26). Ооганэ также приводит изображения различных изделий из меди, браслетов, элементов доспехов, рукояти меча и т.д. [16, с. 11–13, 14–16, 17–19].

В исследованиях по истории изучения культуры Кофун в Японии работе Ооганэ не придают исторически важной роли; так или иначе, она не оказала серьёзного влияния, так как после её появления на Японских островах ещё почти два века не появлялось ничего подобного, а интерес к гробницам и возможности их исследования не пересекались. Несмотря на это, работу Ооганэ Сигэсада можно назвать отправной точкой японской историографии культуры Кофун, так как в «*Юдзуками-мура курума-дзука осю:ри*» дано не только описание кофун, но и представлено их первое схематическое изображение. При этом самым главным является то, что работа носит сугубо практический характер, т.к. все действия Ооганэ в итоге

имели одну цель – сохранить памятники старины с помощью проведения реставрационных работ. Все выкопанные в ходе раскопок артефакты были запечатаны в сосновые ящики и помещены обратно в курганы [16, с. 20–21].

Как уже упоминалось ранее, само представление о божественном происхождении японского императорского рода от богини Аматэрасу зародилось в Японии ещё в период Кофун [214, с. 3], однако за несколько столетий власти сёгунов отношение японцев к месту и роли императора в жизни народа изменилось, и к 1850-м гг. значительная часть социальных групп (самураи низких рангов, городские жители, зажиточные крестьяне) высказывались против реставрации монархии [205, с. 40]. В связи с этим на исходе существования системы сёгуната в Японии даймё Тода Тадаюки (1809–1883) стал инициатором создания первой исследовательской группы, целью которой было изучение крупнейших курганов. В состав группы вошли Китаура Садамаса (1817–1871), Танимори Ёсиоми (1817–1911) и Хирацука Хё:сай (1794–1875).

Итогом работы данной группы должно было стать составление списка императорских курганов, в котором была бы отражена последовательность их возведения, а также организация реставрационных работ для сохранения усыпальниц японских правителей. Именно создание данной группы стало началом исторических, а затем и археологических исследований культуры Кофун в Японии. Предварительные результаты изучения курганов исследовательской группой Тода Тадаюки увидели свет в работе Танимори Ёсиоми «Общие признаки императорских усыпальниц», а подробное описание и анализ материалов исторических исследований курганов в период Эдо увидели свет только в 1944 г. в работах археолога Киёно Кэндзи. Сопоставление конкретных курганов с правителями древней Японии во многом определило развитие исследований в области культуры Кофун на долгие годы – вплоть до 1945 г. Сираиси Таитиро: считает поистине прискорбным тот факт, что данный список императорских гробниц даже в 1990-е гг. не подвергался серьёзной критике, и в настоящее время большинство крупных кофун так или иначе называют гробницей одного из правителей Ямато либо близких членов его семьи [252, с. 140].

Таким образом, в закрытой от воздействий внешнего мира ещё с XVII в. Японии были предпосылки для формирования исторической школы по изучению курганной культуры, но не было возможностей для подготовки специалистов в области истории и археологии, так как не было ни университетов, ни учёных, обладающих знаниями о научной методологии в данных областях. Даже попытки простого описания кофун были огромной редкостью – после исследований группы Тода Тадаюки новых попыток изучения курганов до реставрации Мэйдзи не предпринималось [252, с. 140].

Окончание политики *сакоку* в 1850-е гг., а затем и реставрация Мэйдзи положительно повлияли на перспективы развития исторических исследований культуры Кофун в Японии. Лозунг *сонно дзэи* – «восстановить императора и изгнать варваров», по словам антрополога Рут Бенедикт, выражал стремление жителей Японии вернуться в далёкое прошлое, когда власть императора не была ограничена сёгуном [188, с. 115]; в этой атмосфере внимание к памятникам, олицетворяющим императорскую власть, было особенно велико. «Открытие» Японии для внешнего мира после длительной изоляции дало мощный импульс для развития науки, в том числе истории, археологии и антропологии. На Японские острова начали активно прибывать иностранцы, обладающие многими необходимыми для изучения японской культуры навыками, которые они получали в ходе обучения в европейских университетах. Т.к. своей научной школы в Японии в начале периода Мэйдзи не было, приезжавшие на службу и по другим причинам европейцы стали первыми профессиональными (или иногда – полупрофессиональными, так как не имели профильного образования) исследователями Японии, в том числе и культуры Кофун.

Отцом японской археологии принято называть англичанина Уильяма Говланда (1842–1922), который стал одним из первых исследователей, занявшихся изучением японских курганов [233, с. 1–2]. Несмотря на то, что предметом данной диссертации являются исторические труды японских исследователей, было бы неправильно не рассмотреть подробно работы У. Говланда и его вклад в японскую историографию культуры Кофун. Это связано с тем, что процесс становления япон-

ской исторической науки и археологии тесным образом связан с достижениями европейских учёных, т.е. для его понимания необходимо иметь представление о том, какие методы исследования были переняты японцами и как на японской почве появлялись первые специалисты.

У. Говланд не был историком или археологом – его профессией была химия, и именно поэтому он получил работу инженера на императорском монетном дворе в г. Осака, где в итоге проработал долгие шестнадцать лет (1872–1888) [138, с. 257]. В префектуре Осака, как и в самом городе, находятся большие скопления крупнейших кофун в форме «замочной скважины», которые сразу привлекли внимание любознательного У. Говланда. Он не только описал посещённые курганы, но также сделал множество фотографий императорских кофун, например, *Дайсэн-кофун* (гробница Нинтоку) и *Исидзугаока-кофун* (гробница Ритю:) (приложение 27). Данные снимки были сделаны после 1872 г.; исследователь культуры Кофун Накаи Масахиро считает, что Говланд заинтересовался кофун сразу после своего приезда в Японию – на снимках видно, что они сняты осенью, в период уборки урожая с полей, а Говланд прибыл к новому месту службы как раз в октябре 1872 г. Интерес к курганам у англичанина возник случайно: вскоре после приезда в Японию он услышал о находке погребальной камеры и каменного саркофага неподалёку от гробницы императора Нинтоку (*Дайсэнрё:*) [138, с. 258]. Говланд также делал фотографии и внутри курганов; снимки, демонстрирующие внутреннюю структуру погребальных камер, керамические саркофаги и многое другое, были опубликованы им в Великобритании в 1897 г. [92, с. 446–448, 470, 472].

Несмотря на то, что исторического образования У. Говланд не имел, он не только провёл исследование нескольких десятков курганов в Западной Японии, но и подготовил большое количество схем, планов и рисунков кофун. Все материалы своих исследований вместе с небольшим количеством артефактов, извлечённых из кофун, У. Говланд после возвращения в Великобританию передал в Британский музей [218, с. 5–7]. Публиковать результаты осмотра и поверхностного изучения курганов Говланд также начал уже на родине. Его первая статья о культуре Кофун, «Дольмены и курганы Японии», была опубликована в 1897 г. в журнале Общества

антикваров «Археология» [215, с. 17]. В понимании У. Говланда дольмен – это каменная погребальная камера (причём, как правило, грубой мегалитической конструкции) с насыпью или без неё [92, с. 442]; поэтому в названии работы фигурируют как дольмены, так и курганы.

«Дольмены и курганы Японии» – это достаточно объёмный труд, в котором У. Говланд рассмотрел такие вопросы, как структура и распространение курганов в Японии, виды погребальных камер, наличие рва и рядов *ханива* по периметру квадратно-круглых курганов (их Говланд называл двойными курганами), виды саркофагов и длительность их применения для захоронения (согласно Говланду, захоронения в саркофагах продолжались даже после окончания курганного периода), исторический контекст постройки кофун и их датирование, наличие в погребениях различного погребального инвентаря (оружие, украшения, доспехи, конская упряжь), особенности керамики курганного периода на Японских островах [92, с. 443–444, 459–460, 472, 473, 482, 486, 492]. *Ханива* Говланд называл «терракотовыми трубками»; относительно их функции Говланд, очевидно, остался в лёгком недоумении, т.к. он писал, что, возможно, ряды *ханива* были предназначены для лучшей сохранности кургана и защиты от выветривания, но, с другой стороны, могли изображать вассалов похороненного правителя (однако в таком случае Говланду было неясно, почему форма фигурок круглая, а не все они изображают людей) [92, с. 459–460].

Говланд отметил главное отличие курганных захоронений Японии от европейских: если в последних в погребальный инвентарь входит каменное и бронзовое оружие, то японские кофун целиком относятся к железному веку, а медь и бронза применялись только для изготовления наконечников стрел, украшений и зеркал. Кроме того, его поражало богатство погребального инвентаря японских курганов, с которым он смог познакомиться, проводя археологические раскопки и изучая частные коллекции и экспонаты Императорского музея в Токио [92, с. 473]. Говланд постарался уделить внимание всем группам находок; в числе особенно интересных он отмечал *магатама*, изогнутые бусины, широко распространённые как в Японии, так и на Корейском полуострове; Говланд даже перечислил основные

материалы, из которых они изготавливались – горный хрусталь, стеатит, яшма, агат, халцедон, реже хризопраз и нефрит – и отмечал, что последние два минерала не встречаются в Японии [92, с. 478]. Очевидно, Дж. Сэнсом в дальнейшем почерпнёт эту информацию именно из работы Говланда.

Самым важным элементом погребального инвентаря, по мнению Говланда, были железные мечи; интересным фактом было то, что ни в одном захоронении, по его словам, одновременно не встречается бронзовое и железное оружие, при этом оно имеет абсолютно разные формы, а переходные формы отсутствуют, хотя было бы ожидаемо, что при переходе от использования меди к применению железа оружие из данных металлов и их сплавов могло комбинироваться в захоронениях [92, с. 482]. По описанию Говланда можно сделать некоторые выводы о том, что в 1880-е гг. изучение кофун приняло достаточно широкий характер, так как помимо своих находок он описывает и мечи, обнаруженные японскими исследователями; например, в 1880 г., по его словам, научному сообществу были открыты два великолепно сохранившихся железных меча с орнаментом [92, с. 484]. Относительно использования металлов и их сплавов в древней Японии Говланд искренне удивлял тот факт, что японцы не изготавливали из них сосуды [92, с. 492]. Можно отметить на основе этого факта такую особенность его работы, как постоянное сравнение курганных культур и мегалитических захоронений в Японии и Европе: Говланд не исследовал культуру Кофун с нуля, а пытался найти схожие черты с уже известными ему культурами, постоянно проводя сравнительный анализ – внешнего и внутреннего строения, погребального инвентаря, использования определённых материалов и т.д.

В данной работе Говланд также опубликовал подготовленные схематические изображения изученных курганов, которые характеризуются высокой точностью и соответствию оригиналу. Чертежи в основном отражают внутреннее строение курганов (погребальную камеру) в двух проекциях – вид сбоку и сверху, с указанием направления входа в погребальную камеру относительно сторон света [92, с. 452, 454, 455, 465], хотя есть и изображения внешней насыпи (также в двух проекциях) [92, с. 456]. Кроме того, он опубликовал первую карту, на которой было обозначено

месторасположение кофун и других захоронений курганного периода, разделённых Говландом на 4 категории: скопления курганов или *кофун-гун* (group of dolmens), *ёкоанабо* или боковые захоронения в холмах (rock-hewn tombs), квадратно-круглые кофун (double mounds), круглые курганы (simple mounds), то есть выделением других форм кофун Говланд не занимался. По карте видно, что он в основном работал с курганами в окрестностях Нара и Осака; кроме того, ему было известно о местоположении многих скоплений и *ёкоанабо* на острове Кюсю, в Идзумо и частично – в Восточной Японии [92, с. 472–473]. Описание погребального инвентаря в данной работе сопровождается иллюстрациями каждого описываемого типа артефактов.

Уже в начале XX в. У. Говланд представил несколько публичных лекций о курганной культуре на Японском архипелаге. В качестве термина для обозначения кофун Говланд использовал словосочетание «императорские мавзолеи». Основное внимание в данных лекциях уделялось курганам, которые были идентифицированы правительством Мэйдзи как места захоронения первых императоров Ямато и их родственников [215, с. 18]. Проблема определения данных кофун как мест упокоения конкретных правителей древнеяпонского государства (в особенности легендарных императоров) была весьма дискуссионной, т.к. точно идентифицировать личность покойных было невозможно. На самом деле, при формировании данного списка (соотнесения крупнейших квадратно-круглых курганов с императорами) преследовались вовсе не научные цели. Называть курган местом упокоения императора, жившего, согласно письменным источникам, почти две тысячи лет назад, означало лишний раз напомнить, насколько важна роль императора в истории Японии, и что императорский род уходит своими корнями в глубокую древность. Исследуя кофун, Говланд обратил внимание на схожесть японских курганов с захоронениями китайских императоров, что позже способствовало формированию теории о китайском заимствовании культуры Кофун [91, с. 10].

В Великобритании в конце XIX в. на попытки соотечественников исследовать древнюю историю Японии путём археологических раскопок и внешнего осмотра курганов смотрели скептически. Например, Ф. Дикинс отмечал, что ни в

Китае, ни в Японии археология не оказала никакой помощи в развитии исторической науки; даже проведенные У. Говландом исследования кофун не дали в сущности никаких исторических результатов [85, с. 214]. Несмотря на такую оценку, работы У. Говланда позволили английскому научному сообществу ознакомиться с ранее неизвестной культурой и основными особенностями её развития [114, с. 183]. Впрочем, стоит отметить, что, ввиду совсем небольшого количества исследованных кофун и недостаточно детальной научной работы, нельзя говорить о том, что приведённые У. Говландом характеристики культуры Кофун были объективны и прошли проверку временем, хотя и оказали большое влияние на развитие исторической науки и археологии на Японских островах.

У. Говланд не был единственным англичанином, чей взор привлекли таинственные дольмены древней Японии. Эрнест Сатоу (1843–1929) был британским учёным и дипломатом, который в период Мэйдзи находился в Японии на дипломатической службе. Сатоу остался в истории как весьма любознательный человек, интересовавшийся культурой страны, в которой он работал; японские курганы, величественные и недоступные, не стали исключением, и Сатоу по возможности описывал всё, что видел или слышал о кофун [111, с. 35]. В личных дневниках Сатоу можно найти заметки о состоянии курганов в посещённых им городах, а также о мерах, которые принимало японское правительство Мэйдзи по части сохранения своего культурного наследия [13, с. 370]. В личной переписке Сатоу за 1882 г. дипломат упоминает также о проблеме отсутствия научной литературы о культуре Кофун, отмечая, что не встречал работ, в которых можно было бы ознакомиться с описанием японских кофун, хотя их количество в городах Нара и Сакаи весьма значительно [14, с. 69].

Проявлял интерес к культуре Кофун и немецкий антиквар и коллекционер Генрих фон Зибольд (1852–1908), сын одного из первых европейских исследователей Японии, Филиппа Франца Бальтазара фон Зибольда (1796–1866). В 1879 г. фон Зибольд опубликовал весьма интересную работу на японском языке, от названия которой, как считают многие исследователи, происходит само слово «археология» в японском языке – «*ко:когаку*». Работа фон Зибольда называлась «*Ко:косэцуряку*»,

что можно перевести как «Археологический рассказ» [240]. В Японии Зибольд занимался раскопками раковинных куч периода Дзёмон, однако и относительно культуры Кофун высказывал своё мнение; например, он полагал, что боковые захоронения *ёкоанабо* можно также отнести к категории курганов. В дальнейшем у первых японских исследователей (например, Цубои Сё:горо:) относительно этого возникли серьёзные сомнения [252, с. 143]. Зибольд также не имел профильного исторического или археологического образования, поэтому его исследования не носили научный характер и в историографию культуры Кофун как правило не включаются.

Один из первых японских историков Курита Хироси (1835–1899) в 1876 г. издал работу «Размышления о похоронном обряде», в которой воспроизвёл оригинальные изображения Ооганэ Сигэсада, только в цветном варианте [281, с. 69–72]. Это лишний раз подтверждает то, что с конца XVII по конец XIX вв. японская историческая наука не продвинулась вперёд по части проведения археологических исследований и описания даже внешнего осмотра памятников культурного наследия – раз спустя почти два столетия в качестве иллюстраций Курита выбрал достаточно схематичные изображения Ооганэ (приложение 28, 29), которые давали весьма туманное представление о реальных артефактах, покоящихся в многочисленных кофун по всей Японии.

Первым японским специалистом в области антропологии стал Цубои Сё:горо: (1863–1913), профессор Токийского императорского университета. Цубои, однако, можно также назвать и историком, и археологом, так как он прилагал все усилия по развитию данных наук в Японии. В его тяге к знаниям Цубои серьёзно помогла поездка в Европу в 1889–1892 гг., в ходе которой он смог более подробно познакомиться с методологией научного исследования, применяемой в европейских научных центрах. Цубои одним из первых начал публиковать научные труды по культуре Кофун; например, в журнале «Науки о Земле» в 1898 г. была опубликована его статья «О кургане Сибамаруяма» [183], а годом позже, в 1899 г., там же вышла его статья «Косвенные свидетельства существования погребального инвентаря в кургане Сибамаруяма» [182]. На примере данных работ можно уви-

деть, как сильно продвинулась японская наука всего за полвека; применяя свои знания в области естественных наук и наук о земле, в том числе химии и геологии, Цубои провёл анализ почвы кургана Сибамаруяма.

Цубои отмечал существенное воздействие на форму данного кофун, которое оказали как природные, так и антропогенные факторы: с одной стороны, химический состав почвы и особенности строения кургана (наличие щелей между камнями, через которые стекала вода, вымывая почву) способствовали разрушению изначальной формы, а деревенские жители в 1895 г. буквально сравнивали курган с землёй, существенно повредив его конструкцию и обнажив внутренние слои. Обратив внимание на большое количество пепла во внутренних слоях почвы кургана, Цубои предположил, что частью ритуала погребения могло быть сожжение элементов сопроводительного инвентаря – среди пепла были остатки металлических изделий [182, с. 568, 570]. Это и было косвенное доказательство того, что изначально захоронение сопровождалось погребальным инвентарём. Таким образом, к началу XX в. у японских первопроходцев в научной деятельности появились как общие представления о культуре Кофун, так и первые научные гипотезы.

Современные японские специалисты оценивают Цубои как первопроходца в использовании научных методов в японской истории и археологии, хотя изображённые им схемы погребальных камер были уровнем ниже, чем представленные У. Говландом. В то же время к числу слабых сторон работ Цубои относится полное доверие учёного к хронологии «Кодзики» и «Нихон сёки», вызывавшей сомнения у других специалистов уже в конце XIX в. [252, с. 144]. Кроме того, Цубои спокойно относился к раскопкам кофун, не считая, что исследования способны уничтожить данные памятники культурного наследия, ведь после проведения раскопок могильный курган можно легко восстановить по заранее сделанным чертежам и рисункам. Именно такой план действий (сначала – проведение исследований, затем – восстановление и реставрация кургана) Цубои предложил относительно осмотренного им кофун Сибамаруяма, который многими воспринимался как естественный холм, в связи с чем мог быть подвергнут опасности разрушения [183, с. 524].

Каждый обнаруженный курган Цубои старался описать, а затем опубликовать свои результаты в научных журналах. Проведя почти два месяца в преф. Тотиги, исследователь смог осмотреть множество кофун, расположенных в окрестностях Асикага. Курганы были обнаружены случайно и частично раскопаны, изучено внутреннее строение погребальных камер; многочисленные находки были переданы Цубои в музей и местную школу [179, с. 155]. Поиск археологических памятников не был отдельным направлением деятельности Цубои; например, курган Сибамаруяма был обнаружен им, когда во время прогулки он нашёл на земле около него остатки *ханива*, которые сразу идентифицировал как древний артефакт [183, с. 523]. Происхождение *ханива* Цубои интерпретировал согласно информации, которую он почерпнул из древнеяпонского источника «Нихон сёки», в котором в свитке об императоре Суйнине описывалось, что *ханива* заменили жертвоприношения [183, с. 526]. Для того, чтобы оспорить эту теорию, у Цубои, разумеется, было недостаточно археологических данных. Кроме того, Цубои, в отличие от европейцев, продолжал сложившуюся в ранней японской историографии культуры Кофун «традицию» выбирать названия для своих открытий из привычных, постоянно окружавших его вещей. В связи с этим квадратно-круглый курган Сибамаруяма он называет не как Говланд (*double mound*), а курган в форме тыквы-горлянки [183, с. 523]. Сравнение с тыквой-горлянкой при описании формы *дзэнно:ко:энфун* будет распространено и в дальнейшем.

Интересующиеся историей люди не отставали от профессиональных учёных; например, в 1886 г. в «Известиях токийского антропологического общества» вышла небольшая статья железнодорожного инженера Сугавара Цунэми (1859–1940), в которой он описал внешние особенности и современное состояние небольшого кургана в районе Судзумономия (преф. Тотиги) [160, с. 85]. В следующем номере увидела свет работа Саваи Рэн «История кургана Агатака в преф. Фукуока», сопровождающаяся иллюстрациями найденной в данном кофун керамики и схематическим изображением погребальной камеры. Саваи не посвятил свою жизнь исследованию кофун, а лишь занимался коллекционированием старинных вещей в свобод-

ное время, однако в указанной статье есть несколько важных моментов для понимания развития японской историографии в период Мэйдзи. В начале работы Саваи описывает местоположение острова Кюсю, на котором находится пара курганов, описание которых следует после. Географическое положение Кюсю, по его мнению, способствовало тому, что на этот остров активно переселялись люди с материка [148, с. 98]. То есть уже в конце XIX в. при изучении культуры Кофун влияние материковых культур рассматривалось как имевшее место в III–VII вв.

Кроме того, Кюсю уже в то время считался местом наиболее активного распространения традиции захоронений в пещерах (боковых погребальных камер в холмах, для которых впоследствии будет выработан специальный термин *ёко-анабо*) [148, с. 99]. Также исследователи начали различать два типа керамики, характерных для культуры Кофун (в XX в. для них будут созданы термины *хадзики* и *суэки*); Саваи писал, что керамика из курганов преф. Фукуока делится на два типа: красноватого оттенка (имеющая японское происхождение) и черно-серая (по его мнению, изделия данного типа однозначно создавались выходцами с Корейского полуострова вследствие удачного для культурного обмена местоположения острова Кюсю и, следовательно, имели материковое происхождение) [148, с. 100]. Анализ данной работы позволяет понять, что в конце XIX в. многие положения, касающиеся особенностей культуры Кофун, уже были известны и находили подтверждение во время раскопок и внешнего осмотра курганов, однако работа по формированию научной терминологии велась недостаточно активно.

Впрочем, попытки конкретизации используемых в то время для обозначения тех или иных видов захоронения терминов всё-таки предпринимались. Цубои Сё:горо:, например, опубликовал в 1886 г. статью о различной трактовке термина «*цукаана*», который может означать как курганную яму (вход в погребальную камеру), так и жилище древних японцев, и место, где извергался «огненный дождь» (очевидно, имеются в виду вулканы). В провинции Кавати и вовсе есть *цукаана*, которую можно интерпретировать и как захоронение, и как жилище – помимо останков в данной пещере было проделано отверстие для дыма, а на стенах была копать. Цубои считал, что к использованию терминов необходимо относиться

осторожно, т.к. на примере *цукаана* видно, что привычное значение может путать неподготовленного читателя [180, с. 36, 38]. Сама природа *цукаана* интересовала Цубои как предмет исследования до конца его научной деятельности; раскопкам боковых захоронений *ёкоанабо* он уделил достаточно внимания. В 1887 г. Цубои опубликовал результаты исследования десятков пещерных (боковых) захоронений в преф. Сайтама, в очередной раз сомневаясь, являлись эти отверстия жилищами или погребениями, так как обнаруженные останки были идентифицированы им как гораздо более поздние, не имеющие отношения к культуре Кофун. С другой стороны, он обнаружил богатый погребальный инвентарь – наконечники стрел, мечи, бронзовые зеркала, *магатама* и *кудатама* [181, с. 56].

В конце XIX в. научную деятельность начал вести и Симомура Миёкити (1868–1938), впоследствии подготовивший множество работ по различным периодам истории Японии. Опубликованная им в «Известиях токийского антропологического общества» в 1891 г. небольшая заметка была посвящена краткому обзору кургана Тадзимано, интерес к которому у Симомура проявился после изучения старинных карт местности, в которой он вырос. В целом по данной работе видно, что Симомура был хорошо знаком с публикациями по культуре Кофун, увидевшими свет в 1880-е гг., т.к. по аналогии с подходами других исследователей Симомура идентифицирует небольшие фрагменты керамики, найденные около кургана, как корейскую керамику. Симомура составил план погребальной камеры Тадзимано-кофун в двух проекциях (вид сверху и сбоку), а также описал её размеры и сохранность (камера почти целиком обрушилась) [157, с. 144–145].

Годом позднее в том же журнале опубликовался Вакабаяси Кацукуни (1862–1904), один из коллег Цубои Сё:горо: по Японскому антропологическому обществу, в которое он вступил вскоре после его образования, в 1885 г. Вакабаяси описывал археологические материалы курганов Хюга-но-куни, исторической провинции, расположенной на острове Кюсю. В статье он представил данные о количестве курганов в 31 деревне преф. Миядзаки, подчеркнув, что общее количество артефактов, которые хранятся в данных кофун, превышает отметку в 200 тысяч единиц, то есть огромное количество материала, необходимого для понимания культуры

Кофун, остаётся неисследованным [119, с. 132–133]. Такие небольшие публикации дают представление о том, что многие люди были заинтересованы в изучении древних культурных остатков у себя на родине, однако до появления научного подхода к их исследованию не решались предпринимать такие попытки.

Примером подобных региональных исследований служат работы Инудзука Матабэи (1838–1912), который всю жизнь интересовался каллиграфией, скульптурой и древними курганами, несмотря на то, что профессиональным учёным не был. В 1895 г. он опубликовал сразу две статьи о кофун провинций Иваки и Ивасиро, находящихся на севере острова Хонсю (преф. Фукусима) [127, с. 186]. Публикация результатов внешнего осмотра древних захоронений и описаний погребального инвентаря значительно расширила представление японских исследователей эпохи Мэйдзи о том, насколько далеко на север успела проникнуть курганная культура в III–VII вв., и какие формы она принимала на столь далёкой периферии государства Ямато.

Инудзука не просто описал погребальный инвентарь, но и предпринял попытку идентификации материалов, из которых он был изготовлен; особенно привлекавшие его внимание *магатама*, по его мнению, были из нефрита. Судя по описанию Инудзука, сопроводительный инвентарь кофун преф. Фукусима в принципе отличался огромным разнообразием: оружие, шлемы, доспехи, бусины, позолоченные украшения, *магатама*, конская сбруя [128, с. 266]. Помимо описания курганов, Инудзука попробовал применить сформировавшуюся в 1890-е гг. теорию боковых захоронений к изучению курганов Фукусима; обнаруженные *ёкоанабо* были идентифицированы им именно как часть кофун. Инудзука зарисовал внешний вид холма с *ёкоанабо*, а также строение каждой отдельной погребальной камеры [128, с. 267] (приложение 30). Данная статья разрушила представление о том, что боковые захоронения характерны только для юга Японии.

Историк Миякэ Ёнэкичи (1860–1929) был первым японским учёным, обнаружившим взаимосвязь между китайскими и японскими курганными захоронениями. Миякэ, как и Цубои, успел в конце XIX в. посетить европейские страны и даже США, поэтому обладал широким кругозором и владел методикой исследований в

области истории и археологии. Миякэ был настолько значимой фигурой в своей научной области, что в 1901 г. его назначили президентом Японского археологического общества. Сравнительные исследования китайской и японской курганных культур он начал с публикации статьи «Примеры древних гробниц в Китае» [136]. Прежде всего Миякэ заметил, что Япония находилась под серьёзным культурным влиянием со стороны Китая во время правления династии Тан (618–907) и гораздо раньше этого, когда в Ямато ещё не велись записи о происходящих событиях.

В 1890-е гг. Миякэ смог ознакомиться с данными о двух курганах древнего Китая, и его не мог не заинтересовать тот факт, что китайские курганы и японские кофун имели много общих черт. Учитывая близость Японских островов к матерiku и тесные связи с корейскими и китайскими государствами, Миякэ сделал вывод, что в формировании культуры Кофун явно не обошлось без восприятия китайских образцов курганный культуры. В рассматриваемой работе Миякэ сконцентрировал своё внимание на описании двух курганов в Китае, в том числе на ритуалах и обычаях, связанных с принесением человеческих жертв во время захоронения императора. Этот момент очень важен, т.к. согласно «Нихон сёки» подобная традиция изначально практиковалась и в Ямато, однако позже вместо человеческих жертв стали использовать *ханива*. Помимо рассмотрения погребальных ритуалов Миякэ описал примерный состав сопроводительного инвентаря, характерного для китайских захоронений, и устройство кургана и погребальной камеры в целом [136, с. 112, 115].

Необходимо отметить, что данная работа послужила началом целого направления в японской историографии Кофун, связанного с изучением наиболее популярной теории происхождения культуры Кофун на Японских островах – китайской. То, что уже в конце XIX в. японские исследователи были способны рассматривать культуру Кофун не как автохтонную, было большим шагом на пути её изучения, т.к. это значительно расширяло для последующих поколений горизонты исследований. Тот же Симомура Миёкити заинтересовался китайскими курганами сразу после выхода работы Миякэ, и в 1894 г. опубликовал статью об антропоморфных скульптурах в китайских курганах. Симомура прямо позиционировал свою работу

как продолжение обсуждения особенностей китайской курганной культуры, поднятого двумя годами ранее Миякэ; однако в своём исследовании он пошёл ещё дальше, изучив не только китайские образцы изображений человека в скульптуре, но и корейские, тем самым включая корейскую культуру в область научных интересов специалистов по курганам [158, с. 91].

Декоративное оформление кофун также не осталось без внимания уже в период Мэйдзи. Начинаящий антрополог Ооно Нобутаро: (1863–1938), который впоследствии стал публиковаться под псевдонимом Ооно Унгаи, в 1897 г. подготовил работу по изучению декоративных узоров в японских курганах. Как антрополога Ооно изображённые на стенах курганов и предметах погребального инвентаря узоры интересовали не только как часть культуры Кофун, но и как свидетельство характерных черт мышления древних японцев. На основе анализа всех известных на тот момент декорированных курганов Ооно выделил наиболее часто встречающиеся узоры, изучил расположение узоров на стенах погребальных камер и представил академическому сообществу первые иллюстрации данных узоров (приложение 31). Интересно, что в попытке интерпретации данных изображений Ооно проводит сравнительный анализ узоров из кофун и декоративных образцов айнского искусства [144, с. 143–144]. Из этого можно сделать вывод, что в конце XIX в. возникшая в антропологии проблема этнической принадлежности айнов и их связи с коренным населением Японии находила своё отражение даже в изучении культуры Кофун. Пожалуй, действительно интересно здесь то, что айнские узоры на самом деле имеют большое количество общих черт с декоративным оформлением кофун.

Рассмотренный период на самом деле был временем зарождения не только японской историографии культуры Кофун, но и науки на Японских островах в целом. Необходимо особо подчеркнуть, что даже в XVII в., не имея ни навыков научного исследования, ни возможностей для полномасштабного их проведения, в Японии находились люди, для которых изучение и сохранение культурного достояния своей родины было стоящим усилий делом, поэтому инициатива Токугава Мицу-

куни и подготовленное Ооганэ Сигэсада описание двух изученных курганов занимают почётное место в истории исторической науки в Японии. Дальнейшие исследования, проведённые уже в первой половине XIX в., также имели практическую направленность, но на этот раз за счёт создания списка императорских курганов учёные старались укрепить роль императора в японском обществе.

Разумеется, невероятно важным для формирования японской исторической школы изучения культуры Кофун был вклад Уильяма Говланда, который хоть и не был профессиональным историком, благодаря техническому образованию имел необходимые навыки для точной фиксации описываемых им курганов, в том числе в схематическом виде. Опубликованная им в 1897 г. обширная статья «Дольмены и курганы Японии» стала настоящим окном в древнюю Японию для европейцев в конце XIX в. Данная работа, впрочем, была открытием не только для европейских учёных, но и для японцев, т.к. использование определённой методологии для описания кофун, а также формирования типологии и классификации курганов, погребальных камер, саркофагов и сопроводительного инвентаря было принципиально новым моментом для японских исследователей.

В конце XIX в. в Японии наконец возникла и стала стремительно развиваться собственная наука – как история, так и археология. Цубои Сё:горо: традиционно позиционируется как один из пионеров японской национальной науки, а его вклад в историографию культуры Кофун пусть и не был великим (всё же большинство его работ посвящены проблемам антропологии – основной интересующей его науки), он остался в истории. Например, тот же Сираиси Таитиро:, один из немногих японских исследователей, занимавшихся историей изучения культуры Кофун в Японии, в первом томе «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» подготовил целый параграф о вкладе Цубои в изучение японской курганной культуры [252, с. 143–144]. Цубои в конце XIX – начале XX вв. поднял к обсуждению в академической среде множество дискуссионных вопросов, которые впоследствии были развиты в отдельные направления изучения культуры Кофун: интерпретация *ёкоанабо* как особого типа захоронений, не являющихся курганными, однако относящимися к данному периоду, особенности типологии *магатама* в зависимости от изогнутости бусины и её

формы, идентификация памятников культуры Кофун и методы их исследования и т.д.

Отдельные публикации как первых японских историков и археологов, так и простых людей, интересовавшихся древней историей Японии – Симомура Миёкити, Оно Нобутаро:, Инудзука Матабэи, Миякэ Ёнэкити – заложили крепкую основу японской историографии культуры Кофун. Уже к началу XX в. была выстроена некая канва, основные представления о курганной культуре Японии и возможных причинах её происхождения, на которую постепенно нанизывались результаты региональных исследований. Расширялись географические и хронологические рамки культуры Кофун, возникали первые научные теории о внутреннем и внешнем строении кофун, причинах использования тех или иных приёмов в декоративном оформлении курганов и т.д. Несмотря на ограниченность методологического аппарата и невозможность проведения масштабных раскопок, японские исследователи конца XIX в. сумели проделать колоссальную работу по изучению культуры Кофун, выявив основные тенденции её развития. Уже с начала XX в. на основе рассмотренных работ начались углублённые исследования культуры Кофун, вылившиеся в обширную историографию.

2.2. Становление японской школы исторических исследований культуры Кофун в 1900–1920-е гг.

Сложившиеся на японской почве археологическая школа и археология как наука отличаются от западноевропейских тем, что, по выражению Хабу Дзюнко и Окамура Кацуюки, они гораздо ближе к истории, чем к антропологии, поэтому японские исследователи рассматривают археологические памятники как отражение уникальных исторических событий и исторического развития, а не как результат деятельности определённой общности людей [217, с. 12]. Именно эта тенденция стала определяющей с начала XX в.: первые исследователи курганной культуры, как и все последующие поколения учёных, никогда не были только археологами;

как правило, это были профессиональные историки, которые совмещали археологические раскопки с историческими изысканиями, суммируя данные полевых исследований с лабораторными и аналитическими.

Одной из проблем, возникших в начале рассматриваемого периода, является принятый в зарождающейся японской археологии (и истории) метод датировки кофун, основанный на изучении письменных источников («Кодзики» и «Нихон сёки»). Этот метод был принят как основной ещё Цубои Сё:горо:, однако впоследствии его поддерживал даже Яги Со:дзабуро: (1866–1941) – известный исследователь древней истории Японии и археолог, работавший в периоды Мэйдзи, Тайсё и Сёва. Яги предпринимал первые попытки систематизации археологических эпох в Японии, однако при этом он рассматривал описанные в древнеяпонских источниках события как подлинные факты и просто сопоставлял с ними археологический материал [252, с. 144]. Эта проблема была весьма серьёзной, т.к. отсутствие даже тени сомнения в подлинности описываемых в «Кодзики» и «Нихон сёки» событий не способствовало формированию нового знания, основанного на научных исследованиях остатков материальной культуры.

В начале XX в. Яги опубликовал ряд статей по региональной специфике курганной культуры на Японских островах. Стараясь ввести в научный оборот как можно большее количество информации о результатах раскопок и внешнего осмотра курганов, Яги описывал кофун как региона Канто:, так и Кинки, отмечая ориентацию входа в погребальную камеру относительно сторон света и её форму, структуру каменной кладки внутри кургана, форму саркофагов, состав сопроводительного инвентаря и т.д. Статьи Яги сопровождались качественными иллюстрациями описываемого материала: схемами курганов и рисунками саркофагов, оружия, шлемов [187, с. 95, 98]. В работе «Курганы Кадзио-ти, провинция Мусаси» он отмечал существующие проблемы с датировкой кофун, объясняя их отсутствием доступа к проведению сравнительных исследований. Яги, очевидно, пытался сопоставлять материалы из исследуемых курганов с теми, которые были «датированы» методом Цубои, однако зачастую это было невозможно, т.к. в некоторых кофун погребальный инвентарь отсутствовал (очевидно, гробницы были ограблены), а в тех

курганах, где он был, не было аналогичных артефактов для сравнения [186, с. 108]. Таким образом, проблема определения возраста кофун стояла остро и не находила должного решения.

Описанный выше метод изучения культуры Кофун был подвергнут критике только в начале XX в. Кита Садакити (1871–1939). Кита занимался не только историей, но и изучением литературы. В 1914 г. он опубликовал статью «О названиях саркофагов в кофун». В данной статье Кита честно отметил, что, хотя и не является специалистом в области археологии, испытывает большие сомнения относительно того, как японские исследователи датируют древние курганы, и как они их называют. Относительно датирования критика была направлена именно в сторону Цубои и его последователей; по мнению Кита, установленный стандарт определения возраста курганов на основе анализа старинных книг может приводить к неизбежным ошибкам [132, с. 319]. Благодаря Кита метод датирования кофун по историческим источникам перестал быть единственным, и вопрос датирования курганов на основании археологических данных появился в поле зрения исследователей.

Относительно названий курганов и их частей Кита также имел немало вопросов к археологическому сообществу. Даже в настоящее время многие курганы имеют несколько названий; привлекавшие внимание простых людей кофун в конце концов приобретали местные названия, связанные с особенностями местности или окружающей среды (поэтому в таких названиях часто встречаются иероглифы «гора», «лес», «поле», «дерево», «цветок» и т.д.). С другой стороны, японским исследователям зачастую удобнее называть курганы по-своему в зависимости от находок, связи кургана с другими кофун в скоплении и по другим причинам. Однако Кита в начале XX в. волновало даже не это; по его мнению, не всегда то, что археологи называют «кофун», действительно им является. Кроме того, в 1900–1910-е гг. в японской археологии совершенно отсутствовала устоявшаяся терминология, и Кита отмечал, что в научной среде не сформировалось единого мнения относительно того, как называть погребальные камеры с отверстием сбоку и сверху [132, с. 319].

В начале XX в. продолжались археологические и исторические исследования, проводившиеся любителями древней истории – людьми, не имевшими профильного исторического образования. Одним из них был, например, Ёкоти Иситаро: (1860–1944); по профессии Ёкоти был химиком, однако он посвятил значительную часть своей жизни исследованиям курганов острова Сикоку (конкретно – преф. Эхимэ), продолжая зародившееся региональное направление в японской историографии культуры Кофун. Его статьи появляются на страницах японских научных журналов уже с 1900 г. В работе «Применение золотых колец, найденных в кофун» [124] заметно изменение вектора научных исследований культуры Кофун; в XX в., когда многие элементы курганной культуры уже были описаны, учёные предпринимали попытки интерпретации находок, поиска смысла использования тех или иных предметов в похоронном обряде. Данное направление зародилось уже в конце 1890-х гг., однако в рассматриваемый период постепенно набирает обороты.

Ёкоти не только описал внешний вид найденных колец, но и попытался понять технологию их изготовления; в своей работе он уже ссылается на предыдущие исследования и раскопки конкретных учёных (например, Цубои Сёгоро:) [124, с. 350], что также является новой характерной чертой работ, посвящённых культуре Кофун – теперь, когда исследователи курганов не были первопроходцами, они смело обращались к трудам своих предшественников в поисках ответов на возникающие у них вопросы. Вплоть до начала XX в. ссылки на конкретные работы встречаются крайне редко. Ёкоти, обращаясь к работам других учёных, перечислил несколько основных теорий, существовавших в Японии на тот момент относительно того, как применялись в погребальном инвентаре золотые кольца: это могли быть серьги, часть лошадиной сбруи, элемент оружия или бронзовых зеркал, т.к. в кольце присутствовал зазор, то есть оно не было цельным.

Сам Ёкоти больше склонялся к тому, что золотые кольца были элементом одежды, однако при рассмотрении данной версии у него оставалось больше вопросов, чем ответов, т.к. было непонятно, как именно их носили, ведь они были достаточно крупными и могли легко упасть с одежды, а продевать их через какие-либо

отверстия было затруднительно. Подводя итоги своей статьи, Ёкоти признавал, что он окончательно не уверен в том, каким было применение золотых колец в японских курганных захоронениях. По его мнению, необходимо внимательно и с уважением относиться к другим теориям [124, с. 349–350]. Статья Ёкоти помогает понять ещё две характерные черты японской историографии культуры Кофун, которые впоследствии постоянно будут сопровождать другие работы: во-первых, для японского учёного принципиально важно собрать максимально возможный объём информации о предмете исследования и истории его изучения, а, во-вторых, никогда нельзя быть однозначно уверенным в своих выводах, поэтому японские исследователи стараются писать, что, несмотря на то, что они считают так, другие имеют на этот счёт собственное, другое мнение, и об этом нельзя забывать.

Ещё одним представителем непрофессиональной (если уместно так сказать — любительской) археологии, оставившим след в японской историографии культуры Кофун, является Огава Эйити (1881–1963), который интересовался древней историей с раннего детства, собирая обломки керамических изделий и другие археологические артефакты в своей родной префектуре Гифу. Археологического или исторического образования Огава не имел; бросив учёбу в медицинском училище, он попробовал себя в качестве ассистента учителя, инспектора по налогам и в других профессиях, однако его тяга к исследованию древности не ослабевала. На фоне возрастающего в начале XX в. интереса к древней истории Огава в конечном итоге решил посвятить свою жизнь историческим исследованиям своего родного края, в том числе курганов, находящихся на равнине Мино (преф. Гифу). За свою долгую жизнь Огава собрал коллекцию, насчитывающую более 30 тысяч артефактов [354].

Уже с 1910-х гг. Огава начал активно публиковать результаты своих исследований в научных журналах. Его вклад в изучение культуры Кофун очень важен, т.к. свои исследования и наблюдения кофун он начал ещё в период Мэйдзи, реформы которого (и последующее развитие Японии) оказали серьёзное влияние на облик всей страны, в том числе ландшафта. Многие курганы Гифу в то время были разрушены либо серьёзно повреждены. От Огава же последующим поколениям ар-

хеологов и историков остались подробные описания кофун равнины Мино. Например, в статье, опубликованной в 1912 г. в «Журнале японского антропологического общества» [139], Огава представил свой взгляд на состояние курганов Санрокусэн в преф. Гифу. Следует отметить, что в первую очередь Огава обращал внимание читателя на структуру равнины Мино, с геологическими особенностями которой он соотносил наличие курганов в той или иной её части. Обследование в связи с этим проводилось в предгорьях, так как на самой равнине кофун не возводилось.

В целом работа Огава составлена следующим образом: он постепенно описывает местоположение курганов на равнине Мино, их количество, расположение относительно друг друга и примет на местности (рек, гор, храмов и т.д.), а также даёт информацию о том, сколько кофун было в описываемом месте изначально, и по какой причине они были разрушены. В основном причиной разрушения кофун в Гифу являлся человеческий фактор – в период Мэйдзи территории здесь множество раз равнялись и расчищались [139, с. 256]. Про некоторые курганы Огава писал, что они существовали ещё буквально несколько лет назад [139, с. 262], то есть он был свидетелем процесса массового уничтожения объектов культурного наследия. Для современного исследователя данная информация представляет особый интерес, так как более чем за век, прошедший с момента публикации данной работы, облик курганов данного района изменился ещё больше, и без работы Огава воссоздать изначально картину расположения кофун на равнине Мино и их количество было бы проблематично.

Если рассматривать подход Огава к изучению поднятой в статье проблемы на конкретном примере, можно обратиться к одной из частей равнины Мино, описанной исследователем. В бассейне реки Иби около храма Нагацука расположено несколько кофун, которые Огава тщательно изучил: он измерил параметры погребальных камер и рассмотрел особенности входа в усыпальницу и внешнего оформления кофун (форма курганов, применение крупных каменных плит в погребальной камере, наличие следов рвов вокруг кофун – очевидно, рвы были неглубокими и уже к началу XX в. были едва различимы), а также различия в составе погребального инвентаря всех кофун данного района (оценил количественное соотношение

различных типов керамики во всех курганах местности, наличие других элементов сопроводительного инвентаря, например, изогнутых бусин *магатама*, оружия, доспехов). Один курган Огава идентифицировал как захоронение сына императора, однако какого именно и на основе каких фактов был сделан данный вывод, не указано [139, с. 255–256].

В 1912 г. Огава опубликовал статью о находках из курганов Камиисо (провинция Мино). Огава здесь придерживался прежнего способа изложения материала: сначала даётся общая характеристика скопления, затем рассматривается местоположение каждого кургана по отдельности и описываются найденные при раскопках или внешнем осмотре артефакты. Огава отмечал большое количество находок фрагментов керамической посуды в курганах Камиисо, причём целых сосудов не было обнаружено вовсе; сама керамика была охарактеризована исследователем как неглазурованная, грубая, имеющая красновато-коричневый цвет, сходная с образцами культуры Яёй. Помимо керамики находки немногочисленны: несколько бронзовых зеркал и образцов оружия [140, с. 96–99]. Несмотря на достаточно скупое описание находок, данная статья представляет большой интерес, т.к. Огава зарисовал орнаменты с найденных фрагментов (приложение 32). Его иллюстрации не только продемонстрировали разнообразие декоративных решений при изготовлении керамики, но и наличие большого количества форм керамической посуды, т.к. многие находки были элементами венчика либо дна сосудов.

По мере проведения раскопок в Мино Огава продолжал публиковать описания исследуемых курганов и находок, обнаруженных в погребальных камерах и на внешней поверхности кофун. Раскопки зачастую проводились по причине того, что курганы находились на землях, подлежащих мелиорации. В 1915 г. по результатам подобных раскопок была опубликована статья «О двух курганах, расположенных на севере районов Ниси и Иби, провинция Мино», в которой Огава описывал особенности внутреннего и внешнего строения двух небольших кофун: приведены точные размеры погребальных камер, в том числе измерены каменные плиты, формирующие камеру, рассмотрен вопрос ориентации погребальных камер и входа в

них относительно сторон света, перечислены обнаруженные артефакты (элемент конской сбруи, керамические сосуды, оружие и его фрагменты) [141, с. 341].

Особенностью работ Огава является отсутствие гипотезы и выводов в конце; в рассмотренных статьях представлены результаты долгой работы Огава – как раскопок, так и последующего изучения обнаруженных артефактов. Несмотря на то, что на основании ранее описанных материалов в начале XX в. проводилось много исследований, публикация результатов осмотра памятников старины не перестала быть актуальной. Работы по культуре Кофун, подготовленные в 1900–1910-е гг. непрофессиональными историками, можно охарактеризовать как преимущественно описательные, носящие нарративный характер, и это нельзя однозначно считать минусом данных публикаций, ведь на стадии первоначального накопления знаний с применением научных методов подготовка описаний изучаемых элементов культуры имеет огромное значение; академическое сообщество в Японии уже в рассматриваемый период получило возможность через статьи в научных журналах знакомиться как с региональными, так и общими для всей Японии особенностями развития культуры Кофун.

Стоит отметить, что в начале XX в. не ослабевает интерес к курганам у антрополога Цубои Сё:горо:. В 1908 г. вышла статья Цубои «Формы *магатама*» [184], демонстрирующая серьёзное развитие исторической науки и археологии в Японии. Если раньше исследователи описывали наличие погребального инвентаря в курганах, то теперь Цубои не только объединил обширный материал по *магатама*, многие годы накапливавшийся в регионах, но и провёл сравнительный анализ, создав первую систему классификации дугообразных бусин в японской историографии. Согласно данной классификации, существует три формы *магатама* в зависимости от степени закрученности бусины (градуса угла); свои названия они получили от знаков слоговой азбуки катакана – *магатама* в форме «но» (ノ), «фу» (フ) и «ко» (コ) [184, с. 290].

Кроме того, Цубои дал название каждой части *магатама* (по аналогии с человеческим телом Цубои выделял у *магатама* голову, живот, спину, ноги и т.д.) и

дополнительно классифицировал артефакты по форме и рельефу этих частей: «голова» у *магатама* могла быть угловатой или круглой. Далее угловатые *магатама* подразделялись на бусины с плоским (формы полукруга и *фурин* – японского колокольчика) или углублённым «животом» (формы рыболовного крючка, клыка и листа гинкго), а *магатама* с круглой «головой» могли быть с небольшим углублением на «животе» (формы японской сладости *кагами-моти* и пальца) и с одинаково округлой «спиной» и «животом» (в форме мешка, круглые и эллипсоидные) [184, с. 291]. Как и прежде, при создании терминологии Цубои пользуется привычными предметами вокруг, имеющими внешнее сходство, не создавая специальных слов. Цубои распределил находки из разных префектур и провинций согласно своей классификации и другим параметрам, доказав, что форма *магатама* сильно зависит от местных традиций, т.к. для каждой отдельно взятой местности характерны *магатама* с определённым набором качеств [184, с. 293]. Прделанную Цубои в начале XX в. работу по анализу многочисленных находок дугообразных бусин по всей Японии и созданию первой классификации можно с уверенностью назвать колоссальной и занимающей отдельное место в японской историографии культуры Кофун рассматриваемого периода.

Цубои проводил публичные лекции и собрания, благодаря чему вдохновлял многих молодых людей заниматься историей, археологией и антропологией. Сибата Дзё:э (1877–1954) был одним из тех, кто заинтересовался изучением культуры Кофун после посещения лекции Цубои Сё:горо:. Уже в 1903 г. Сибата опубликовал обширную статью «Кофун *Икариояма дзидзанся*, деревня Хироми, Кани-гун, провинция Мино» [152]. Несмотря на то, что статья Сибата по сравнению с большинством работ начинающих исследователей имеет большой объём, он подчёркивал, что в своём описании старался тщательно избегать дублирования информации, доступной в статьях других авторов. Работа Сибата сопровождается по-настоящему потрясающими рисунками погребального инвентаря исследованного им кургана; особенно подробно и достоверно изображено бронзовое зеркало и его декор [152, с. 132]. Анализ последующих публикаций Сибата даёт представление о том, что его

исследовательская деятельность по изучению культуры Кофун была весьма активной в начале XX в., много времени учёный проводил в командировках, во время которых проводил археологическую разведку и раскопки.

В 1905 г. по результатам исследовательской поездки по префектурам Гумма, Сайтама и Тотиги Сибата подготовил статью «Кофун *Уэно Мусаси* и доисторические руины» [153], в которой представлен ценный материал о результатах исследований на местности в данном регионе. Внимание в данной работе сконцентрировано на курганах префектуры Гумма, которую, по мнению Сибата, отличает большое количество кофун, как и в целом по региону Канто. Сибата описал и зарисовал уникальные артефакты из металлов, найденные в Гумма, в том числе золотые колокольчики. Важно, что Сибата постарался оценить формы кофун в Гумма, отметив абсолютное преобладание курганов в форме тыквы-горлянки и круглых [153, с. 342, 344].

С 1908 г. Сибата сопровождает свои публикации фотоснимками, а круг его исследовательских интересов расширяется до корейских курганов, интересующих его в связи со схожестью погребального инвентаря в захоронениях корейской знати и японских кофун. Это, в свою очередь, привело к тому, что Сибата стал подробно изучать методы изготовления металлических изделий на Японских островах в период Кофун по материалам элементов конской упряжи и доспехов из кофун. В 1910 г. он опубликовал очередную работу «Кофун святилища Сува в Уэно Фудзиока» [154]; в данной статье впервые представлен научный взгляд на технологию создания металлических орудий, приспособлений и доспехов в III–VII вв.: как формировали изделия, каковы были принципы крепления составных частей доспехов и конской упряжи и т.д. [154, с. 212]. В 1916 г. вышла в свет его статья «Курганы с резьбой в деревне Ёсида, провинция Хитати» [155], иллюстрирующая сформировавшийся за годы исследований подход Сибата к изучению обнаруженных курганов: в первую очередь его работы сопровождается подробным описанием того, при каких обстоятельствах и от кого он узнал о существовании объекта культурного наследия, а затем – о его пути к нему. После этого приводится детальное описание

местности и её прежнего состояния (в данном случае о том, что до массового освоения земель в Ёсида было множество курганов, на месте которых теперь простираются рисовые поля). Только после того, как Сибата целиком вводит читателя в курс дела, он переходит к рассмотрению предмета своего исследования, высказывая по ходу повествования предположения об изначальном облике кофун [155, с. 83–85].

Ещё один ученик Цубои Сёгоро:, Хаяси Каити (1875–1961), который в основном занимался изучением керамики культуры Яёй, в 1910-е гг. также внёс вклад в японскую историографию культуры Кофун, обратившись к проблеме обнаружения керамических изделий в курганах и их типологии. В статье «О простой керамике из курганов Мино» [176] Хаяси представил первую подробную классификацию керамики простой формы из кофун провинции Мино, выделив 11 типов сосудов в зависимости от высоты, формы и ширины горлышка и дна, особенностей нанесения орнамента [176, с. 419]. Таким образом, в японской историографии начала XX в. заметна тенденция к созданию классификаций и систематизации имеющегося археологического материала. Разумеется, имея большое количество данных, японские исследователи не всегда могли использовать их из-за разрозненности, отсутствия целостного представления об отдельных элементах культуры Кофун.

В 1900–1920-е гг. продолжает активную научную деятельность Ооно Унгаи (Ноботаро:). В 1907 г. он опубликовал статью «О конструкции погребальных камер курганов провинции Кии», а начале которой Ооно отметил, что отправился для проведения археологической разведки в Кии в связи с тем, что слышал о большом количестве кофун, локализованных в данной провинции [145, с. 3]. Таким образом, весь процесс исследования культуры Кофун в начале XX в. стал постепенно входить в научное русло, т.к. теперь изучались не только крупнейшие или случайно обнаруженные по фрагментам керамики или другим признакам курганы – специалисты в области истории и археологии, анализируя данные из регионов, отправлялись туда для проведения разведки – важной части методики археологических исследований. Ооно проанализировал устройство погребальных камер и материал, из которого они изготовлены (сланец), сделав вывод, что в целом конструктивные

особенности соответствуют общей картине на востоке о. Хонсю, однако при этом погребальные камеры провинции Кии отличаются лучшей сохранностью за счёт продуманной конструкции потолка погребальной камеры. В данной работе Оноо ввёл новое понятие – стиль Канто: в оформлении погребальных камер [145, с. 5–6].

В рассматриваемый период свою научную карьеру начал Вада Сэнкити (1871–1945). Вслед за Цубои он сосредоточил своё внимание на *магатама* – необычном элементе погребального инвентаря, функции которого для японских исследователей были неясны. Вада расширил список минералов, из которых изготавливали *магатама*, перечислив такие материалы, как нефрит, лазурит, хрусталь, яшма, жадеит, змеевик (серпентинит), тальк и агальматолит. Функции *магатама* Вада разделял на три группы: практические (в повседневной жизни), погребальные (как элемент сопроводительного инвентаря) и ритуальные [118, с. 43–44]. Цубои в своей статье 1908 г. представил подробную классификацию видов *магатама*, а Вада обратился к проблеме изогнутых бусин, не подходящих по форме ни к одному из описанных Цубои видов, так как иногда сложность обработки того или иного материала оказывала влияние на конечный результат. Среди таких *магатама* Вада выделял три группы: странной формы, с отметками на поверхности изделия и с нестандартными отверстиями, просверленными с обеих сторон [118, с. 44].

Такахаси Кэндзи (1871–1929) – один из первых профессиональных японских исследователей культур Кофун и Яёй. Такахаси – признанный в научных кругах специалист по данным периодам японской истории, оказавший содействие в становлении и развитии археологии в Японии. Работая в Токийском национальном музее с 1904 г., Такахаси также способствовал активизации деятельности японского археологического общества. Благодаря этому археология и интерес к культуре Кофун в частности получили весьма широкое распространение в Японии. В 1920-е гг. Такахаси опубликовал ряд работ, представлявших собой результаты его многолетних исследований культуры Кофун, в том числе «*Кофун-то дзёдай бунка*» (Кофун и культура древности, 1924 г.) [327] и «*Ханива-оёби со:сингу*» (Ханива и украшения, 1928 г.) [328]. Последняя сопровождалась невероятно качественными

для 1920-х гг. иллюстрациями и схемами, которые позволили широкому кругу читателей увидеть ранее неизвестные артефакты III–VII вв.: различные вариации *ханива* и их составных частей (например, представлены не только снимки *ханива* в виде лошади, но и частей сбруи, выполненных из глины), изогнутых бусин *магатама*, бронзовых украшений и колокольчиков, бусин из полудрагоценных металлов и т.д.

В работе о *ханива* Такахаси предпринял попытку исследования предназначения керамических фигурок в захоронениях, а также впервые дал описание характера данных изделий и техники их изготовления, типологии *ханива*, принципов расположения фигурок на поверхности кургана. Типология *ханива* представлена Такахаси в весьма краткой схеме, впоследствии постоянно использовавшейся и дополнявшейся исследователями. Разумеется, в первую очередь он упоминает цилиндрические *ханива*, появившееся раньше других видов и породившие все последующие вариации форм. Антропоморфные *ханива*, очевидно, за неимением иного термина, Такахаси называл *догу* – теперь так именуют только характерные для культуры Дзёмон глиняные изображения людей, существенно отличающиеся от *ханива* по технике изготовления.

Догу (антропоморфные *ханива*) Такахаси разделял только по половому признаку, без деления на профессии и род занятий, либо по социальному положению. Такахаси обозначил ещё две группы *ханива* – в виде домов и домашней утвари (посуды). Более подробно исследователь представил виды зооморфных *ханива*, перечислив таких животных, как водоплавающие птицы, лошади, коровы, собаки, обезьяны, курицы, свиньи. Разумеется, это объяснимо: одно дело идентифицировать, какого животного изображали древние ваятели, и совсем другое – на основе внешнего вида, одежды, положения тела определить социальную роль человека, изображённого в *ханива*. Такахаси затрагивает и вопрос происхождения *ханива*, анализируя свиток о правлении императора Суйнина в «Нихон сёки» [328, с. 2, 4–6].

В работе «Кофун и культура древности», опубликованной в 1924 г., Такахаси старался в первую очередь оценить значение кофун и научную ценность, которую японские курганы представляют для академического сообщества. Такахаси также

представил раннюю типологию кофун по форме, отмечая, что в археологии в 1920-е гг. японские курганы делились на 3 вида: круглые, квадратные и квадратно-круглые (*дзэнно:ко:энфун*) [327, с. 4–5]. Уже по данной типологии можно сделать вывод о том, что исследование курганов в начале XX в. исключало поиск и идентификацию редких форм, о которых впоследствии будет подготовлено огромное множество научных работ. Интересно, что даже о квадратно-квадратных курганах Такахаши не упоминает, хотя они являются самыми распространёнными, не считая тех трёх форм, о которых писал Такахаши. К числу редких форм, существующих помимо квадратных, круглых и квадратно-круглых, Такахаши относил только курганы с квадратным основанием и круглой насыпью на нём (*дзё:энкахо:фун*) [327, с. 6].

Круглые курганы Такахаши называл самыми распространёнными (что соответствует истине), а их описание представлял в весьма интересной версии. Круглыми, по его словам, они являются в случае, если схематически изобразить их вид сверху, но если смотреть на *энфун* сбоку, то он скорее принимает форму *мандзю*: – сладкого пирожка с начинкой из бобовой пасты, который японцы готовят на пару. Квадратно-круглые курганы Такахаши сравнивал по форме с тыквой-горлянкой, а называл их также *курума-дзука*, подразумевая тем самым, что по форме они также похожи на колесницы, на которых ездили знатные вельможи [327, с. 5]. Попытка объяснения формы кургана с помощью подобных сравнений даёт представление о затруднении японской археологии давать научные определения внешнему виду археологических объектов, однако также подчёркивает желание Такахаши донести до читателя информацию таким образом, чтобы создать мысленный образ. Квадратные курганы за неимением ничего похожего по форме Такахаши описывал как усечённую пирамиду.

Помимо раннего варианта типологии курганов Такахаши представил в данной работе весьма ёмкую характеристику основных приёмов внешнего оформления кофун, остановившись на рвах, ступенях и каменной кладке. Такахаши придерживался мнения, что наличие или отсутствие рвов, окружающих курган, и многоступенчатой структуры – это то, на что сразу обращают внимание исследователи, так как курганы благодаря разному числу рвов и ступеней приобретают уникальный

вид. Каменная кладка (*фукииси*), в свою очередь, должна была защищать поверхность кургана от зарастания его травой и деревьями, тем самым обеспечивая сохранность кофун [327, с. 6, 8].

От *фукииси* Такахаси плавно подводит читателя к феномену *цумиисидзука* – разновидности курганов, которая характеризуется тем, что курганный холм сформирован целиком из сложенных друг на друга камней, а не утрамбованной земли. В качестве особой части погребального инвентаря, размещаемого на внешней поверхности кургана, в «Кофун и культура древности» в первую очередь рассмотрены *ханива*, которые исследователь описывал как обожжённые до красно-коричневого цвета керамические изделия, в основном имеющие цилиндрическую форму и окружающие курганы по периметру. Среди прочих форм *ханива* в данной работе Такахаси перечисляет *ханива* в форме людей, лошадей и домов [327, с. 11–13].

Таким образом, с точки зрения современного представления о культуре Кофун, работы Такахаси Кэндзи выглядят немного наивными, однако его монографии читали и анализировали последующие поколения японских археологов и историков, которые сумели на основе данной информации развивать собственные теории, дополняя представленные Такахаси типологии и описания. Заслуга Такахаси состоит в том, что он впервые объединил отрывочные знания о кофун, которые постепенно накапливались с конца XIX в., в целостный научный текст, а также создал первые классификации как самих курганов, так и элементов погребального инвентаря. Как первопроходцу в данной области, Такахаси было непросто – при описании культуры Кофун он, как правило, мог полагаться только на самого себя и свой собственный опыт археологической разведки и раскопок, хотя в конце 1920-х гг. Такахаси опубликовал совместную монографию о захоронениях с Вада Сэнкити и Моримото Рокудзи [329].

Хамада Ко:саку (1881–1938) называют одним из основателей современной японской археологии и специалистом по культурам бронзового и железного века в Восточной Азии. Хамада опубликовал свою первую статью в 1898 г. в возрасте 17 лет – это была небольшая заметка об археологических материалах на примере *Ка-*

ватинонакамура-кофун, в которой Хамада описал данный курган и даже схематически изобразил его, зарисовав не только форму, но и местоположение углублений на круглой части кофун и двух рядов *ханива*, один из которых чередовался с небольшими круглыми камнями [175, с. 371]. В дальнейшем Хамада сосредоточился на изучении каменного века, однако уже в начале XX в. он взял под крыло множество юных археологов, впоследствии ставших известнейшими специалистами по культуре Кофун – Суэнага Масао, Кобаяси Юкио и Умэхара Суэдзи. Таким образом, он стал основателем киотской школы исторических исследований, и его ученики и последователи также способствовали развитию и процветанию данной научной школы уже в послевоенные годы, когда её деятельность получила наибольшее развитие.

Умэхара Суэдзи (1893–1987), как и его учитель и коллега Хамада Ко:саку, рано начал публиковаться в «Известиях токийского антропологического общества». Первая работа увидела свет в 1914 г.: статья «Курганы Ямасиро» [164] стала пробой пера для Умэхара и началом долгого научного пути. Умэхара отмечал, что многие кофун в исследуемой им местности уже были изучены его старшими коллегами (Яги Со:дзабуро: и Хамада Ко:саку), однако некоторые курганы всё-таки остались неописанными, поэтому в своей первой работе он предпринял попытку как компиляции сведений об уже описанных курганах, так и передачи новых знаний о кофун Ямасиро уезда Кии (преф. Киото). В общей сложности Умэхара рассмотрел девятнадцать кофун и *кофун-гун*, отметив их состояние и факторы, повлиявшие на разрушение курганных холмов – совсем близко к курганам проходит железная дорога, при строительстве которой части кофун были просто срезаны и уничтожены [164, с. 466].

В 1916 г. в этом же научном журнале вышла его статья «О двадцати трёх курганах в Косинохара, Ясу-гун, провинция Оми» [165], которую можно охарактеризовать как очень обстоятельную и зрелую работу, несмотря на то, что Умэхара не имел университетского образования и написал данную статью всего в 23 года. В статье учёный представил описание размеров, внутренней и внешней структуры

курганов, их формы, особенностей постройки, наличия саркофагов и погребального инвентаря. Подробные схемы погребальных камер и саркофагов в нескольких проекциях и изображения кофун с учётом особенностей рельефа местности создают у читателя целостное представление о рассматриваемых курганах [165, с. 237–240]. Умэхара попробовал не только описать кофун, но и подвести итоги своих исследований; например, структура курганов провинции Оми казалась ему весьма схожей с дольменами, т.к. зачастую погребальная камера была сформирована из наложенных друг на друга крупных камней [165, с. 242].

Публикации Умэхара в этот период выходят одна за другой; в 1916 г. в статье «О группе пещерных захоронений в Такаида, Кавати» [166] он писал, что главная цель его работы состоит в том, чтобы зафиксировать увиденное и исследованное и предоставить результаты своих изысканий всему академическому миру, что, в свою очередь, должно способствовать активизации исследовательской деятельности в данном направлении [166, с. 387]. Исследования в Кавати Умэхара вообще считал наиболее перспективными, т.к. именно там находился центр развития культуры Кофун. Учёный провёл комплексное обследование всех погребальных камер в холме, разделив их на группы в зависимости от формы и размеров; однако более глубокие изыскания он планировал провести в будущем, и важным фактором, способствовавшим этому, стало создание комитета по исследованию исторических памятников в Осака в 1915 г. [166, с. 393]. В 1920 г. Умэхара опубликовал обширное исследование о кургане, расположенном около замка Ояма в Кавати; данная работа служит ориентиром для понимания методологии его исследований. Последовательно учёный рассматривал следующие проблемы: общая характеристика и обстоятельства изучения кофун, местонахождение кургана и подробности процесса археологических раскопок, форма кофун, структура погребальной камеры, тип саркофага, погребальный инвентарь [169, с. 203–205, 207, 211, 216].

Умэхара, впрочем, не задерживался в одной географической области – уже в 1917 г. он опубликовал небольшую заметку о дольменах префектуры Тоттори; проблема существования на Японских островах данного типа захоронений была очень важной, т.к. культура дольменов в Европе имела достаточно долгую историю (от

неолита до бронзового века), в то время как в Японии подобные погребальные сооружения характерны только для железного века [167, с. 206]. Целью данной статьи было начать дискуссию по этому вопросу в японской академической среде на основе уже имеющихся археологических данных. В том же году вышла его статья о курганах деревни Хирата провинции Оми, которые Умэхара характеризовал как кофун круглой формы с погребальными камерами коридорного типа, проводя сравнение с известными исследованными курганами позднего периода культуры Кофун в других регионах [168, с. 197]. Умэхара, таким образом, не только предлагал академическому миру свои результаты исследований, но и интересовался всем, что публиковали его коллеги, благодаря чему мог успешно проводить сравнительные исследования для выявления общих и специфических тенденций развития культуры Кофун в разных частях Японии.

В начале 1920-х гг. проводились комплексные исследования курганов в преф. Нара, так как именно там, в центре древнеяпонской государственности, археологами были обнаружены большие скопления крупных кофун с богатым погребальным инвентарём. Исследования тех лет долгое время оставались отправной точкой для последующих шагов японской археологии, поэтому даже в 1970-е гг. публикации начала XX в., издаваемые небольшими тиражами, печатались вновь. Например, Администрация уезда Такаити в 1971 г. способствовала публикации репринта работы 1923 г. «Древние курганы уезда Такаити префектуры Нара». Данная работа содержит как общие сведения о курганах данной местности (о расположении кофун в Такаити, особенностях курганов, саркофагов и деревянных гробов), так и описания конкретных кофун данной местности [239, с. 3, 5, 10, 21].

Данная работа даёт представление о том, как постепенно накапливалась в первые десятилетия XX в. информация о курганах, каким образом их исследовали и какие из этого делали выводы. В начале работы, например, авторы подробно описывают все известные им основные формы курганов – круглую, квадратную и квадратно-круглую, причём последняя в данной работе уже приобрела устоявшееся впоследствии в японской историографии название – *дзэнпо:ко:энфун*, однако для

1920-х гг. это был новый термин, поэтому в разделе о данной форме в первую очередь указано, что это те самые кофун, которые до этого называли *курума-дзука* (в виде повозки) или курганами в форме тыквы-горлянки. Также в работе описан метод укрепления внешней поверхности курганов каменной кладкой – *фукииси*, представлена краткая характеристика *ханива* и их применения во внешнем оформлении курганов [239, с. 5–9]. Таким образом, в рассматриваемый период начался процесс создания специального терминологического аппарата, который используется по сей день.

Японская историография первых десятилетий XX в. примечательна тем, что от описаний японские исследователи перешли к попыткам анализа артефактов и их интерпретации, хотя описательный элемент во многих работах всё ещё остаётся преобладающим. Анализ форм *магатама* и создание первой их классификации Цубои Сё:горо:, типология *ханива* и курганов Такахаси Кэндзи и выделение различных типов керамических изделий культуры Кофун Хаяси Каити являются яркими примерами того, как японская историческая наука окрепла в первые десятилетия XX в. Работы подобного плана составляют чрезвычайно ценную часть японской историографии культуры Кофун, так как предполагают ручную обработку колоссального объёма информации и исследовательских усилий по её интерпретации.

Замечание Яги Со:дзабуро: относительно невозможности сравнительного анализа большого количества материала было актуальным, пожалуй, только для начала 1900-х гг., а в дальнейшем, очевидно, количественные показатели японской историографии начали постепенно переходить в качественные, и из множества описаний кофун начали рождаться комплексные исследования ведущих учёных рассматриваемого периода – Кита Садакити, Ёкоти Иситаро:, Огава Эйити, Цубои Сё:горо:, Сибата Дзё:э, Хаяси Каити, Ооно Унгаи, Вада Сэнкити, Такахаси Кэндзи, Умэхара Суэдзи и др. На примере работ последнего можно увидеть, что японские исследователи были настроены на диалог и обмен мнениями и опытом для получения нового знания; таким образом, уже в первой трети XX в. были начаты масштаб-

ные сравнительные исследования развития культуры Кофун в разных частях Японии. Японский менталитет также оказал серьёзное влияние на формирование японской историографии культуры Кофун; именно поэтому свойственная японцам осторожность в выводах и уважение к труду других людей так заметно просматривается уже в ранних работах, посвящённых исследованию курганной культуры на Японских островах.

2.3. Изучение культуры Кофун в предвоенные десятилетия

При создании периодизации изучения культуры Кофун японскими учёными Сираиси Таитиро: выделил три этапа; первый этап (1926–1946) стал периодом формирования исследований. С середины 1920-х гг. в Японии всерьёз начались исследования курганов и других археологических памятников той эпохи методами современной археологии. Этот период, однако, выпал на предвоенное и военное время, когда изучение древней истории находилось под идеологическим давлением, поэтому, за исключением нескольких добросовестных учёных, опирающихся на чисто исторические взгляды, большинство исследователей неизбежно сводили все свои научные труды к восхвалению древней императорской власти [41, с. 7–9].

Несмотря на милитаризацию Японии в рассматриваемый период, японские исследователи активно проводили как археологическую разведку, так и раскопки курганов и последующую камеральную обработку материалов. Об этом можно судить на основании серии опубликованных с 1935 по 1940 гг. отчётов об исследовании курганов сотрудниками Института древней культуры Японии (Токио) [34]. Анализируя данные работы, можно сделать вывод, что даже в период, когда Япония была сконцентрирована на внешней политике, учёные имели возможность проводить свои исследования не только в регионе Кинки, но и на острове Кюсю, хотя остатки материальной культуры Кофун были отнюдь не главным объектом исследования японских учёных (другие отчёты были посвящены раскопкам средневековых храмов и даже исследованию голландского присутствия в Японии в начале XVII в.). Авторы отчётов о раскопках курганов во второй половине 1930-х – начале

1940-х гг. – известнейшие учёные, историки, археологи и искусствоведы предвоенного десятилетия, Умэхара Суэдзи (1893–1987) и Тадзава Кинго (1892–1952). Отчёты о раскопках публиковались и по результатам обследования курганов с периферии Ямато – в префектурах Гумма, Миядзаки и т.д. [25], [26]. Таким образом, в Японии 1930-х гг. не наблюдалось спада в развитии археологических исследований; напротив, изучение древности было одним из важнейших научных направлений в связи с идеологической обстановкой.

Главной особенностью данного этапа в изучении культуры Кофун является полномасштабное комплексное исследование отдельных древних реликвий, начавшееся в эпоху Тайсё (1912–1926). Среди наиболее значимых учёных, занимавшихся исследованиями культуры Кофун в этот период, следует назвать рассмотренного ранее Такахаси Кэндзи, Гото: Сю:ити (работы «Японская археология», «Оружие и вооружение» и др.), Суэнага Масао («Древнеяпонские доспехи», «Древнеяпонское оружие» и др.) [252, с. 147]. Скорее совпадением, чем логически вытекающей взаимосвязью было то, что в период милитаризации внимание исследователей культуры Кофун сфокусировалось на изучении оружия и доспехов из курганов – всего, что так или иначе было связано с войной и знаменовало собой политическую функцию древнеяпонского императора.

Гото: Сю:ити (1888–1960) – почётный профессор Университета Мэйдзи (Токио) и один из наиболее известных специалистов в области археологии Японии в довоенные годы. Публикационная деятельность Гото:, начавшаяся ещё в 1920-е гг. с работ «Зеркала в китайском стиле» [234] и «Японская археология» [238], приобрела особенную активность в 1930-х и первой половине 1940-х гг. В 1930-е гг., анализируя керамику культуры Кофун, Гото: дал название керамике *суэки*. Учёный проводил большую работу по активизации изучения древней истории в Японии и основал в 1941 г. Японскую ассоциацию древней культуры. С 1930-х гг. Гото: руководил археологическими раскопками, в том числе в столичном регионе, результаты которых публиковались в форме отчётов на протяжении всего периода исследований [24, с. 1–3]. При этом стоит отметить, что в 1930–1940-е гг. Гото: Сю:ити

находился под тем самым идеологическим влиянием, которое сделало его сторонником и даже пропагандистом *ко:кокусикан* – направления в японской исторической мысли, в котором история Японии рассматривается как непрерывное правление членов японского императорского дома. После окончания Второй мировой войны Гото: Сю:ити оставил прежние взгляды и посвятил остаток своей жизни обучению целой плеяды японских археологов и историков, в том числе Кобаяси Сабуро:, Ооцука Хацусигэ и др.

К числу значимых работ Гото: стоит отнести статьи о *ханива*, опубликованные в «Журнале японского антропологического общества» в 1931 г. Гото: с уважением относился к работам о глиняных фигурках *ханива*, подготовленным его предшественниками, особенно к труду Такахаси Кэндзи, однако отмечал, что существенное увеличение объёмов находок в начале 1930-х гг. повлияло на состоятельность высказанных в 1920-е гг. и ранее теорий о происхождении и типологии данных артефактов, в связи с чем Гото: принял решение произвести собственное исследование [121, с. 310], [122, с. 799]. В данной работе он анализирует большой комплекс материалов, а именно *ханива* в форме домов, обнаруженные при раскопках кофун во многих японских регионах. Гото: считал, что предыдущие исследователи, изучая *ханива* такой формы, делали больший акцент на воссоздании облика древнеяпонской архитектуры посредством данных артефактов, а не на *ханива* как таковых. Между тем, у каждого типа *ханива*, очевидно, была своя функция, и создание определённых форм глиняных фигурок для установки их по периметру кургана было продиктовано отнюдь не представлениями о прекрасном. В 1930 г. в Токио был опубликован японский археологический каталог, посвящённый *ханива* [319], который совпал по времени публикации со многими работами по данной тематике, что способствовало усилению исследований глиняных фигурок из курганов в Японии.

В 1939 г. вышла обширная статья Гото: «Хронология древних наконечников стрел» [123], которая была продолжением его исследований в области отдельных элементов погребального инвентаря. Металлические наконечники стрел доста-

точно часто встречаются археологам при раскопках кофун, поэтому изучение хронологии на основе данных материалов было перспективным направлением. На основе анализа около двухсот наконечников различной формы Гото: составил многоуровневую систему классификации; на первом уровне насчитывалось 6 основных групп наконечников, выделенных на основе наличия «эфеса» и формы основания, внутри каждой группы (второй уровень классификации) насчитывалось от двух до семи типов артефактов по форме самого наконечника – треугольные (равносторонние, равнобедренные с различным соотношением высоты и основания), пятиугольные, крестообразные и т.д. Упомянуты даже такие формы, как долото, летящая ласточка, летящий дикий гусь (раздвоенный наконечник в форме галочки) и т.д. На третьем (и последнем) уровне классификации наконечников стрел Гото: из каждого типа второго уровня выделяются виды наконечников на основе ширины острия и его формы – острой, круглой, вогнутой [123, с.134, 144–145].

После подробного описания классификации Гото: предлагает читателю свой взгляд на датирование наконечников стрел, которое может быть полезно в дальнейшем при изучении времени возведения конкретных кофун. Гото: логично заключил, что внешний осмотр наконечников не является тем методом, который позволил бы определить возраст находки, т.к., разумеется, никаких дат на них не выбивалось. Железные наконечники стрел, по мнению Гото:, были непосредственными «потомками» бронзовых, а до этого – каменных, хотя в то же время он отмечает, что в такой стране, как Япония, где влияние континентальной культуры на формирование собственной столь велико, металлические наконечники могли быть просто завезены через Корейский полуостров [123, с. 148–149].

Гото: создал хронологию наконечников стрел, основываясь на сравнительном анализе находок культуры Кофун как с наконечниками более ранних археологических культур Яёй и Дзёмон, так и артефактами периода Нара. Так Гото: удалось выяснить, что большая часть железных наконечников относится к позднему периоду культуры Кофун, так как они имели сходство с находками периода Нара, которые, в свою очередь, датировались в связи с наличием других артефактов в том

же культурном слое (например, мечей с надписями); в то же время бронзовые наконечники различных форм действительно чаще использовались в погребальном инвентаре в раннем и среднем периоде культуры Кофун [123, с. 156–159]. Хронология и классификация наконечников стрел Гото: Сю:ити была настоящим прорывом в японской историографии культуры Кофун, т.к. по данному элементу погребального инвентаря впервые был не только обработан такой объём информации, но и проведён сравнительный анализ с обширной базой данных по другим археологическим культурам, накопленной к концу 1930-х гг.

Работы Гото: выходили и в военное время: в 1941 г. вышла в свет книга «Становление древней японской культуры с точки зрения археологии» [235], а в 1942 г. в Токио была опубликована монография «Изучение древнеяпонской культуры» [237], объединившая в себе все результаты исследований Гото: за предшествующие годы. Книга состояла из двадцати шести глав, каждая из которых была посвящена отдельному направлению изучения культуры Кофун Гото: Сю:ити; он писал как о периодизации культуры Кофун, так и о квадратно-круглых курганах и их месте в курганной культуре Японии, значении *ханива*, их использовании при попытке воссоздания погребальных ритуалов, бытовавших в период Кофун, об одежде, доспехах, оружии и шлемах III–VII вв. [237, с. 400, 669], использовании драгоценностей в погребальном инвентаре [237, с. 433] и многом другом. Для каждой описываемой группы артефактов Гото: создал собственные классификации, сформировав к началу 1940-х гг. основу последующих исследований типологии элементов культуры Кофун. Например, металлические шлемы он поделил на два типа в зависимости от направления листов металла и методов их закрепления заклёпками – с горизонтальным и вертикальным креплением [237, с. 402–404].

Гото: высказал в своей работе множество теорий, которые затем развивались как отдельные направления японской историографии культуры Кофун. Например, его очень волновала проблема установления нижнего временного предела курганной культуры на Японских островах, и в связи с этим Гото: углубился в изучение как внешних форм кофун, так и типов погребальных камер. На его взгляд, появле-

ние на Японском архипелаге горизонтальных погребальных камер было тесно связано с возникновением уникальной формы курганов – *дзэнно:ко:энфун* [237, с. 36]. *Ханива* Гото: разделил на пять основных типов: цилиндрические, антропоморфные, зооморфные, в виде бытовых предметов и домов [237, с. 49] – каждый из которых имел особое значение и смысл при установке фигурок на определённой части кургана. Исследователь применял в своей работе все сформировавшиеся в японской исторической науке специальные термины для обозначения форм курганов, то есть к концу рассматриваемого периода из японской историографии полностью исчезают понятия «курган в форме тыквы-горлянки» и тому подобные. Японская историческая наука, прошедшая долгий этап формирования, теперь характеризовалась устоявшейся методологией и терминологией.

Несмотря на то, что Гото: в своих исследованиях, по мнению современных учёных, не был объективен, он оставил большое наследие в виде монографий и статей по культуре Кофун и японской археологии в целом, а также отдельным видам погребального инвентаря. Впоследствии его благодарный ученик Кобаяси Сабуро: высоко оценил достижения Гото: Сю:ити по части общего описания культуры Кофун и данных им чётких определений. Например, Гото: Сю:ити дал определение ключевому понятию курганной культуры Японии – кофун – охарактеризовав его как способ захоронения человеческих останков на вершине курганного холма в 2–3 м. от поверхности кургана, в погребальной камере с использованием саркофага и внешних декоративных элементов: *фукииси*, *ханива* и рвов [269, с. 12].

Умэхара Суэдзи в 1930-е гг. не только проводил раскопки японских кофун, но и заинтересовался другими курганными культурами Восточной Азии в поисках возможной генетической связи культуры Кофун и материковых культур кочевников. Смещение научного интереса исследователя в сторону других государств Восточной Азии было связано с поиском ответа на вопрос о происхождении культуры Кофун на Японских островах. Результаты исследований первой четверти XX в. показали, что японские кофун и свойственные им характерные черты внутреннего и внешнего устройства не всегда являются уникальными, а имеют множество аналогов на материке.

В 1930 г. Умэхара опубликовал работу о бронзовых мечах, найденных при проведении раскопок на Корейском полуострове; хотя подобные находки были известны ещё с конца XIX в., исследователь считал, что необходимая для комплексного исследования база сформировалась только к началу 1930-х гг., а наиболее поздние находки имели решающее значение для появления представлений о культурных связях в Восточной Азии в III–VII вв. Все материалы для своей работы Умэхара изучал во время рабочей поездки в Корею, сравнивая медные изделия из корейских захоронений с известными находками как в Японии, так и в Китае и даже на юге России. Несмотря на явное сходство корейского оружия (мечей и копий) с находками из японских кофун, Умэхара отмечал наличие ярко выраженных региональных особенностей изготовления данных элементов погребального инвентаря [170, с. 304, 318].

Осмысление связи японской и корейской курганной культур красной нитью проходит через большинство работ Умэхара в 1930-е гг.; например, опубликованная в 1935 г. статья о находке бронзовых зеркал в Корее и в японской провинции Кии также имела целью не только введение данного материала в научный оборот, но и работу по изучению культурного взаимовлияния государств Кореи и Ямато в III–VII вв. Одной из важных особенностей исследований Умэхара является изучение отдельных элементов погребального инвентаря с учётом других находок из того же памятника материальной культуры, а также аналогов в других странах. Сравнение проводилось не только на основе декоративных составляющих, но и качества металла, которое имеет важнейшее значение для идентификации региона происхождения. В случае с зеркалами из провинции Кии особенности бронзового сплава позволили Умэхара связать данные находки с производством медных колокольчиков в данном регионе [172, с. 126–127].

В 1932 г. вышла в свет уникальная для японской довоенной историографии статья о раскопках пазырыкских курганов на Восточном Алтае. Умэхара в 1930 г. удалось в третий раз побывать в России и благодаря советским археологам С. И. Руденко и М. П. Грязнову ознакомиться с результатами археологических раскопок пазырыкской культуры железного века, которую последние изучали в конце 1920-

х гг. По мнению Умэхара, ознакомившегося с артефактами из пазырыкских курганов и российскими публикациями по скифским и пазырыкским курганам, несомненно наличие связи между курганными культурами Востока и Запада, в данном случае Восточного Алтая и Японии [171, с. 51]. В статье представлены переводы советских статей о раскопках скифских и пазырыкских курганов – таким образом, Умэхара способствовал ознакомлению японского академического сообщества с данными археологическими культурами. Умэхара также оставил подробный комментарий к переведённой статье, которую он охарактеризовал как недостаточно подробную с точки зрения исследования раскопанных артефактов, хотя и дающую представление о внешнем виде конской сбруи и других металлических изделий. Скифо-сибирские мотивы найденных артефактов представлялись Умэхара крайне важными, т.к. именно их стоило анализировать для подтверждения генетической связи японских и алтайских курганов [171, с. 63].

Пожалуй, именно эта публикация была отправной точкой сибирской теории происхождения культуры Кофун в японской историографии; Умэхара считал статью о пазырыкских курганах необходимой для понимания процесса культурного обмена стран Востока и Запада. Показательно, что именно Умэхара обозначил примерный путь, который могла проделать курганная культура на пути из Сибири на Японские острова – через Китай и Корейский полуостров – в течение нескольких веков. Определение данного пути стало возможным благодаря сравнительному анализу артефактов из курганных захоронений Китая эпохи Воюющих царств и Хань, а также курганов Корейского полуострова периода Трёх государств. При этом Умэхара отмечал, что намеченная им проблема нуждается в тщательной разработке и исследовании каждой отдельной культуры [171, с. 66–68]. Таким образом, в предвоенные годы Умэхара внёс существенный вклад в изучение проблемы происхождения культуры Кофун в японской историографии.

К изучению культуры Кофун в 1930-е гг. обращаются специалисты самых разных предметных областей. Например, исследователь пород дерева Онака Фумихико в 1936 г. опубликовал любопытную статью «Фрагменты дерева, извлечённые

из курганов и других древних сооружений» [142], в которой он представил результаты сравнительного анализа находок из дерева, обнаруженных при раскопках нескольких кофун в предвоенное десятилетие. Целью статьи было в том числе установление интенсивности связей между регионами в III–VII вв., т.к. находки из нетипичных для конкретной местности пород дерева свидетельствуют о том, что древесина специально завозилась из других провинций. Хотя статья в основном содержит данные о структуре деревянных находок с точки зрения «анатомии» древесины, Онака описывает весь извлечённый погребальный инвентарь (а не только деревянный): медные зеркала, мечи, конские колокольчики и т.д. Данная работа даёт представление и о том, что в 1930-е гг. курганы в Японии продолжают разрушать для строительства дорог и прочих нужд городской жизни [142, с. 589].

Попытку изучения исторической географии периода Кофун в 1930-е гг. предпринял Иимото Нобуюки (1895–1989), и его статья «Древние политические центры Японии и их перемещение» [125] стала ярким примером того, как идеологические установки плотно проникли в японскую историческую науку: в тексте постоянно встречаются фразы «великий народ Японии», «создание великой японской нации» и т.д. Создание японской нации, разумеется, Иимото относил к легендарному императору Дзимму, и судить о географии политических центров начинает именно с его мифического правления. Исследователь ставит Японию на одну ступень развития с Китаем, подчёркивая схожесть процесса перемещения политических (следовательно, и культурных) центров в обеих странах. Историческая география для столь древнего периода основывается на анализе письменных источников, топонимов и остатков материальной культуры; для Иимото одним из важнейших признаков политического центра было наличие дворцов – не менее важных памятников культуры Кофун, чем сами курганы. При этом политический центр Ямато, по мнению Иимото, обязательно должен был быть связан путями сообщения с материковыми цивилизациями, поэтому при определении центров древнеяпонской государственности на этот аспект также обращалось внимание [125, с. 308–310].

В середине 1930-х гг. японский исследователь Курияма Кадзуо (1909–2000) опубликовал серию подробных отчётов о раскопках курганов в бассейне реки Како

(историческая область Харима) и найденных при проведении работ артефактах. В самом первом отчёте, описывая локализацию курганов в рассматриваемом регионе, Курияма поднимает несколько важных для японской исторической науки вопросов. Главной целью своей работы он видел установление научной методологии в изучении культуры Кофун, а также укрепление и расширение коллективных археологических исследований в связи с огромным количеством неизученных памятников материальной культуры на Японских островах. Предыдущие раскопки Курияма расценивал как любительские и хаотичные, в связи с чем акцентировал внимание на необходимости систематизации археологических изысканий, установления алгоритма проведения исследовательской работы. В своих статьях он придерживается следующей структуры описания каждого отдельно взятого кофун: особенности рельефа местности, форма, ориентация кургана относительно сторон света, сохранность, размеры кургана в целом и отдельных частей, внешние и внутренние особенности, степень исследованности [133, с. 268, 272–274].

Просвещение простых людей с помощью проведения археологических исследований, по мнению Курияма, является важной частью культурного движения; их участие в раскопках необходимо для того, чтобы не просто пробудить мимолётный интерес к памятникам старины, но способствовать повышению культурного уровня народных масс. Многие кофун в исторической области Харима (ныне – преф. Хёго) были потеряны для научного сообщества как в результате ненаучных раскопок, так и грабежей. Этот процесс, по мнению Курияма, следовало пресекать для того, чтобы профессиональные исследователи могли формировать единую концепцию древней истории Японии. Описанные им материалы раскопок курганов бассейна реки Како имели значение не только как пример регионального развития курганной культуры, но и служили основой для исследования всего древнеяпонского общества [133, с. 268–269].

Курияма предпринял попытку утверждения термина «кофун», обозначив его как социальное сооружение, построенное как образ политической власти господствующего класса на основе развития экономической производительности на ко-

нечном этапе древней истории Японии. Древнеяпонское общество, согласно Курияма, сделало существенный скачок в результате притока и поглощения континентальной культуры; растущая социальная дифференциация сделала возможным дальнейшее развитие производительности. Курганы сами по себе – это тип захоронения правящего класса; социальным это сооружение было потому, что оно отражало не только наличие правящей элиты, но и подневольного большинства, которое своими силами возводило кофун невероятных размеров. В курганах находит отражение идея вечности господствующей власти, которая стоит выше обычных погребений. И курганы в форме «замочной скважины» в этом смысле являются вершиной развития культуры Кофун на Японском архипелаге. В дальнейшем же представители власти пришли к выводу, что строительство храмов является лучшим выражением власти, чем курганы, что привело к быстрому угасанию курганной культуры в Ямато в VII – начале VIII вв. [134, с. 358–359]. Таким образом, Курияма был типичным представителем японской историографии предвоенного десятилетия, т.к. стремился к систематизации знаний о культуре Кофун и формировал теории, в дальнейшем нашедшие множество сторонников и разработчиков.

Даже с началом Второй мировой войны исследования кофун не были полностью прекращены, хотя многих историков и археологов в начале 1940-х гг. мобилизовали. Сакадзумэ Накао (1902–1965), специалист по культуре раковинных куч и один из первых представителей исторической школы изучения Кофун в Университете Досися (преф. Киото), в 1940 г. опубликовал весьма любопытную статью об изделиях из раковин, найденных при раскопках японских кофун. В данной работе особенно примечательно то, что впервые японский автор перед описанием собственного исследования приводит достаточно подробную историографию проблемы, отметив все работы японских учёных с 1880-х гг., в которых хотя бы упоминались изделия из раковин моллюсков, найденные в курганах или при раскопках других археологических памятников. Первые артефакты, изготовленные из раковин, были найдены на востоке острова Кюсю в провинции Будзэн ещё в XIX в., и в 1940 г. в Императорском музее была собрана целая коллекция со всей страны, которую удалось изучить Сакадзумэ.

Для учёного было важно не только само изделие, но и материал – он идентифицировал моллюсков, раковины которых применялись в древней Японии для изготовления украшений (браслетов и колец): ему удалось выяснить, что широко применялись раковины конуса-бабочки, подагрического лямбуса и ветвистого цикоруса. Раковины подвергались обработке, и перед изготовлением из них украшений они тщательно шлифовались, в связи с чем ранее никто не мог подтвердить их видовую принадлежность. Выявленное разнообразие видов брюхоногих моллюсков, чьи раковины применялись при изготовлении различных изделий, найденных в кофун, поставило перед Сакадзумэ важный вопрос – раковины завозились только с Рюкю, или ещё и с материка и других островов Тихого и Индийского океанов? Исследователь пришёл к выводу, что моллюски, широко распространённые в Японии, очевидно, собирались в непосредственной близости от курганов, где изделия из них были обнаружены, однако другие виды, не встречающиеся в Японии, завозились издалека. Этот факт указывает как минимум на наличие тесных связей с Рюкю и материком [150, с. 423–424, 428].

Суэнага Масао (1897–1991) – известный японский археолог, первый директор Археологического института Касихара (преф. Нара), был ещё одним учеником и последователем Хамада Ко:саку. В 1930-е гг. Суэнага руководил археологическими раскопками в Ёсино (преф. Нара), результаты которых были отражены в его работах. В отличие от большинства исследователей, Суэнага ещё в довоенные годы успел опубликовать несколько монографий по культуре Кофун, в то время как статей в научных журналах по археологии, истории и антропологии, опубликованных под его именем, нет. К началу 1940-х гг. у Суэнага сложился план научной деятельности, следуя которому он постепенно начал публиковать монографические исследования, посвящённые отдельным группам древних артефактов, которые японские археологи обнаруживали во время раскопок.

Одна из наиболее известных работ этого периода у Суэнага – это «Древне-японское оружие» [323], опубликованная в начале 1940-х гг. в Токио. Несмотря на то, что в данной работе хронологические рамки включали в себя всю древнюю ис-

торию Японии, то есть помимо культуры Кофун также Дзёмон и Яёй, «Древнеяпонское оружие» занимает особое место в историографии культуры Кофун. Это связано с тем, что на примере оружия и постепенного возрастания его роли в жизни древнеяпонского общества Суэнага сумел проследить основные тенденции перехода от раннего к среднему, а затем и к позднему периоду культуры Кофун – оружие для учёного шло в тесной взаимосвязи с культурным развитием [323, с. 17, 83]. Помимо рассмотрения общих вопросов (производство и декорирование оружия, его применение, связь с религией и другими сферами жизни общества) Суэнага отдельно описал каждый вид оружия, разделив его на применяемое в бою и церемониальное. Последнее было исследовано Суэнага в том числе в контексте применения оружия в захоронениях и его места в погребальном инвентаре [323, с. 109, 255, 303, 307].

В 1944 г. вышла следующая монография Суэнага – «Древнеяпонские доспехи» [324]. В целом это характеризует его как вдумчивого, последовательного исследователя – в отличие от многих своих современников, Суэнага не публиковал небольшие отчёты о раскопках или внешнем осмотре курганов; анализируя колоссальные объёмы информации, он создал фундаментальные работы по вопросам оружейведения и изучения брони, существенно продвинув развитие японской исторической науки в данных направлениях. Работа «Древнеяпонские доспехи», как и предыдущая, хорошо структурирована; в первую очередь Суэнага обговорил вопросы терминологии, затем рассмотрел существующие на начало 1940-х гг. классификации доспехов, сделал обзор материалов, из которых изготавливали доспехи, и уже после этого перешёл непосредственно к описанию находок из курганов, останавливаясь на проблемах декорирования, вариантов изготовления и аксессуаров [324, с. 13, 23, 31, 73, 81, 127]. В этой книге Суэнага сместил хронологические рамки вперёд, и читатель видит не только эволюцию доспехов в период Кофун, но и их дальнейшее развитие в эпоху Нара.

Уже после войны, в 1947 г., Суэнага опубликовал собственный взгляд на классификацию *ханива*, однако очевидно, что подготовка данной работы велась ещё до 1939 г. и даже в военное время. Это была одна из первых расширенных

классификаций после Такахаси Кэндзи; в отличие от последнего, Суэнага при изучении антропоморфных *ханива* уделял большое внимание не только полу изображённого человека, но и роду его занятий, профессии, а также внешнему виду [260, с. 7–8]. Таким образом, в довоенные годы и даже во время Второй мировой войны Суэнага Масао не просто занимался изучением культуры Кофун – он создавал новые типологии и классификации, собирал разрозненные данные в единое целое, систематизировал их. Все его работы отличает именно эта черта – системность, в которой он видел лучший способ познания древней истории своей родины. Суэнага стал одним из тех, кто подготовил почву для послевоенного этапа развития японской историографии культуры Кофун, когда на основе сформировавшихся в первой половине XX в. взглядов начали активно развиваться различные теории, касающиеся генезиса и эволюции культуры Кофун.

В предвоенные годы, несмотря на милитаризацию Японии и идеологическое давление в научной сфере, многие учёные продолжали свои исследования различных аспектов культуры Кофун. В начале 1930-х гг. перспективным стало направление исследований, связанное с культурными и политическими связями государства Ямато и политических образований Восточной Азии. Работы Умэхара Суэдзи сформировали основу для дальнейшей дискуссии о происхождении культуры Кофун, которая не прекращается до сих пор. Однако рост количества исследований резко прекратился с началом Второй мировой войны: многие японские исследователи в начале 1940-х гг. были призваны для прохождения военной службы в рядах японской армии, а у других не было финансовой возможности продолжать свои исследования в условиях, когда страна находится в состоянии войны. Заметен не только резкий спад публикационной активности по части исследовательских работ, но и простых отчётов о проведении археологических раскопок либо разведки. Очевидно, что 1940-е гг. стали тяжёлым временем для японской исторической науки.

Публикации по культуре Кофун уже в начале 1940-х гг. в научных журналах стали настоящей редкостью. Кавамура Синьити в 1941 г. опубликовал работу «Обзор реликвий *Маруяма-кофун*, префектура Яманаси» о кургане, раскопанном ещё в

1907 г. Цубои Сё:горо:. Это лишний раз подтверждает мысль о том, что новые исследования в условиях военного времени были невозможны. Кавамура составил статью на основе старых рукописей в связи с внесением рассматриваемого кургана в список исторических мест преф. Яманаси в 1930 г. [131, с. 401–402]. Целью статьи является представление академическому сообществу артефактов, которые после раскопок Цубои перешли на хранение в Отдел антропологии Токийского университета; Кавамура представил подробное описание находок, в том числе бронзовых зеркал и разнообразного оружия – мечей, топоров, наконечников стрел и т.д. Необычен подход исследователя в поиске аналогов найденных металлических изделий в форме гарпуна – Кавамура провёл достаточно глубокий сравнительный анализ с находками со всего мира, в том числе Австралии и Океании, Алеутских островов и других территорий [131, с. 405–407].

Статья Кавакадо Торакити «Расположение кофун в префектуре Ибараки» [130] является одной из немногих работ по культуре Кофун, опубликованных в японских научных изданиях в середине 1940-х гг. В данной работе нашли отражение глубокие изменения в японской науке на стыке двух эпох: Кавакадо писал, что из-за нехватки времени часть курганов описана по материалам журналов и газет, а размеры кофун в статье представлены как в традиционной японской системе измерения, так и в метрической. Действительно, для довоенных работ характерно отражение размеров курганов в японской единице измерения *сяку*, а после окончания Второй мировой войны используется только метрическая система. Кроме того, Кавакадо провёл работу по изменению устаревших топонимов на современные и обозначил основные проблемы массового изучения курганов в рассматриваемой области: на полное исследование не хватает ни времени, ни ресурсов, а при описании кофун находки зачастую просто не регистрировались, если были в незначительном количестве [130, с. 365], поэтому даже собственную статью исследователь считал не окончательным знанием, а работой, требующей дополнений и доработки.

В целом эта статья заметно выбивается из общих тенденций развития японской историографии культуры Кофун в предвоенные десятилетия, т.к. по стилю больше относится к ранним работам: в работе отсутствует элемент анализа, статья

состоит из очень кратких описаний количества курганов, их размеров и форм в отдельных административных единицах преф. Ибараки. Подводя итоги своей работы, Кавакадо представил несколько выводов, однако и их нельзя охарактеризовать как отвечающие веяниям японской исторической науки 1930-х гг.: были сделаны поверхностные оценки по общему количеству курганов, соотношению форм, наличию совместных захоронений, *ханива*, декорированию стен погребальных камер и т.д. [130, с. 382–383]. Интересен и тот факт, что даже в терминологии Кавакадо возвращается к началу XX в., называя квадратно-круглые кофун курганами в форме тыквы-горлянки. Это важный момент, т.к. с момента появления термина «*дзэнпо:ко:энфун*» к сравнительным оборотам для выражения формы курганов исследователи более не прибегали. Таким образом, во время войны исследования культуры Кофун не имели серьёзных результатов помимо работ Суэнага Масао, который и в 1940-е гг. продолжал планомерно изучать историю развития металлического оружия и доспехов в древней Японии.

Среди немногочисленных монографий по культуре Кофун, опубликованных в годы Второй мировой войны, особое место занимает работа «Исследования кофун» Исии Сю:саку [247]. Исии не был известным учёным, и тем более примечательно то, что он сумел в рамках одной работы ёмко осветить все основные вопросы изучения боковых захоронений *ёкоанабо*, исследованием которых занимались японские учёные на протяжении первой половины XX в. Монография начинается с рассмотрения эволюции ритуалов и способов захоронения в Японии на протяжении всего периода существования данного государства, затем Исии на конкретных примерах описал развитие пещерных боковых захоронений и их особенности в разных частях Японии [247, с. 11, 33, 73]. Название работы в связи с этим выглядит не совсем удачным, так как Исии по сути рассматривает даже не кофун как таковые, а только один из способов захоронения, характерный для Японского архипелага в III–VII вв. Несмотря на это, издание подобного фундаментального труда в военное время заставляет задуматься о том, какую ценность культура Кофун представляла для японских исследователей даже в те годы.

В 1930-е – первой половине 1940-х гг. японская историческая наука была вынуждена подстраиваться под идеологические условия, в связи с чем изучение истории Японии как процесса непрерывного правления членов японской императорской династии стало основным направлением, в рамках которого исследователи имели возможность проводить свои научные изыскания. Наибольшей критике за своё отношение к *ко:кокусикан* в послевоенные годы подвергся Гото: Сю:ити, хотя было бы несправедливо при этом не отметить его вклад в японскую историографию культуры Кофун; работы «Исследование *ханива* в форме домов», «Хронология древних наконечников стрел», «Зеркала в китайском стиле», «Становление древней японской культуры с точки зрения археологии», «Изучение древнеяпонской культуры» и «Японская археология» оказали большое влияние на японскую историческую науку и в послевоенные годы, так как помимо идеологической составляющей основой исследований Гото: был сравнительный анализ огромного количества данных раскопок и археологической разведки за весь период существования археологии в Японии. Применение новых методов датировки Гото: Сю:ити позволило отойти от проблемы несоответствия письменных и археологических источников, а создание периодизации и уточнение хронологических рамок культуры Кофун стало отправной точкой для данного направления исследований в 1950-е гг. Работы Суэнага Масао «Древнеяпонское оружие» и «Древнеяпонские доспехи» также отражают общую тенденцию к систематизации знаний о культуре Кофун в предвоенные десятилетия, о которой писал Курияма Кадзуо. Сам Курияма в статье «Отчёт о раскопках курганов и обнаруженных реликвиях в бассейне реки Како, историческая область Харима» обозначил главной целью японской исторической науки просвещение простого народа и его привлечение к изучению культуры древности.

Подготовка почвы для формирования теорий происхождения курганной культуры на Японских островах происходила в 1930-е гг. благодаря научной деятельности Умэхара Суэдзи, расширившего территориальные рамки своих научных интересов даже за пределы Восточной Азии – до Алтая. Поиск схожих форм захоронений и элементов погребального инвентаря привёл его сначала на Корейский полуостров, а затем и в Советский Союз, где он смог ознакомиться с результатами

раскопок курганов пазырыкской культуры. Статьи Умэхара «Недавно обнаруженные в Корее бронзовые мечи и связанные с ними артефакты», «Раскопки пазырыкских курганов на Восточном Алтае» и «Два новых примера древних бронзовых зеркал» стали фундаментом для сибирской и корейской теорий происхождения культуры Кофун, получивших своё развитие в послевоенные годы.

Японская историография культуры Кофун имеет глубокие корни, уходящие в период Эдо, однако импульсом для начала активных исследований стала, несомненно, реставрация Мэйдзи, кардинально изменившая жизнь японского общества и способствовавшая рождению национальной науки в Японии. Благодаря работам европейских исследователей, в особенности Уильяма Говланда, японские исследователи смогли сформировать собственную методологическую и теоретическую базу изучения культуры Кофун, а затем выработать основные направления прикладных исследований, нашедших отражение в большом количестве научных статей и монографий, которые увидели свет в конце XIX – первой половине XX вв. Методология вырабатывалась постепенно в соответствии с требованиями времени и возможностями; первые учёные посвятили свою жизнь описанию курганной культуры и её проявлений, а их последователи постепенно начали вводить в свой методологический арсенал сравнительный анализ, сравнительно-исторический, типологический методы и многие другие, создавая целостные концепции существования культуры Кофун на Японских островах.

Основоположником японской историографии культуры Кофун можно смело назвать Цубои Сё:горо:, первого японского антрополога, чей исследовательский интерес к курганной культуре не ослабевал на протяжении всей его жизни. Цубои Сё:горо: определил основные направления развития японской историографии культуры Кофун в данный период, создав первые классификации элементов сопроводительного инвентаря и описав огромное количество археологических памятников эпохи Кофун. К началу Второй мировой войны в японской историографии культуры Кофун благодаря исследованиям Гото: Сю:ити, Суэнага Масао, Такахаси Кэндзи и других учёных сформировались основные представления о периодизации курганной культуры на Японских островах, формах кофун, вариантах внутреннего

и внешнего устройства, составе погребального инвентаря и его особенностях. Во второй четверти XX в. наблюдается увеличение интереса японских исследователей к курганным культурам, существовавшим на материке – как к китайским и корейским, так и к сибирским – что свидетельствует о поиске ответа на вопрос о происхождении культуры Кофун. Их исследования стали прочной опорой для научных изысканий, проводившихся уже после войны в условиях демократизации японского общества и отхода от привычного отношения к японской императорской семье и древней истории Японии.

Глава 3. Исторические исследования японской курганной культуры в эпоху демократизации Японии (1945 – 2020-е гг.)

3.1. Активизация изучения кофун в 1950–1960-е гг.

Окончание Второй мировой войны знаменовало собой также и окончание длительного периода в японской историографии, когда во главу угла было поставлено восхваление императорского рода и обожествление императоров Японии. Резкий переход от идеологии милитаризма и тэнноизма, произошедший в условиях демократического движения под контролем оккупационных властей, привёл к изменению отношения японского общества к личности императора и его роли в истории страны. Впрочем, вскоре после окончания оккупации стало ясно, что император для японского народа представляет собой символ независимости Японии; министр образования, науки и культуры Аmano Тэйю, например, называл императора не только символом государства, но и сердцевиной морали. За сохранение монархии в Японии выступало более 80% населения [205, с. 120, 125–126, 162].

Послевоенная демократизация японского общества способствовала активизации процесса изучения культуры Кофун. Сираиси Таитиро: характеризует временной промежуток с 1946 по 1965 гг. как период установления исследований культуры Кофун. В рассматриваемый период были сняты различные табу, связанные с раскопками древностей и изучением древней истории. Была гарантирована свобода исследований, благодаря чему изучение культуры Кофун быстро прогрессировало [252, с. 151–152]. Резкая смена ориентиров в исторической науке, однако, не обошлась без перекосов, что, по мнению российского японоведа Д. А. Суровеня, привело к появлению гиперкритического направления в изучении древнеяпонской истории. Переосмысление письменных источников о древних правителях Ямато достигло такой степени, что многое стало восприниматься как выдумка или миф. Эта тенденция практически лишила Японию значительной части своей истории. Рассмотренная ранее «теория всадников» была одним из способов заполнить образовавшуюся пустоту на историческом полотне [71, с. 118].

Помимо идеологических причин всплеску археологических и исторических исследований, в том числе и культуры Кофун, начиная с 1960-х гг. способствовало ускоренное экономическое развитие в Японии, сопровождавшееся строительством железных дорог, автомагистралей и даже целых новых городов. Ввиду ограниченного пространства многие архитектурные проекты территориально пересекались с объектами культурного наследия. Японское законодательство в области сохранения памятников культурного наследия предписывает необходимость проведения археологических раскопок (так называемых спасательных работ) на территории предполагаемого строительства до его начала. Спасательные работы прочно вошли в процесс строительства, что позволило японским археологам исследовать огромное количество кофун [217, с. 11–12]. Работы по сохранению культурного наследия становились всё более масштабными и многочисленными; например, по данным Цубои Киётари только в 1966 г. на территории Японии проводилось порядка 700 археологических раскопок в рамках спасательных работ [178, с. 34]. Отчёты о проведении раскопок становились всё более подробными [32, с. 5], [229, с.14, 23] что способствовало быстрому обмену информацией о новых открытиях между научными учреждениями.

Различные течения в исторической науке также содействовали росту интереса к кофун у простых людей; историки-марксисты развернули в Японии в 1950-е гг. целое движение за «народную историографию». Суть данного направления заключалась в том, чтобы сократить разрыв между учёными и народом, позволить простым людям самостоятельно изучить свою историю, социальные и гендерные отношения в японском обществе и их эволюцию. Именно в рамках данного направления с высоким энтузиазмом жители деревни Юкамураё (преф. Окаяма) всех возрастов и профессий в 1953–1954 гг. проводили раскопки кургана *Цуки-но-ва* наравне с учёными-археологами [76, с. 168]. Имаи Такаси (1932–2009) в середине 1950-х гг. только начинал свою научную карьеру в сфере изучения культуры Кофун, и о раскопках *Цуки-но-ва* подготовил небольшую статью, в которой описывал всеобщий восторг и энтузиазм, который испытывали простые люди, у которых появилась возможность проводить исследования древних курганов. О раскопках

Цуки-но-ва был снят документальный фильм, который получил хорошие отзывы как в Японии, так и за границей, однако японский министр культуры воспринял его весьма сдержанно, что вызывало у Имаи недоумение, ведь данная работа способствовала заметному росту интереса к национальной истории у простых японских граждан [126, с. 50–51].

Интересно, что в раскопках данного кургана принял участие член японской императорской семьи, принц Микаса (1915–2016), причём его отношение к раскопкам древних захоронений, в том числе при участии народа, было весьма демократичным – в русле общих изменений в японском обществе после окончания американской оккупации. Несмотря на то, что изучение истории в послевоенные годы было направлено в том числе на переосмысление роли императорской семьи в истории Японии, опыт работы принца Микаса на раскопках *Цуки-но-ва* и его помощь в осуществлении данного проекта показывают, что на самом деле эта роль просто приобрела другие черты в новых условиях, но вовсе не исчезла [76, с. 171].

В 1950-е гг. были начаты типологические исследования керамики *хадзики* и *суэки*, характерной для культуры Кофун, были подвижки и в изучении древних правителей Ямато. Кроме того, ожидания от археологии заметно выросли из-за размышлений о довоенных исследованиях древней истории. Археология и её методы стали более активно применяться при изучении истории древнего Ямато. Однако относительно молодой на Японских островах науке – археологии – было трудно сразу оправдать столь высокие ожидания, продолжался период проб и ошибок. Гото: Сю:ити в середине 1950-х завершил свою научную карьеру монографией «Культура Кофун» [236], которая по стилю и подходу ближе к довоенной историографии культуры Кофун. Его последователи предпринимали попытки переосмысления принятых взглядов на историю императорского рода и его значимость.

С 1945 по 1970 г. проводились обширные археологические раскопки и исследования, сопровождавшиеся крупномасштабным освоением земли в период высокого экономического роста. С окончанием войны были сняты ограничения на раскопки многих курганов, что позволило исследователям получить огромное количе-

ство материалов. Сайто: Кадзуо в опубликованной в 1961 г. статье «Проблема разрушения древних гробниц, сопровождающая городскую застройку» [149] обозначил основные условия, сопровождающие развитие археологии и исторических исследований в послевоенные десятилетия. По его словам, после войны многие курганы оказались разрушены в угоду градостроительству, и даже те памятники культурного наследия, которые изначально предполагалось сохранить, к началу 1960-х гг. оказались стёрты с лица земли. Этот процесс вызывал озабоченность у всего академического сообщества Японии, и выработка встречных мер для сохранения кофун была важным направлением исследований культуры Кофун в рассматриваемый период [149, с. 621].

Важнейшие открытия в данный период были сделаны следующими учёными: Кобаяси Юкио (работы «Разговор о кофун», «Исследования периода Кофун», «Древние технологии», «Древние зеркала» и др.), Сайто: Тадаси («Раскопки в Японии», «Исследование японских курганов», «Японская археологическая энциклопедия и др.»), Ооцука Хацусигэ («Погребальные камеры и саркофаги», «Курс японской археологии»), Кондо: Ёсиро: [252, с. 151–152]. В послевоенные годы на волне активизации процесса исследований древней истории Японии сформировались основные центры научных исследований культуры Кофун, к которым применимо понятие «научная школа». Важнейшими центрами изучения курганной культуры стали города Осака, Токио, Нара и Киото, что объяснялось также максимальными скоплениями курганов именно вблизи данных городов.

Кроме того, представители каждой научной школы выбирали направление исследований – одни занимались общеяпонскими исследованиями (например, сравнительным анализом форм курганов на Японских островах, периодизацией, изучением погребального инвентаря в общеяпонском масштабе или конкретной формы курганов и т.д.), а другие (и таких было большинство) выбирали своей стезей региональные исследования культуры Кофун. Актуальность региональных исследований заключалась в том, что, несмотря на сложившееся мнение об относительной однородности культуры Кофун, в каждом регионе прослеживались собственные варианты внутреннего и внешнего оформления курганов, использования

рвов, даже соотношение длины ног у *ханива* в виде лошади в Восточной и Западной Японии заметно отличается. В связи с этим на местах также начали формироваться исследовательские группы, занимавшиеся изучением и сохранением культурного наследия своей родины.

Кобаяси Юкио (1911–1989) – один из крупнейших исследователей эпохи Кофун в японской историографии, почётный профессор Университета Киото [58]. Кобаяси Юкио оставил глубокий след в японской историографии курганной культуры, создав как фундаментальные труды по истории и культуре государства Ямато в III–VII вв., так и классификации погребального инвентаря, в том числе бронзовых зеркал с треугольным сечением, которые используются до сих пор, хоть и в доработанном последующими поколениями виде [63, с. 100–101]. Его по праву можно считать одним из основателей киотской школы исторических исследований культуры Кофун. Несмотря на то, что свою деятельность как археолог Кобаяси начал еще в 1930-е гг., активная публикационная деятельность началась только после окончания Второй мировой войны, в которой он принимал участие.

Уже в начале 1950-х гг. деятельность Кобаяси по исследованию курганов нашла отражение в небольших публикациях о результатах раскопок кофун в преф. Осака; например, в 1953 г. была опубликована совместная с археологом Нарасаки Сэйити (1925–2010) работа «Исследование курганов Канаяма и Ооябу» [270], по которой можно судить о том, что сформировавшийся до Второй мировой войны алгоритм проведения научных изысканий и его описания в исследовательских работах надёжно закрепился в японской историографии: авторы постепенно знакомят читателя с расположением кургана, его современным состоянием, строением погребальной камеры и саркофага, разнообразием обнаруженных реликвий; специфические вопросы (например, изучение костных остатков) изучались совместно со специалистами-антропологами [270, с. 2, 4, 8, 13, 56]. Последующие монографии Кобаяси были подготовлены по материалам и опыту проведённых раскопок и камеральной обработки артефактов. Исследователь также участвовал в подготовке справочных изданий, и в 1959 г. в соавторстве с Мидзуно Сэйити (1905–1971) Кобаяси опубликовал один из первых японских археологических словарей, который

стал ценным инструментом как для начинающих учёных, так и для специалистов по культуре Кофун [21].

Одной из первых значительных работ Кобаяси является «*Кофун-но ханаси*» («Беседа о кофун»). В данной монографии Кобаяси в формате диалога с читателем исследует несколько фундаментальных проблем в изучении японской курганной культуры. Среди них стоит отметить отношение к кофун в японском обществе и взаимодействие (в основном в сфере культуры) Ямато с государствами, существовавшими в тот период на территории Китая и Корейского полуострова. Дискуссионным оставался и вопрос происхождения курганной культуры на Японских островах. В поисках решения данной проблемы Кобаяси Юкио задаётся следующим вопросом: в каком направлении происходило в III–IV вв. перемещение значительного количества людей, а вместе с ними и культурных установок, с северной части острова Кюсю в центральную Японию (район Кинай), или же наоборот [274, с. 35]?

Начатая Кобаяси Юкио дискуссия в дальнейшем поспособствовала многочисленным исследованиям в данном направлении и публикации научных трудов как по теориям происхождения культуры Кофун (как упоминалось ранее, основными были северо-кюсюсская, китайская, корейская и сибирская), так и по вопросу реальности завоевания Японских островов кочевниками, прибывшими с материка через Корейский полуостров, а также роли загадочного протогосударственного образования Яматай в становлении полноценного государства Ямато.

В 1961 г. Кобаяси опубликовал следующую монографию по общим вопросам культуры Кофун – «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» («Исследование периода Кофун»), в которой дано как общее описание характерных особенностей культуры Кофун [273, с. 33], так и рассматриваются такие проблемы, как причины возникновения культуры Кофун на Японских островах [273, с. 47], дискуссионность вопроса о локализации Яматай [273, с. 75], бронзовые зеркала как часть погребального инвентаря японских курганов и их классификация [273, с. 95], значение появления культуры Кофун в японском историческом процессе [273, с. 135], характерные черты сопроводительного инвентаря кофун раннего периода курганной культуры и двой-

ственность его интерпретации [273, с. 161], границы политического влияния государства Ямато [273, с. 191], особенности строительства и распространения кофун в средний период курганной культуры [273, с. 225] и, в завершение, появление лошадей в Ямато и возникновение обычая верховой езды в древней Японии [273, с. 261]. В данной работе Кобаяси впервые представил обширную фотогалерею бронзовых зеркал, найденных в кофун.

Отмечая, что японская историография культуры Кофун имеет долгую и продуктивную историю, Кобаяси обращает внимание читателя на то, что существует большое количество сложных проблем, связанных с курганной культурой на Японских островах и остающихся нерешёнными, и эффективное взаимодействие исторической науки и археологии является важнейшим фактором, который мог способствовать решению данных вопросов. Культура Кофун, по мнению Кобаяси Юкио, может изучаться только посредством исследования курганов, так как они являются лицом рассматриваемой археологической эпохи и наиболее чётко отражают социально-политические процессы, происходившие в древнеяпонском обществе в III–VII вв.: развитие земледелия, установившегося в качестве основной формы хозяйственной жизни населения Японских островов ещё в период Яёй, активизация использования металлов при изготовлении сельскохозяйственных инструментов, подъём производительных сил, появление и укрепление политической структуры, сопровождавшиеся широчайшим распространением среди членов влиятельных кланов обычая строительства курганных гробниц [273, с. 35]. Таким образом, Кобаяси наметил основные направления исследования культуры Кофун, оказавшие влияние на развитие японской историографии курганной культуры в 1960-е гг.

По-настоящему большим шагом в японской послевоенной археологии стало создание Кобаяси Юкио системы классификации бронзовых зеркал из захоронений III–VII. Опубликованная в 1965 г. монография «Древние зеркала» [275] стала настоящим открытием для японской историографии культуры Кофун. Бронзовые зеркала характеризуются хорошей сохранностью и большим разнообразием изображённых на них животных и божеств. В рассматриваемой работе исследователь

описывал происхождение бронзовых зеркал в Ямато, взаимосвязь японских и китайских зеркал, импорт последних на Японские острова, методы изготовления данных артефактов в Японии и изменения, происходившие в облике бронзовых зеркал и их использовании в течение периода Кофун [275, с. 1, 19, 82, 103, 169]. Кобаяси последовательно изучал орнаменты и изображения на бронзовых зеркалах, повторяемость и вариации компоновки, что позволило ему составить такую классификацию зеркал, которая отражала эволюцию данного элемента погребального инвентаря на протяжении всего существования культуры Кофун. Важной характеристикой зеркал из кофун являлась их вогнутость и выпуклость, что служило для Кобаяси ключом к пониманию происхождения бронзовых зеркал в Ямато.

Кобаяси предполагал, что наличие бронзовых зеркал в кофун, их количество и расположение относительно тела усопшего свидетельствует о социальном статусе похороненного в кургане человека, так как изначально бронзовые зеркала были дарами императорам Ямато от правителей древнекитайских государств, а процесс их распределения между региональными правителями с целью создания союзов (как упоминалось ранее, Ямато, по мнению ряда исследователей, в начальный период своего существования было конфедерацией племенных союзов) был сосредоточен в руках относительно узкого круга людей [89, с. 83–85]. Зеркала служили одним из символов политической власти в древней Японии, и места их отливки на территории Японии были под контролем императорского двора; повторяемость композиций объяснялась тем, что для создания зеркал в Ямато применялись готовые для отливки формы, завезённые из Китая [275, с. 61]. Несмотря на то, что в дальнейшем созданная Кобаяси Юкио типология зеркал подвергалась как критике, так и переосмыслению (и доработке), её появление в 1960-е гг. дало мощный толчок для развития данного направления исследований в японской историографии. Кобаяси принадлежал к общеяпонскому направлению исследований культуры Кофун, не вдаваясь в подробности региональной специфики развития курганной культуры.

Мори Ко:ити (1928–2013) – признанный специалист по японской культуре и древнеяпонской истории, профессор Университета Досия (преф. Киото), один из

известнейших представителей киотской школы исследований культуры Кофун во второй половине XX – начале XXI вв. [60]. Мори заинтересовался археологией и историей древней Японии ещё в молодости. После окончания Второй мировой войны перед юным исследователем открылись возможности для реализации своих интересов без идеологического давления, характерного для японской исторической науки в предвоенное десятилетие. В 1948 г., будучи студентом Университета Досия, он основал Студенческую археологическую исследовательскую группу (известную позднее как *Кодайгаку кэнкю:кай*), а в 1949 г. поспособствовал началу издания журнала «Древние исследования» («*Кодайгаку кэнкю:*») [355].

Одной из важнейших ранних монографий Мори считается «*Кофун-но хаккацу*» («Раскопки кофун»), опубликованная в 1965 г. В этой работе Мори предпринял первую собственную попытку комплексного исследования культуры Кофун. В первую очередь он поднял вопрос сохранности императорских гробниц в связи со случаями ограблений захоронений императора Тэмму и императрицы Дзито, а также обратил внимание на то, что исследователям всегда хотелось хотя бы краем глаза взглянуть на внутреннее убранство императорских курганов [300, с. 8]. Данные проблемы красной нитью проходят через все последующие труды Мори.

В «*Кофун-но хаккацу*» Мори предлагает читателю также ознакомиться с историей изучения культуры Кофун, начиная с периода Эдо; рассмотрена деятельность Гамо: Кумпэй и Токугава Мицукуни (Мито Ко:мон) по исследованию курганов путём их внешнего осмотра, попытка их описания и классификации. Особое внимание Мори обращает на повышенный интерес японцев к *Дайсэнрё:* (кургану, предположительно являющемся местом захоронения императора Нинтоку), который сохраняется в японском обществе до сих пор [300, с. 27–29, 34]. Переходя к периоду Мэйдзи, Мори отдаёт дань уважения Уильяму Говланду – англичанину, который одним из первых в конце XIX в. познакомил европейское научное сообщество с японской курганной культурой [300, с. 52]. Таким образом, перед тем, как описывать современное представление о кофун, их форме, структуре и содержании, Мори уделит большое внимание тому, как постепенно формировались знания о культуре Кофун в японском обществе.

В главе о самих кофун рассмотрены такие вопросы, как квадратно-круглая форма кофун и причины её появления, виды гробов, их форма и материалы изготовления [300, с. 70, 81–83, 93]. Мори также предпринял попытку осмысления представлений древних японцев о мире мёртвых на основе анализа структуры, размеров и планировки горизонтальных погребальных камер, определения пола захороненных в курганах покойных и различий женских и мужских захоронений, в том числе на основе дифференциации погребального инвентаря (например, наличия в женских погребениях серёжек) [300, с. 109, 113, 132, 140]. Уже в данной работе проявляется подход Мори к изучению культуры Кофун, при котором он описывает общие тенденции путём выборки нескольких курганов.

Внутренняя часть рассматриваемой монографии посвящена проблемам сохранения японского культурного наследия эпохи Кофун в современных условиях. Озабоченность Мори данным вопросом прослеживается во всех последующих работах исследователя, этот вопрос он поднимает как в предисловиях к изданиям, в которых выступал в качестве редактора, так и в самостоятельных научных трудах. В «*Кофун-но хаккацу*» Мори определяет две основные проблемы сохранения курганов в Японии: с одной стороны, строительство автомагистралей и железных дорог, а с другой – заинтересованность строительных подрядчиков в освоении земель в крупных городах [300, с. 167–170].

В первом случае Мори рассмотрел данную проблему на примере строительства автомагистралей *Синтокайдо:* и *Мэйсинко:сокудо:ро*, в результате которого многие курганы были уничтожены [300, с. 158–162]. Несмотря на то, что перед строительством в обязательном порядке проводятся спасательные работы (т.е. работа по сохранению культурного наследия всё же ведётся), по мнению Мори, само уничтожение памятников глубокой древности – это огромная проблема, стоящая перед японским обществом. Именно поэтому данная работа завершается вопросом: какая участь уготована кофун в условиях экономического развития Японии, когда строительство дорог и жилых кварталов зачастую имеет большую ценность в глазах властей, нежели реставрация и сохранение кофун – свидетельства уникального культурного развития Японии в III–VII вв.

Умэхара Суэдзи, активно принимавший участие в археологических раскопках с 1920-х гг., в том числе и в предвоенное десятилетие, после окончания Второй мировой войны продолжил свои научные исследования. Изданная в 1947 г. работа «*Нихон-но кофунбо*» («Японские курганные захоронения») [332] отражает возникшие в японской археологии во второй половине 1940-х гг. проблемы. Интересно, что данная работа написана устаревшим языком, хотя издана уже после войны и, следовательно, реформ японского языка – японская наука не всегда быстро реагировала на изменения в обществе. Среди проблем, поднятых Умэхара в монографии «Японские курганные захоронения», особенно выделяется поиск культурных связей и взаимодействия курганных культур в пространстве всей Азии – продолжение довоенных разработок о возможной генетической связи культуры Кофун с материковыми культурами. Кроме того, Умэхара углубляется в историографию вопроса, обращаясь к работам Генриха фон Зибольда, Уильяма Говланда и других исследователей культуры Кофун XIX в. [332, с. 13, 15].

Умэхара вновь постарался дать определение слову «кофун» и понять как значение самих курганов в истории Японии, так и смысл их изучения [332, с. 1–5]. Это связано с тем, что вместе с демократизацией японского общества прекращают своё существование поддерживаемые Гото: Сю:ити взгляды на историю Японии как историю правления императорской династии (*ко:кокусикан*). Отныне изучение древней истории должно было получить другие цели и иной смысл, чем в 1930-е – начале 1940-х гг. Умэхара пишет, что древнеяпонские письменные источники, такие как «Кодзики», «Нихон сёки» и «Фудоки», начинают восприниматься исследователями критически, не как абсолютная истина [332, с. 5]. Умэхара также предпринял попытку систематизации истории изучения культуры Кофун в Японии для понимания возможных векторов развития данной исследовательской проблемы в новых исторических условиях [332, с. 8–29]. К проблеме датировки кофун и, следовательно, времени правления первых японских императоров Умэхара обращается в главе «Погребальный инвентарь и проблемы реальной датировки кофун» [332, с. 90–104]. Работа Умэхара является показательной для исследователя культуры Кофун, т.к. в ней сочетается прошлое и настоящее послевоенной японской

исторической науки: старый язык и новые интерпретации, обобщение собранных ранее данных и формирование обновлённых теорий. Как и многие исследователи, после войны Умэхара перешёл от публикации научных статей к написанию монографий.

Ооцука Хацусигэ (1926–2022) – почётный профессор Университета Мэйдзи и президент японского археологического общества, один из основателей токийской школы исторических исследований культуры Кофун. В 1950–1960-е гг. Ооцука на заре своей научной карьеры занимался вопросом происхождения и характерных особенностей квадратно-квадратных курганов – *дзэнно:ко:хо:фун* [258, с. 26]. В 1956 г. он опубликовал обширную статью «Формирование и характеристика *дзэнно:ко:хо:фун*», в которой обозначил основные проблемы идентификации квадратно-квадратных курганов, а также историю их происхождения и эволюцию формы в течение III–VII вв. [147, с. 38]. Данная проблема ранее не поднималась японскими исследователями, т.к. основная масса японских кофун имеют круглую или квадратно-круглую форму, поэтому в качестве объекта исследований они выступают гораздо чаще. Ооцука также опубликовал серию историографических статей, в которых рассматривал вклад Уильяма Говланда в изучение культуры Кофун в Японии, что было принципиально новым направлением в послевоенных исследованиях.

В 1959 г. в серии «Мировая археологическая система» вышла коллективная монография, посвящённая эпохе Кофун [271]. Авторы данной работы являлись известнейшими исследователями курганного периода, работавшими в те годы – Кобаяси Юкио, Кондо: Ёсиро:, Ооцука Хацусигэ, Ниситани Синдзи, Онояма Такаси, Мики Фумио, Ёкояма Ко:ити, Камэи Масамити и Киси Тосио. Культура Кофун рассматривалась авторами без отрыва от остальных сфер жизни древнеяпонского общества. В работе отражены основные представления, сформировавшиеся в японской исторической науке по вопросам общей характеристики периода Кофун как важной для понимания японской истории эпохи, изменений в постройке курганов в течение рассматриваемого периода, развития производства сельскохозяйствен-

ных орудий из железа, формирования политической системы Ямато, традиций верховой езды, традиционных и новых ремёсел, ритуалов и их роли в жизни японцев в IV–VII вв., значения *ханива* и влияния древних могущественных кланов на развитие культуры Кофун и политической системы Японии [271, с. 1, 11, 51, 67, 88, 105, 125, 145, 157, 164]. В монографии вновь была предпринята попытка обозначить хронологические рамки культуры Кофун; в данном случае авторы считают эпохой Кофун около 400 лет с начала IV до конца VII вв., в то время как конец III в. в данный период включается со знаком вопроса. Периодизация культуры Кофун также представлена в непривычном виде: вся эпоха разделена всего на два больших подпериода – ранний (IV – конец V вв.) и поздний (конец V – конец VII вв.), и, хотя авторы указали, что каждый выделенный промежуток можно разделить ещё на три части, дробление культуры Кофун едва ли может помочь в её восприятии. Эпоха Кофун, по мнению авторов, стала переходным периодом, когда история Японии из чисто археологической переходит в историческую плоскость, изучение которой возможно с применением методов обеих наук [271, с. 1].

Большой вклад в изучение культуры Кофун и сохранение объектов культурного наследия данной эпохи внёс японский археолог Цубои Киётари (1921–2016). После выпуска из Университета Киото вскоре после войны, в которой Цубои был вынужден участвовать с 1943 г., Цубои поступил на работу в Национальный исследовательский институт культурных ценностей в г. Нара, в дальнейшем руководил Центром захороненных культурных ценностей [360]. Несмотря на то, что образование Цубои получил не в Университете Досия, как подавляющее большинство представителей киотской школы изучения культуры Кофун, его стоит отнести именно к ней. В 1960-е гг. Цубои вёл активную публикационную деятельность; особенно интересна для японской историографии рассматриваемого периода его статья «Историческое развитие кургана *Госики-дзука*: использование фотограмметрии в археологии» [178], опубликованная в 1968 г. Изучая данную статью, можно судить о том, что в послевоенное время стали активно применяться новые методы исследования курганов – помимо традиционных археологических – например, аэросъёмка курганов.

По части использования метода фотограмметрии в изучении культуры Кофун Цубои отмечает, что данный метод появился в японской археологии именно в середине 1960-х гг. и имеет ряд преимуществ над картографией, т.к. при изучении таких крупных курганов, как *Госики-дзука*, нанесение на план каждого камня из каменной кладки *фукииси* и в целом точная передача формы кофун весьма затруднительна и трудозатратна. При использовании снимков, сделанных с воздуха, на создание общего плана кургана и точную передачу его размера и рельефа уходит гораздо меньше времени, а результат оказывается более достоверным [178, с. 34].

Все исследования Цубои в первую очередь имели своей целью выработать план работ по реставрации и сохранению памятников культурного наследия. Курган *Госики-дзука*, выбранный учёным для изучения – крупнейший квадратно-круглый кофун в преф. Хёго – был серьёзно повреждён в результате мелиорации земель по время Второй мировой войны и дальнейшей незаконной урбанизации и обработки территории местными жителями; передняя часть кургана была и вовсе срезана компанией Sanyo Electric Railway по время строительства железнодорожных путей. В середине 1960-х гг. японское правительство взяло курс на выработку стратегии сохранения культурного наследия, и конкретно для кургана *Госики-дзука* администрация города Кобэ выделила 70 миллионов йен на организацию исследований и технического обслуживания кофун. Цубои отмечал, что в случае с *Госики-дзука-кофун* сложно понять, какая часть культурного наследия утеряна, а какая продолжает оставаться в земле, т.к. раскопки данного кургана вплоть до того момента, когда он занялся данным вопросом, не проводились, и все имеющиеся артефакты – *ханива* и несколько *магатама* – были собраны на внешней поверхности кургана [178, с. 31, 33–34].

В 1950–1960-е гг. Мики Фумио из Национального Университета Токио, собрав значительные коллекции археологических артефактов культур Яёй и Кофун, занялся созданием подробных каталогов и альбомов, которые подарили читателям возможность увидеть разнообразие форм и вариаций исполнения многих древне-японских изделий. Помимо изучения бронзовых колоколов *до:таку*, Мики подготовил работу о *ханива* [288], которая, несмотря на небольшой объём текста, сыграла

важную роль в дальнейшем развитии изучения глиняных фигурок курганного периода в Японии. Книга «Ханива» описывалась в рецензиях как представляющая собой правильный баланс между историей и искусством [101, с. 66]. Альбом ханива позволил исследователям из других стран дополнить имеющиеся представления о японской культуре и делать самостоятельные выводы; например, Н. А. Иофан уже в 1970-е гг., используя данную работу Мики, создала классификацию ханива и выявила с её помощью ранние синтоистские ритуалы и иконографическую традицию древней Японии [193, с. 62–67].

В 1966 г. в серии «Примитивное искусство Японии» вышел подготовленный Мики Фумио шестой том, который был посвящён материальной культуре периода Кофун. В данной работе Мики сконцентрировался на демонстрации погребального инвентаря – ханива, бронзовых зеркал, изогнутых бусин *магатама*, металлических украшений и оружия. На основе анализа погребального инвентаря и конструктивных особенностей японских курганов Мики сделал вывод, что в начальный период культуры Кофун для постройки усыпальниц предпочтение отдавалось холмам и возвышенностям, при этом форма зачастую удачно совпадала с особенностями ландшафта, что позволяло экономить силы при постройке курганов [289, с. 120].

Мики определил основное отличие китайских и японских курганных захоронений: если в Китае над гробницей возводили высокий курган, чтобы надёжно укрыть место упокоения и погребальный инвентарь, то в Японии при создании кургана либо эффективно использовали особенности рельефа, выбирая холмы, либо уже после насыпи кургана необходимой формы создавали погребальную камеру одним из двух способов. В первом случае погребальная камера выкапывалась прямо на вершине кургана (что соответствует, очевидно, вертикальному типу), а во втором случае на кофун помещали каменные плиты, составляя погребальную камеру; после завершения ее формирования плиты покрывались небольшим слоем земли.

Таким образом, Мики утверждает, что для японских курганов раннего и среднего периода культуры Кофун характерно строительство небольшого кургана на плоской поверхности естественных холмов. По мнению исследователя, это было

связано с разным отношением к загробной жизни и её пониманием в древнем Китае и Ямато [289, с. 120–121], что может ставить под сомнение китайскую теорию происхождения кофун, так как в таком случае помимо самой традиции возведения курганов передавалась бы как цель их постройки, так и особенности строительства кофун и размещения погребальной камеры.

1960-е гг. стали временем активных исследований курганов сотрудниками лаборатории национальной истории гуманитарного факультета Университета Осаки, сосредоточившей в себе представителей осакской исторической школы изучения курганной культуры. Среди региональных исследований 1960-х гг. стоит отметить работу Фудзи Намото, Иноуэ Каору и Китано Кохэй «Исследования кофун в Кавати», которая представляет собой не просто отчёт об археологических раскопках, а полноценный научный труд. Данная публикация о раскопках, проведённых археологами из Осаки в начале 1960-х гг. [334], содержит подробное описание расположения, внешней формы, внутренней структуры и погребального инвентаря нескольких кофун, в том числе *Нукудани-китадзука-кофун*, *Тондабаяси-манай-кофун*, *Комагатани-мия-яма-кофун*. Курганы изучались в рамках проведения спасательных работ – территория, на которой находились кофун, была выбрана под застройку.

Авторы в первую очередь описывают как природные условия существования культурных памятников периода Кофун, так и обстановку в южном Кинай с точки зрения степени разработанности археологических исследований в данном регионе [334, с. 2, 9]. Основную часть работы составляет детальное исследование пяти крупнейших курганов в данном регионе по устоявшейся схеме: расположение и форма кофун, внутреннее устройство, локализация останков и погребального инвентаря и подробности относительно его состава. Работы подобного формата в 1960-е гг. стали публиковаться всё чаще, так как скорость проведения спасательных работ не позволяла в сжатые сроки проводить полноценные исследования. Фиксируя все основные условия существования памятников материальной культуры и ход их раскопок, учёные оставляли возможность возвращения к детальному

изучению артефактов спустя годы без потери их взаимосвязи с археологическим памятником.

В монографии также есть глава, озаглавленная «Размышления», в которой представлены дискуссионные вопросы, требующие внимания академического сообщества; в число таковых Фудзи, Иноуэ и Китано включили проблему внутренней структуры курганов с квадратными выступами (как *дзэнно:ко:энфун*, так и *дзэнно:ко:хо:фун*), значение появления одного из крупнейших скоплений курганов в Кавати – *Фуруити-кофун-гун* – и его связи с личностью императора Одзина, а также особенности деятельности *агатануси* в южном Кинай (по материалам курганов) [334, с. 186, 196, 201, 204]. *Агатануси* (буквальный перевод – «хозяин префектуры») – это один из титулов в системе *кабанэ*, носители которого по интерпретации исследователей были вождями небольших племенных союзов в III–IV вв. В связи с этим изучение курганов представителей *агатануси*, с точки зрения авторов монографии, было важно для понимания структуры управления в Ямато на ранних этапах его существования. Постановка дискуссионных вопросов в конце монографий является характерной особенностью японской историографии культуры Кофун рассматриваемого периода; разработка теорий требовала активного обсуждения возникающих в ходе исследования проблем, и через свои публикации учёные вели активный диалог друг с другом. Университет Осаки, таким образом, стал в это время одним из крупнейших центров изучения культуры Кофун в Центральной Японии.

После войны курганы привлекли внимание многих исследователей, сосредоточенных до этого на других археологических периодах либо истории стран Восточной Азии. Одним из таких учёных стал Сайто: Тадаси (1908–2013), выпускник Токийского императорского университета, который с 1940-х гг. специализировался на изучении корейской курганной культуры, а также участвовал в составлении общих японских исторических энциклопедий. Опубликованная в 1966 г. монография «Культура Кофун и древнее государство» [315] стала поворотным моментом в научной карьере Сайто:, так как с тех пор японские курганы стали основным объектом его исследований. Вопрос влияния курганной культуры на формирование и

развитие древнеяпонского государства был одним из наиболее актуальных в 1960-е гг. в условиях рассмотренного ранее изменения отношения к роли императорского рода в истории Японии.

Единая культура, по мнению Сайто:, была ключевым фактором формирования централизованного и единого государства на Японских островах в III–VII в. Важным для определения места Сайто: Тадаси в послевоенной историографии культуры Кофун является его подход к изучению поставленной проблемы: он последовательно рассматривает японское общество до и после становления Ямато сначала с точки зрения исторических источников, а затем – с позиций археологии [315, с. 1, 35, 47, 53]. Единство истории и археологии в данной монографии является крайне удачным примером того, как данные науки дополняют друг друга и в своём взаимодействии способствуют формированию нового знания. Несмотря на то, что большинство японских исследователей акцентируют внимание на возможности изучения истории раннего Ямато и культуры Кофун с обеих позиций, каждый из них принимает за основу только одну науку, в то время как Сайто: старается уравновесить вклад истории и археологии в исследование ранних этапов существования японского государства, что делает его работу целостной, а подход – комплексным. Например, расположение японского императорского двора и его перемещение в III–VII вв. обычно описывается с точки зрения анализа крупных скоплений квадратно-круглых кофун, однако Сайто: подкрепляет и подтверждает археологические данные историческими документами [315, с. 97, 101].

Харада Дайроку (1917–1985), начавший научную карьеру после окончания Второй мировой войны, непосредственным участником которой он являлся, был учеником одного из первых археологов префектуры Фукуока, Накаяма Хэйдзио (1871–1956). Харада – яркий представитель школы региональных исследований 1950–1960-х гг., основной сферой его научных интересов было развитие культуры Кофун на севере острова Кюсю (в преф. Фукуока) и выявление важнейшей роли этой местности не только в формировании курганной культуры, но и древнеяпонского государства в целом.

В своей работе «Японская культура Кофун: окружение вана страны На» [340], опубликованной в 1954 г., Харада представляет результаты тщательного исследования региональных особенностей развития культуры Кофун и роли острова Кюсю в передаче культуры с материка в Центральную Японию. Книга основана на материалах раскопок в городе Карацу (преф. Сага, север острова Кюсю), который территориально расположен именно в том месте, которое многие исследователи называют «мостом» между материком и Японским архипелагом. Анализируя данные археологических изысканий, Харада рассматривает центры производства каменных орудий на севере Кюсю, спрос и предложение на данные изделия, изменения в применении при изготовлении каменных изделий различных минералов в течение периода Кофун, например, доломита [340, с. 9, 16, 204]. Зачатки культуры Кофун, с точки зрения Харада, на Кюсю можно увидеть гораздо раньше, чем в Центральной Японии. Очевидно, что для Харада ключевым фактором в формировании культуры Кофун является Китай и его влияние на наиболее приближенные к матерiku территории Японии. Находки из Карацу, по мнению Харада, явно имеют материковое происхождение – как бронзовые зеркала, отражающие распространение китайской философской концепции Инь и Ян, так и бронзовые браслеты, украшения из меди в форме солнца (символизирующие в дальнейшем происхождение японского императорского рода от богини Солнца), стеклянные бусины и другие элементы погребального инвентаря [340, с. 63–78]. Таким образом, Харада относится к представителям китайской теории происхождения культуры Кофун, т.к. все находки из курганов он так или иначе сравнивает и сопоставляет с китайскими артефактами и традициями.

Не менее интересен рассмотренный Харада вопрос существования и локализации государства Яматай, занимающий умы учёных по сей день. Большинство исследователей склоняются к мысли, что территориально Яматай находился как раз на севере острова Кюсю – территории, так пристально изучаемой Харада с точки зрения развития культуры Кофун и японского государства. Харада достаточно неожиданно склоняется к мысли, что Яматай на самом деле был Ямато; он пишет о слабости теории, согласно которой Яматай локализовался на Северном Кюсю.

Сам вопрос о том, располагался Яматай в Кинки или на севере Кюсю, кажется Харада бессмысленным, если принимать во внимание социальную дифференциацию, постепенно развивавшуюся в японском обществе ещё с эпохи Яёй, а также тот факт, что, хоть Яёй и являлся предшествовавшей Кофун культурой, последняя явно сформировалась в результате завоевания Центральной Японии, а не Северного Кюсю [340, с. 238–240]. Культура Кофун, с его точки зрения, стала тем историческим фоном и той поддержкой, которые были необходимы для формирования государства на Японском архипелаге, а столь масштабного развития курганной культуры, как в Центральной Японии, более нигде не встретишь [340, с. 242]. Не обходит стороной Харада и мифическую императрицу Химику, упоминания о которой встречаются во многих источниках; её он рассматривает как человека, исполняющего жреческие функции в культе поклонения солнечному божеству [340, с. 251].

Первый послевоенный период в японской историографии культуры Кофун действительно связан с установкой ориентиров для проведения дальнейших исследований; Кобаяси Юкио, начавший дискуссии по многим ключевым вопросам изучения культуры Кофун, способствовал формированию новых направлений в японской историографии. Кобаяси Юкио, пожалуй, является ключевой фигурой данного периода и в целом всей историографии культуры Кофун второй половины XX в., так как его авторитет в научных кругах остаётся непоколебимым до сих пор, спустя десятилетия после его кончины. После окончания Второй мировой войны среди исследователей культуры Кофун можно заметить множество знакомых ранее имён – Умэхара Суэдзи, Гото: Сю:ити и другие учёные занимались изучением различных аспектов культуры Кофун в новых идеологических условиях.

В японской историографии культуры Кофун произошло заметное изменение: ведущие исследователи со второй половины 1940-х гг. публикуют свои материалы не в отдельных научных статьях, а в фундаментальных монографиях. Данный процесс наблюдается с начала 1940-х гг., однако в общую тенденцию вылился только в послевоенные десятилетия; публикация промежуточных результатов исследований в форме научных статей осталась характерной чертой начинающих исследова-

телей; например, Ооцука Хацусигэ в 1950–1960-е гг. активно публиковался в научных изданиях в небольших объёмах, затем перейдя к участию в коллективных монографиях и к самостоятельным масштабным работам.

Наиболее важным фактором, оказавшим ключевую роль в формировании исследований культуры Кофун в послевоенные десятилетия, стал существенный рост японской экономики после окончания американской оккупации страны. Освоение земель, расширение городов и транспортной сети поставило перед японским правительством и органами местного управления вопрос: является ли сохранение объектов культурного наследия более важным, чем способствование экономическому развитию страны? К сожалению, как видно по публикациям 1960-х гг., ответ на этот вопрос был не в пользу курганов, и многие кофун навсегда остались в прошлом; обязанность проведения спасательных работ, возможно, содействовала сохранению артефактов из курганов, однако облик японской земли с потерей кофун кардинально изменился.

3.2. Систематизация и обобщение знаний о культуре Кофун в работах японских исследователей в 1970–1990-х гг.

1965 – 1990-е гг. в периодизации исторических исследований культуры Кофун Сираиси Тайтиро: – период расцвета исследований. Условия развития японской археологии и истории сильно изменились с 1965 г., когда в результате движения за сохранение археологических памятников масштабные раскопки курганов ещё более активизировались; на месте обследованных кофун обустроивалась инфраструктура, либо они должны были быть отреставрированы и сохраняться в качестве объектов культурного наследия. Это породило тщательное исследование накопленных за многие годы материалов. В результате стали всплывать всё новые факты, в том числе не вписывающиеся в принятые рамки. Это неизбежно привело как к увеличению археологических раскопок, так и к увеличению числа археологов. Отчёты и диссертации по археологии быстро набирали обороты.

Количество производимых археологических исследований возросло и за счёт дальнейшего увеличения объёмов строительства, в одной связке с которым шли спасательные работы. Одним из источников, позволяющих судить о размахе археологических исследований, служат отчёты о раскопках, публиковавшиеся с завидной популярностью; многие отчёты теперь сопровождались не только чёрно-белыми схемами, но и полноценными альбомами фотографий курганов, их внутреннего строения и погребального инвентаря. Раскопки 1970–1990-х гг. характеризуются широчайшим географическим охватом и большими трудозатратами [27, с. 2–5], [28, с. 6–7], [29, с. 1], [31, с. 15], [33, с. 2]. На протяжении 1970–1990-х гг. наблюдается постоянное увеличение финансирования спасательных работ, которое достигло своего пика в 1996 г. [217, с. 14], когда вовсю шёл процесс «сдувания» японского финансового пузыря. Экономическое состояние страны к концу 1990-х гг. уже не позволяло прежних затрат на спасательные работы, объёмы которых сократились и сами по себе вследствие уменьшения темпов строительства.

Особенно подробно данный период в японской исторической науке и его особенности описаны в работе Вада Ацуму (род. 1944) «*Кофун-но дзидай*», опубликованной в 1992 г. [231]. Вада – почётный профессор Педагогического Университета Киото, занимающийся археологическими изысканиями ещё со времён учёбы в аспирантуре, представитель киотской школы исследования кофун. В предисловии к своей работе, в которой учёный сумел обобщить огромное количество данных о японской курганной культуре, он пишет о «лихорадке *Такамацу-дзука*» – показательном и очень интересном явлении в японском обществе 1970-х гг. После того, как во время исследования кургана *Такамацу-дзука-кофун* (Асука, преф. Нара) в 1973 г. были обнаружены красочные фрески, это открытие получило широчайшее освещение в СМИ по всей Японии: ежедневно публиковались новые материалы, первые полосы пестрили сообщениями об этой удивительной находке, заметки сопровождались очень чёткими цветными фотографиями настенных росписей данного кургана. Именно эту волну небывалого интереса к своей истории и назвали «лихорадкой». Однако наиболее любопытным было то, что этот всплеск интереса породил цепную реакцию, и в течение последующих двадцати лет в Японии резко

увеличилось количество любителей археологии и древней истории, многие молодые люди выбрали данные направления в качестве будущей профессии, а во всех городах в крупных книжных магазинах появились целые уголки, на которых читатели могли найти множество работ, посвящённых археологии и истории древней Японии [231, с. 14, 16–17].

Описанные Вада явления отлично сочетаются с общим подъёмом японской исторической науки в данный период; таким образом, в 1970–1990-е гг. в Японии создались необычайно благоприятные условия для исследования древней истории, так как в этом были заинтересованы как учёные, так и общество, а также отсутствовало идеологическое давление и были финансовые возможности для осуществления задуманных проектов. В этот период активно работают такие исследователи, как Кондо Ёсиро: («Эпоха квадратно-круглых курганов», «Введение в японские археологические исследования», «Курганы в форме «замочной скважины»», «Устройство квадратно-круглых кофун» и др.), Каваниси Хироюки («Введение в политическую историю периода Кофун», «Сравнительная археология периода Кофун: в поисках будущего образа японской археологии»), Ивасаки Такуя («Знания о периоде Кофун», «Эпоха курганов»), Цудэ Хироси («Изучение региональных особенностей погребальных камер», «Квадратно-круглые курганы и общество», «Очарование периода Кофун»). К началу 1990-х гг. японской археологии и истории удалось уточнить основные черты культуры Кофун. В будущем, по мнению Сираиси Таитиро:, большой проблемой будет то, как наилучшим образом использовать накопленные материалы для обогащения исторического образа эпохи Кофун. Важным вопросом остается место истории древней Японии в общеяпонском историческом процессе вследствие его послевоенного переосмысления [252, с. 156–157]. Как видно из исследования Сираиси, проблемы историографии эпохи Кофун поднимались такими исследователями, как Го:то Сюити, Кобаяси Юкио, Ивасаки Такуя и др.

Если возвращаться к исследованию, проведённому Вада Ацуму, стоит отметить, что его работа является показательной для рассматриваемого периода, т.к. в

ней он постарался обобщить всё, что японская наука смогла извлечь из проведённых в 1970–1980-е гг. изысканий. В первую очередь Вада обращается к проблеме возникновения феномена гигантских курганов в Японии, изучая начало строительства императорских гробниц, духовную функцию первых правителей Ямато (и Яматай) на примере *Ямато-тото-момосо-химэ* и Химико, а также историю исследования императорских гробниц в период Кинсэй (включающий в себя эпохи Адзуты-Момояма и Эдо, т.е. с 1568 по 1868 гг.) [231, с. 24, 28, 30]. На примере нескольких конкретных кофун Вада рассматривает вопросы, связанные с применением каменной кладки и рвов во внешнем оформлении курганов, реставрацией и сохранением внешнего облика кофун, а также масштабами строительства курганов в Японии и особенностями процесса строительства *дзэнно:ко:энфун*. Последняя проблема изучена Вада как с точки зрения объёмов земли, использованной при создании крупнейших кофун, так и трудозатрат; проведено сравнение древних и современных технологий и методов строительства. Вада предоставляет читателю даже алгоритм постройки квадратно-круглых курганов, что является результатом многолетних исследований в данной области [231, с. 37, 40–42, 49, 51].

В главе «Типология кофун и их устройство» отражены общие представления японской исторической науки по данному вопросу. Вада характеризует кофун как могильный холм, выполненный из земли и нагромождённых на неё камней, во внешнем оформлении которого может использоваться каменная кладка *фукииси*, рвы (наполненные водой либо пустые), ряды *ханива*. Кратко охарактеризованы основные типы погребальных камер – *татэанасики-исимуро* (вертикальная) и *ёкоанасики-исимуро* (горизонтальная) [231, с. 54–55]. Вада приводит также типологию каменных саркофагов, выделяя четыре основных формы, характерных для данных находок: *варитакэ-гата* (длинный и вытянутый саркофаг в форме расщеплённого бамбука), *нагамоти-гата* (сложный комбинированный саркофаг из шести каменных плит различной длины), *изэ-гата* (в форме дома, крышка гроба имеет форму крыши, сам саркофаг коробчатого типа) и *фунэ-гата* (в форме лодки, генетически более связанный с *варитакэ-гата* и наравне с ним встречающийся в основном в ранний период культуры Кофун) [231, с. 55].

Вопрос периодизации Вада решает достаточно просто, выделяя наравне с большинством авторов три основных этапа развития культуры Кофун – начальный, средний и поздний. Однако датировка каждого из данных этапов отличается от устоявшегося взгляда на периодизацию, т.к. Вада вообще не захватывает в своей периодизации III в., а на каждый из трёх периодов отводит только по одному столетию – начальный этап соотнесён с IV в., средний – с V в., а поздний – с VI в. Относительно включения в периодизацию эпохи Кофун VII–VIII вв. Вада придерживается мнения, что если эти века и можно отнести к курганному периоду, то только как его окончание, не имеющее ключевого значения при изучении культуры Кофун [231, с. 56–57]. Типология кофун у Вада включает в себя восемь основных форм, встречающихся на Японском архипелаге: *энфун*, *хо:фун*, *дзэнпо:ко:энфун*, *дзэнпо:ко:хо:фун*, *дзё:энкахо:фун*, *со:хо:тю:энфун*, *хотатэгаикэи-кофун*, *ёсумитоссюцугата-кофун* [231, с. 58]. Таким образом, шести- и восьмиугольные курганы (*хаккакуфун* и *роккакуфун*), а также такие формы, как *со:хо:тю:хо:фун* и *дзё:энфун* в типологии Вада не упоминаются, что, впрочем, не является существенным недостатком его подхода, т.к. перечисленные формы встречаются на Японском архипелаге чуть ли не в единичном экземпляре и не играют существенной роли при формировании общего представления о культуре Кофун.

Продолжаются исследования связи курганов с выступами – квадратно-квадратных и квадратно-круглых – в работах Моги Масахиро (род. 1941), сопоставлявшего различные элементы *дзэнпо:ко:хо:фун* и *дзэнпо:ко:энфун* [258, с. 26]. Моги является представителем токийской школы изучения культуры Кофун, будучи выпускником Университета Кокугакуин, где он затем получил докторскую степень. Моги Масахиро за свою жизнь успел поработать как в Токио, так и в Нара и Ибараки, благодаря чему имеет большой опыт работы с курганами Западной и Восточной Японии. В коллективной монографии «Новый взгляд на культуру Кофун» Моги совместно с Мацуо Масахико, Камохара Хироюки и другими учёными предпринял попытку пересмотреть устоявшиеся взгляды, сформировав новые направления исследований культуры Кофун в Японии. Работа была основана на результатах археологических раскопок 1970-х гг.; обнаруженные во время них артефакты и

особенности захоронений было сложно объяснить с учётом имевшегося на тот момент теоретического аппарата [291, с. 3, 20, 25, 99].

Десятилетием позже Моги опубликовал ещё одну работу, которую стоит упомянуть – «Исследование мавзолеев эпохи Кофун» [290]. В данной монографии Моги сосредоточил внимание на комплексном и всестороннем изучении *дзэнно:ко:энфун*, включая их происхождение, региональные особенности, время расцвета и затухания традиции их возведения. Важным в монографии была попытка осмысления истории датировки курганов, которая напрямую связана с представлениями об истории японской императорской власти; Моги проводит параллель в методах датировки с китайскими курганами, создавая принципиально новый взгляд на данный вопрос [290, с. 1, 14, 39].

В 1970–1990-е гг. публикуются альбомы качественных фотографий, отражающих те или иные особенности культуры Кофун. Например, в 1977 г. была опубликована коллекция японского фотографа Сакаки Тэрухиро, посвящённая декорированным курганам острова Кюсю [317]. Большое внимание к деталям внутреннего оформления – рельефам, фрескам, росписи стен – характерно именно для южных курганов. Декоративные решения и методы оформления кофун стали объектом исследования и для Кунуги Кунио; в работе «Оформление кофун» он затрагивал как настенные росписи, так и рельефные изображения в кофун, и особенности выбора методов оформления в зависимости от формы кургана и времени его постройки [279, с. 14, 60]. Сайто: Тадаси в монографии «Генеалогия росписи курганов» [316] предпринял попытку проследить происхождение узоров и декоративных элементов, использовавшихся во внутреннем оформлении кофун, а также распространение традиции росписи на Японском архипелаге, а Сигэфудзи Тэруюки и Ниси Кэнъитиро: в статье «Погребальные сооружения периода Кофун: региональная специфика и иерархия Северного Кюсю» продолжили дальнейшую разработку данной тематики [156, с. 100–102].

Региональные исследования проводятся не только в высших учебных заведениях и научных учреждениях, но и на базе исторических музеев. Например, по результатам подготовки выставки, посвящённой культуре Кофун в регионе То:хоку,

в 1977 г. Исторический музей То:хоку (г. Тагадзё, преф. Мияги) опубликовал небольшую работу «Курганы Тохоку» [280], в которой сотрудники музея предприняли попытку выявления региональных характеристик развития культуры Кофун в северной части острова Хонсю. «Курганы Тохоку» – это не просто описание выставки, а полноценный научный труд, в котором рассмотрены такие проблемы региональной специфики курганной культуры, как кофун с квадратным рвом, особенности распространения бронзовых зеркал в погребальном инвентаре северных захоронений, эволюция сопроводительного инвентаря в течение периода Кофун в То:хоку, оформление курганов на севере острова Хонсю, распространённость *ханива* в северных кофун и многое другое [280, с. 6, 10, 16, 18, 22]. Такие региональные исследования важны для понимания не только местной специфики курганной культуры, но и восприятия культурного достояния японским народом в целом; каждая префектура или регион в Японии гордятся своими особыми культурными достижениями, и поиск этой уникальности в далёкой древности – одно из набравших большую популярность с рассматриваемый период направлений.

Кобаяси Юкио в 1970-е гг. продолжает свои научные исследования, хотя стоит признать, что большая часть его публикаций, ставших классическими работами по культуре Кофун, была опубликована в первые послевоенные десятилетия. В 1974 г. вышла в свет работа Кобаяси «Ханива», сопровождавшаяся большим количеством качественных иллюстраций [276], а спустя два года – «Монография по культуре Кофун» [272]. Работа «Ханива» помимо иллюстраций примечательна широтой рассматриваемых проблем: от художественной ценности *ханива*, форм и стиля их изготовления до обычаев, связанных с установкой глиняных фигурок вокруг курганов, и изменениях в восприятии роли *ханива* в течение периода Кофун [276, с. 85, 89, 101, 107, 117, 122]. «Монография по культуре Кофун» является одной из последних крупных работ Кобаяси Юкио; именно в ней учёный подводит основные итоги своего научного пути, объединив в одной монографии размышления о формировании и распространении культуры Кофун, «золотом веке» курганной эпохи, типологии погребального инвентаря и его характерных чертах, типах саркофагов и т.д. [272, с. 3, 41, 93, 203, 379, 601]. Данная работа является главным

наследием Кобаяси для будущих поколений исследователей; она демонстрирует, насколько широким был диапазон научных интересов Кобаяси, и какой след он оставил в японской историографии культуры Кофун.

Другие исследователи также продолжают изучать различные аспекты культуры Кофун; например, Мори Ко:ити в 1970–1990-е гг. от общих работ по японской курганной культуре переходит к проведению региональных исследований и редакторской работе. Под его руководством публикуются результаты симпозиумов учёных, которые стали важнейшей площадкой для обсуждения дискуссионных проблем древнеяпонской истории уже с 1960-х гг. [293, с. 6]. Опубликованная в 1973 г. «Антология позднего периода Кофун» [299], над которой помимо Мори Ко:ити работали также Исино Хиронобу, Сираиси Таитиро:, Танака Сигэхиса, Вада Ацуму и другие специалисты по культуре Кофун, стала первым собранием отдельных работ по проблемам развития культуры Кофун в VI–VII вв. Данная работа необычна своим форматом, нашедшим отражение в названии – в работе нет чётко выраженной сюжетной линии в том смысле, который может быть применим к научным трудам; главы, подготовленные отдельно каждым автором, не связаны друг с другом и освещают достаточно широкий круг вопросов – от региональных особенностей поздних курганов в различных частях Японии до пересмотра смысла вышедшего в VIII в. указа о запрете строительства крупных курганов в Японии [299, с. 9, 107, 175]. С тех пор подобные антологии стали одной из форм публикации научных трудов, характерной для японской историографии вплоть до настоящего времени.

В 1981 г. под редакцией Мори публикуется второй том «*Танбо: нихон-но кофун*» [244], в котором рассматривается процесс развития культуры Кофун на западе Японского архипелага. В данной работе для рассмотрения региона в целом коллектив авторов выбрал один-два кургана в каждой из современных префектур (которые в целом территориально сопоставимы с древним делением страны), относящихся к периферии государства Ямато, и по несколько кофун либо их скоплений в префектурах Нара и Осака – центрах развития культуры Кофун. Сам Мори не только редактировал данную монографию, но и подготовил три параграфа о культуре префектур Киото и Осака.

Мори в своём исследовании кофун и их скоплений предпочитает использовать не только археологические данные, но и письменные источники – «Кодзики», «Нихон сёки» и «Энгисики» («Внутриведомственные инструкции городов Энги»). По его мнению, к изучению курганных скоплений и, соответственно, региональных особенностей развития культуры Кофун, следует подходить с большой осторожностью; древнеяпонские письменные источники, а также записи и оценки исследователей, зафиксированные с периода Эдо, являются важным фундаментом, на котором строятся исследования методами археологии. В случае отсутствия письменных свидетельств учёный может полагаться только на археологические данные, и здесь встаёт проблема различной интерпретации находок [244, с. 276]. В то же время Мори считает, что именно археологические раскопки являются действительно важным научным методом при изучении культуры Кофун, т.к. их результаты фактически подтверждают научные гипотезы и предположения [295, с. 1].

Рассматривая региональные особенности культуры Кофун на западе Японии, Мори описывает скопление курганов *Модзу-кофун-гун*, которое действительно является лицом данной археологической эпохи. Курганы Модзу-Фуруити занимают столь значимое место в культуре Кофун, что в 2019 г. они были включены в список культурного наследия ЮНЕСКО [348]. Изучая данное скопление в контексте общих западно-японских тенденций развития культуры Кофун, Мори описывает расположение курганов скопления Модзу-Фуруити на местности и относительно друг друга, структуру *кофун-гун*. Мори обращает внимание читателя на то, что неправильно рассматривать структуру скопления курганов (по форме и размеру) с точки зрения их сохранности на сегодняшний день, так как изначально их облик, преобразившийся множество столетий, был совершенно другим [244, с. 78].

В качестве наивысшей точки расцвета культуры Кофун Мори рассматривает курган *Дайсэн-кофун*, который со времён Мэйдзи считается местом упокоения императора Нинтоку. Мори проводит очень важное сравнение *Дайсэн-кофун* ещё с одним курганом из скопления *Модзу-Фуруити* – *Кондагобё:яма-кофун*, в котором предположительно похоронен император Одзин. Дело в том, что курган императора Нинтоку во всей научной и научно-популярной литературе называют самым

большим курганом Японии. Например, рассматривая курган императора Одзина, Сангава Акира, японский археолог, изучающий землетрясения и их влияние на сохранение культурного наследия, называет *Кондаяма-кофун* вторым по величине после *Дайсэн-кофун* [151, с. 15]. Мори же доказывает, что по таким параметрам, как диаметр круглой части, а также высота (как круглой, так и квадратной частей кофун), общая площадь поверхности кургана и его объём в кубических метрах кофун императора Одзин превосходит захоронение императора Нинтоку, причём по объёму в десятки раз. По сути, *Дайсэн-кофун* считается крупнейшим только на основании большего размера в длину [244, с. 281].

В «*Танбо: нихон-но кофун*» Мори также описывает курган *Идзумиганэдзука-кофун* (преф. Осака). На данном примере легче проследить методологию исследования Мори отдельного кургана: сначала он описывает окружающую обстановку, размещение кургана относительно моря и сторон света, особенности ландшафта, затем кратко описывает процесс изучения данного кургана археологами, а также характерные черты курганной насыпи, структуру и размещение внутреннего погребального сооружения. В данном кургане три деревянных гроба, покрытые слоем глины, были размещены по отдельности в восточной, центральной и западной части кургана. В погребальном инвентаре особое место занимают лазурные украшения и изделия из талька и стекла: *магатама*, восьмигранные и продолговатые бусины, которые Мори считает скорее не украшениями, а оберегами, которые были необходимы для защиты покойного от злых духов [244, с. 327, 329, 331, 332].

Таким образом, обилие разнообразных бусин в погребальном инвентаре относится к одной из региональных особенностей культуры Кофун, характерной для курганов префектуры Осака и близлежащих территорий. Данный пример иллюстрирует, каким образом Мори, основываясь на анализе всего нескольких курганов, формирует общее представление о развитии курганной культуры на определённой территории в рамках своего подхода. Впрочем, как и все японские исследователи, Мори очень осторожно относится к своим выводам; в предисловии к трехтомнику «*Кофун дзидай*», в котором Мори рассуждает о раскопках кофун и сложности их сохранения, исследователь писал, что, несмотря на своё непосредственное участие

в раскопках *Идзумиганэдзука-кофун*, у него остаются сомнения по части интерпретации находок, в том числе деревянных гробов и погребального инвентаря [295, с. 2]. Эта осторожность и неокончателность выводов являются ещё одной особенностью японской историографии культуры Кофун; исследователи чётко описывают факты, но весьма осторожно – их оценку.

Важное место в научном наследии Мори занимает трёхтомник «*Кофун дзидай*» («Эпоха Кофун») [296], [297], [298], опубликованный в токийском издательстве *Сякайсисо:ся* в 1984 г. Для данной работы характерен акцент на региональное развитие культуры Кофун, так как в каждом из трёх томов Мори рассматривает один из регионов, на территории которых развивалась культура Кофун – Восточная и Западная Япония, а также регион Кинки, особенно важный для понимания генезиса курганной культуры в Японии. В дальнейшем при подготовке 13-томника «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» японские археологи и историки сойдутся во мнении, что рассмотрение культуры как процесса, неодинаково проходившего на Западе и Востоке Японии, имеет ключевое значение. Мори при этом не рассматривает регионы в полной мере: для того, чтобы показать читателю особенности развития культуры Кофун на данных территориях, исследователь изучает отдельно взятые курганы, а не совокупности или скопления кофун.

Среди коллективных монографий под общей редакцией Мори Ко:ити стоит также назвать «Век курганов в форме замочной скважины»; в данной работе вклад Мори как автора также весьма весомый – он подготовил главы о значении термина «кофун», условиях развития производительных сил, при которых стало возможным появление гигантских квадратно-круглых кофун, основных правилах исследования императорских курганов, формировании курганной культуры Ямато, связи *дзэнно:ко:энфун* с курганами Кореи и Китая, значении курганов в форме «замочной скважины» для культуры Кофун в целом [292, с. 9, 35, 189, 225, 275, 375]. В 1994 г. Мори опубликовал монографию «Археология и Древняя Япония», в которой вновь исследуется региональная специфика культуры Кофун. Для рассмотрения данной проблемы Мори в первую очередь формирует историческую канву, на которую

впоследствии будут накладываться факты и их интерпретация: в первой главе учёный изучает эпоху Ямато как период появления японского государства в роли самостоятельного актора на международной арене. Международные отношения в Восточной Азии и степень культурного обмена Мори оценивает посредством анализа таких артефактов с раскопок кофун, как золотые печати и бронзовые зеркала, явно имеющие материковое происхождение [295, с. 29, 61–70, 87].

Свою точку зрения на региональную культуру Ямато Мори в данной монографии выражает, анализируя сознание жителей древней Японии в разных регионах и данные археологической разведки в различных частях Японского архипелага. Мори также останавливается на проблеме самоидентификации японского населения на юге и севере Ямато в условиях повседневной жизни и столкновения с материковыми государствами [295, с. 131, 151, 173–175]. Вопрос о культурном обмене как между Ямато и материком, так и между отдельными частями раннего японского государства плавно подводит Мори к культуре Кофун, её становлению и развитию. Мори не воспринимает курганы как нечто, имеющее только материковое происхождение. Анализ культур Дзёмон и Яёй позволяет ему сделать вывод, что предыстория строительства курганов в Японии имеет глубокие корни на самом архипелаге [295, с. 387–391].

Эпохе Кофун и императорским гробницам в рассматриваемой монографии отведена только одна глава, в которой Мори рассматривает проблемы становления культуры Кофун, места квадратно-круглых курганов в данной культуре и их уникального происхождения, основных тенденций развития курганной культуры и причин её упадка [295, с. 475–478, 551–552, 601]. В заключении Мори проводит параллели между особенностями развития культуры Кофун и курганными культурами Азии [295, с. 625]. На основании данной работы можно сделать вывод, что для Мори возникновение культуры Кофун было непростым процессом, протекавшим в условиях как внешнего культурного воздействия, так и трансформации тех местных традиций, которые зародились на Японских островах в период Дзёмон и приблизились к курганной культуре в эпоху Яёй. Региональные тенденции в рас-

смаатриваемой монографии – не отдельный объект изучения, а одна из граней процесса формирования и развития культуры Кофун, в связи с чем здесь Мори не уделял внимание описанию отдельных курганов.

Традиции Университета Досися (преф. Киото) и киотской школы исследований культуры Кофун в 1980–1990-е гг. продолжал Сираиси Таитиро: (род. 1938). Упомянутая ранее система хронологии историографии культуры Кофун, созданная Сираиси в 1990-е гг., не теряет своей актуальности. Во втором томе опубликованного в 1990 г. шеститомника «Проблемы японской истории» Сираиси выступал не только в роли научного редактора, но также автора предисловия и нескольких частей данной работы, в том числе о местонахождении Яматай (одного из предполагаемых племенных союзов в ранней Японии, который мог оказать влияние на формирование культуры Кофун) [310, с. 14, 21].

Сираиси Таитиро: создал первую общую таблицу крупнейших курганов (длиной от 200 м.) на территории Японии, в которой содержалась информация об их названии, местоположении (в рамках современных префектур), времени постройки и длине. Данная таблица была доработана Вада Ацуму в начале 1990-х гг.: были внесены корректировки в названия кофун, а также в их размеры и датировки. Кроме того, Вада дополнил таблицу Сираиси примечаниями о современном состоянии крупнейших курганов [231, с. 33]. Данные этой таблицы позволяют сделать важные выводы: крупнейшие курганы (длиной более 400 м.) локализованы в преф. Осака, однако 53% курганов с длиной более 200 м. сосредоточены на территории современной преф. Нара. Только 19% крупнейших кофун достигают в длину более чем 300 м., остальные 81% имеют длину от 200 до 300 м. 61% крупнейших кофун датированы средним периодом курганной культуры на Японских островах. В конце 1990-х гг. вышла коллективная монография «Археология эпохи Кофун» [320], в которой Сираиси выступил редактором; монография была результатом дискуссий и обсуждений на японской археологическом симпозиуме, поэтому статус главного редактора данного сборника свидетельствует о том, что в японской исторической науке к началу 2000-х гг. Сираиси занимает ведущую позицию.

Мидзуно Масаёси (1934–2015) – японский археолог и историк, занимавшийся в 1970–1990-е гг. изучением культуры Кофун. Как и многие японские археологи, своей будущей профессией Мидзуно увлёкся ещё в молодости, подрабатывая на археологических раскопках и занимаясь самообразованием. Многолетние труды принесли значительные плоды: Мидзуно стал почётным профессором Университета Нара, а также директором Научно-исследовательского института культурных ценностей Гангодзи (преф. Нара). Мидзуно является одним из важнейших представителей школы исследований культуры Кофун в Нара. Его научная карьера отмечена рядом широко известных в японской исторической науке работ как в целом по культуре Кофун и особенностям археологических работ при раскопках курганов, так и по вопросам японского примитивного искусства (в особенности *ханива*), местоположения и существования государства Яматай и многим другим.

В сборнике «Захоронения императоров: общий обзор» [287], увидевшем свет в 1994 г., Мидзуно постарался обобщить современные представления об усыпальницах японских императоров III–VII вв. В данной работе Мидзуно выступал прежде всего как редактор, однако он не только написал предисловие, в котором изложил актуальные для середины 1990-х гг. проблемы сохранения императорских усыпальниц в Японии, их значения в жизни японского народа и отсутствия точных данных о личности захороненных в курганах людей. «Захоронения императоров: общий обзор» сложно отнести к региональным исследованиям культуры Кофун, т.к. цель авторов была вовсе не в том, чтобы понять на примере императорских курганов специфику строительства кофун в Центральной Японии. Однако подход к изложению информации здесь явно пересекается с направлением региональных исследований, к которому принадлежит Мори Ко:ити. Рассмотрение каждого приписываемого Управлением императорского двора к числу императорских кургана позволяет проследить эволюцию кофун наиболее элитной формы (*дзэнно:ко:эн-фун*) и основные тенденции развития культуры Кофун, так как при формировании образа курганной культуры именно императорские захоронения имеют ключевую роль. Помимо Мидзуно статьи в сборнике, посвящённые императорским кофун, были подготовлены такими специалистами по культуре Кофун, как Уэно Косо,

Накадзима Кадзухико, Ооми Тосихидэ, Ямамото Акира, Мидзуно Тасуку, Ясумото Битэн и др.

В 1990-е гг. заметна возросла публикационная активность ещё одного исследователя, относящегося к осакской школе исследований культуры Кофун – Исино Хиронобу (род. 1933), японского археолога, принимавшего активное участие в раскопках расположенного у северо-западного подножия горы Мива в городе Сакураи (преф. Нара) древнего поселения – *Макимуку-исэки* [61, с. 97]. Исино – выпускник Университета Кансай, крупнейшего высшего учебного заведения Осаки. Помимо монографий на японском языке Исино также публиковал переводы части своих работ в англоязычных журналах [98], в связи с чем с его работами смог познакомиться широкий круг археологов, историков и антропологов. Вклад Исино Хиронобу в изучение культуры Кофун является весьма внушительным; имея за плечами многолетний опыт археологических исследований, именно Исино стал тем исследователем, который систематизировал информацию о таких аспектах культуры Кофун, как внутреннее и внешнее устройство курганов, *ханива* и погребальный инвентарь, в 13-томном сборнике «Исследования периода Кофун». Кроме того, в 1990 г. он опубликовал монографию, посвящённую эпохе Кофун в целом, хотя при рассмотрении разных сфер жизни общества Исино в данной работе явно отдаёт предпочтение культурной (духовной). В первую очередь исследователь знакомит читателя с проблемой хронологии ранней японской истории и обзором хронологических систем, сложившихся в японской историографии [248, с. 3–4], а также с относительной хронологией и летоисчислением в III–VII вв. [248, с. 6].

Основную часть исследования Исино начинает собственно с курганов и их появления, лишней раз подтверждая тезис о том, что духовная сфера жизни для него была особенно важна при изучении истории Ямато. Последовательно Исино Хиронобу обращается к возникновению курганной культуры на Японском архипелаге, характеристике территорий, на которых произошёл генезис культуры Кофун, расширению строительства крупных курганов с круглой передней частью и значению небольших кофун [248, с. 10, 14, 17–18], повсеместно распространённых на территориях, подвластных Ямато. Завершением главы о курганах служит параграф

практического характера, речь в котором идёт об исследовании кургана *Ко:бо:яма* в префектуре Нагано [248, с. 25]. Таким образом, Исино не только описывает общие тенденции, но и приводит конкретный пример, тем самым комбинируя два противоположных подхода к изучению культуры Кофун в японской историографии, что выгодно выделяет его работу и позволяет сделать вывод о том, что Исино действительно является достойным представителем периода систематизации знаний о культуре Кофун. Изучая ритуалы и обряды периода Кофун, Исино Хиронобу пришел к выводу, что становление ритуала захоронений в курганах произошло в период правления императрицы Химико в III в., когда в районе города Сакураи были воздвигнуты первые кофун в форме «замочной скважины» (*дзэнпо:ко:энфун*). Исино даже установил временные рамки для этого процесса – со 190 по 248 г. н.э.

Исино занимался решением принципиально важного для понимания исторического процесса на Японских островах вопроса – как и в связи с чем был произведен переход от культуры Яёй к культуре Кофун, какие события и причины предшествовали этому изменению? В качестве возможного ответа на неприятие обитателями Японского архипелага во II–III вв. бронзовых изделий культуры Яёй и божеств данной культуры Исино приводит почерпнутые в письменных источниках (китайских хрониках) сведения о голоде и похолодании климата. Не видя отклика на свои молитвы от божеств Яёй, японский народ отверг их и вместе с ними все те бронзовые ритуальные предметы, которые были распространены в период Яёй, в том числе колокола *до:таку*. Императрица Химико стала искать альтернативные варианты для поклонения. Одновременно она поддерживала отношения с китайским государством Вэй в качестве правительницы народа Ва (как называют японцев в китайских династических хрониках). Из Вэй Химико получила в качестве дара бронзовые зеркала, которые быстро вытеснили изделия из бронзы культуры Яёй и стали неотъемлемой частью погребального инвентаря в японских курганах [98, с. 191–192]. К числу значимых работ Исино, опубликованных в 1990-е гг., относятся также «Общепонская хронология кофун» [250] и «Появление курганов в форме «замочной скважины»» [251]. Таким образом, Исино был столь же разносторонним учёным, как и Кобаяси Юкио; Исино обращался ко многим актуальным

проблемам исследований культуры Кофун и внёс ценный вклад в историографию данного вопроса.

Рассматриваемый период стал временем раскрытия потенциала многих японских исследователей, но были, разумеется, и те, для которых в этот период научный путь подходил к концу. В этом плане стоит упомянуть Одзаки Кисао (1904–1978), выпускника Токийского императорского университета, одного из основоположников археологических исследований в преф. Гумма. Одзаки особенно известен в научной среде тем, что именно он предложил использовать метод анализа отложенный вулканического пепла для точной датировки курганов. В период расцвета исследований культуры Кофун Одзаки опубликовал работу «*Кофун-но ханаси*» («Беседа о кофун») [303], что явно перекликается с одноимённой работой Кобаяси Юкио, увидевшей свет десятилетием ранее. В отличие от Кобаяси, в книге Одзаки беседа о курганах принимает форму монолога, а не диалога.

В первую очередь Одзаки старается обозначить степень разработанности вопроса, начиная с главы «Фактическое положение вещей в вопросе исследований курганов в нашей стране» [303, с. 7]. Одной из существенных проблем, имевших место в японской археологии начала 1970-х гг., Одзаки считал недостаток сведений о количестве кофун на Японских островах, объясняя это тем, что внимание учёных обычно приковано к таким уникальным захоронениям, как гигантская усыпальница императора Нинтоку, а десятки тысяч маленьких кофун по всей стране, от Кагосимы до Иватэ, остаются неисследованными или же вовсе исчезают с лица земли [303, с. 10–11]. Следует отметить, что данная проблема не нашла решения, т.к. никому так и не удалось подсчитать, сколько курганов было возведено за период III–VII вв. Помимо проблемы количества кофун Одзаки останавливается на взаимодействии мировой культуры и культуры Кофун, а также на связи курганов и древней истории Японии [303, с. 15, 18]. Происхождение курганной культуры в Японии, что прослеживается во всей работе, для Одзаки однозначно связано с материковым влиянием [303, с. 27].

Значительная часть книги посвящена региональным аспектам – своеобразию развития культуры Кофун на территории преф. Гумма и влиянию местного клана

Камшиукэно-удзи, его деятельности и взаимоотношений с мигрантами с материка на строительство курганов на данной территории [303, с. 93, 166]. Одзаки, таким образом, подводит данной работой некие итоги своего собственного научного пути (в книге повествование как правило ведётся от первого лица, а не в отвлеченной манере, присущей научному стилю), а не призывает читателя к началу дискуссии по различным проблемам культуры Кофун, как Кобаяси Юкио.

В 1980-е гг. изучение культуры Кофун приобретает всё более междисциплинарный характер. Например, археолог Сангава Акира (род. 1947), специализирующийся на изучении землетрясений, произошедших в древности, начал изучение курганов с точки зрения их смещения после постройки под влиянием сейсмических событий. По образованию Сангава является геологом, в связи с чем его исследования направлены зачастую в русло естественных, а не гуманитарных наук, что, впрочем, не делает его работы менее значимой частью японской историографии культуры Кофун. В статье «Смещение курганов *Кондаяма*, вызванное землетрясением» Сангава рассматривает изменения, произошедшие из-за землетрясений с одним из крупнейших курганов в форме «замочной скважины» – *Кондаяма-кофун* (преф. Осака). Устойчивость курганов и степень их сохранности Сангава объясняет особенностями рельефа, его состава и истории формирования. Сангава исследует поверхности холмов, на которых возводились кофун, выявляя следы как человеческой деятельности, так и природных факторов [151, с. 17–18].

Исследования Сангава стали началом целого направления в изучении культуры Кофун, так как проблемы сохранности курганов и соизмерения изначальной формы и размеров с нынешними являются одними из наиболее часто затрагиваемых в японской исторической науке. Внешний анализ курганов без учёта произошедших за многие века землетрясений и других природных воздействий в любом случае нельзя назвать полноценным и достоверным. Амакасу Кэн в 1985 г. опубликовал статью «Техническая история курганов в форме «замочной скважины» с учётом отправной точки строительства гражданских сооружений», в которой постройка *дзэнно:ко:энфун* рассматривается с точки зрения инженерных наук [117, с.

2]; подобный подход позволяет исследователям по-новому взглянуть на привычные формы курганов и их внутреннее устройство, т.к. самому процессу строительства в исторических исследованиях, как правило, уделяется крайне мало внимания.

В середине 1970-х гг. в рамках серии научных монографий «Раскопки древней истории» было опубликовано три коллективные работы по культуре Кофун. Три тома были посвящены следующим темам: взаимосвязь курганов и возникновения древнеяпонского государства [312], *ханива* и каменные изделия культуры Кофун [313], декорирование курганов [314]. Несмотря на то, что в рамках данных работ не были затронуты многие аспекты культуры Кофун, серия «Раскопки древней истории» стала важным шагом на пути формирования фундаментального труда, который охватывал бы все стороны жизни японского общества в III–VII вв. в их взаимосвязи с курганной культурой.

Спустя почти пятнадцать лет японским учёным удалось собрать воедино важнейшие результаты исследований, проводившихся более века, и создать уникальную работу. Действительно важной вехой в японской историографии культуры Кофун стало издание в начале 1990-х гг. упомянутого выше 13-томника «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» («Исследования периода Кофун»), который был подготовлен усилиями многих японских археологов, историков, антропологов и религиоведов, работавших в те годы: Исино Хиронобу (род. 1933), Икэда Дзиро: (1922–2012), Ивасаки Такуя (1929–2018), Каваками Кунихико (род. 1945), Сираиси Таитиро: (род. 1938), Кусака Масаёси (род. 1934), Цудзи Сэйитиро: (род. 1952), Канэко Хиромаса (род. 1931), Нисияма Ё:ити (род. 1949), Огасавара Ёсихико (род. 1941), Сасамори Кэнъити (род. 1947), Ямамото Тэруо (род. 1943), Такахаси Кадзуо (род. 1946), Хиросэ Кадзуо (род. 1947), Абэ Гихэй (1942–2011), Сэкигава Хисаёси (род. 1951), Симидзу Хисаёси (род. 1947), Морита Кацуюки (род. 1950), Канбаяси Сиро: (род. 1955), Симодзё: Тадаси (род. 1951), Исии Кацуми (род. 1953), Абэ Акихико (род. 1953), Андо: Ко:ки (род. 1946), Тацуми Кадзухиро (род. 1946), Идзумори Ко: (род. 1941), Итигэ Исао (род. 1937), Хасимото Хироюки (род. 1959), Накаи Хитоси (род. 1955), Такасима Юкио (род. 1946), Сугияма Сигэцугу (род. 1940), Кодзима Ёситака (род. 1949), Мидзуно Масаёси (1934–2015), Окита Масааки (1944–2018),

Кирихара Такэси (род. 1933), Сэгава Ёсинори (род. 1933), Акасаки Тосио (род. 1950), Канэко Хироюки (1945–2008), Ямада Масахиса (род. 1953), Тэрасава Каору (род. 1950), Куросаки Тадаиси (род. 1946), Ното Кэн (род. 1946), Мацуи Акира (1952–2015), Нисимото Тоёхиро (род. 1947), Ооно Сатио (род. 1949), Оояма Масамицу (род. 1951), Минаки Муцухико (род. 1956), Мацуи Кадзуюки (род. 1955), Адзума Усио (род. 1946), Фурусэ Киёхидэ (род. 1950), Кондо: Такаити (род. 1939), Сугияма Синсаку (род. 1945), Ямада Куникадзу (род. 1959), Кода Сэйго (род. 1948), Макабэ Тадахиро (1932–2017), Цунояма Юкихиро (род. 1930), Такахаси Ёсикуни (1944–2006), Цудэ Хироси (род. 1942), Манабэ Масахиро (род. 1955), Итиносэ Кадзуо (1957), Исидзука Хисанори (род. 1947), Ямамото Сабуро: (род. 1949), Хабута Ёсиюки (род. 1951), Миягава Сусуму (род. 1932), Могги Масахиро (род. 1941), Нииро Идзуми (род. 1952), Танака Синсаку (род. 1955), Тига Хисаси (род. 1950), Мацумото Юрико (род. 1965), Окабаяси Ко:саку (род. 1962), Ито: Масабуми (род. 1959), Бан Ясуси (род. 1961), Маномэ Дзюнъити (род. 1941), Камохара Хироюки (род. 1955), Ёкэда Фумитака (род. 1953), Киносита Ватару (род. 1956), Янагимото Тэруо (род. 1951), Моримицу Тосихико (род. 1946), Урабэ Юкихиро (род. 1961), Имао Фумиаки (род. 1955), Мотидзуи Микио (род. 1954), Фудзисава Ацуси (род. 1961), Курумадзаки Масахико (род. 1954), Накацука Тэруё (род. 1946), Акацука Дзиро: (род. 1954), Аmano Суэки (род. 1948), Мацумура Такафуми (род. 1953), Симадзаки Адзума (род. 1954), Такахаси Тоору (род. 1950), Такахаси Кацухиса (род. 1962), Вакамацу Рё:ити (род. 1955), Сайто: Киёхидэ (род. 1953), Янагисава Кадзуо (род. 1947), Хасимото Хирофуми (род. 1953), Ямаути Норицугу (род. 1949), Морита Кацуюки (род. 1950), Касай Тосимицу (род. 1956), Кобаяси Сабуро: (1937–2006), Макабэ Ёсико (род. 1932), Исибэ Масаси (род. 1931), Сако Кадзуэ (род. 1957), Вада Ацуму (род. 1944), Окада Сэити (1929–2019), Нисимия Кадзутами (1924–2007), Ооцука Хацусигэ (1926–2022), Тинэн Исаму (род. 1941), Камимура Тосио (род. 1936), Аmano Тэцуя (род. 1947), Кикүти Тэцуо (род. 1939), Матида Акира (1939–2011), Нагасима Кимитика (род. 1941), Анадзава Вако: (род. 1936), Сугая Фуминори (1942–2019), Хорита Кэйити (род. 1934), Окаүти Мицудзанэ (род. 1943), Касано Такэси (род. 1944) и др.

Как видно из представленного выше внушительного списка учёных, принимавших непосредственное участие в подготовке «*Кофун дзидай-но кэнкю:*», данная работа является важнейшим результатом работы японских археологов и историков второй половины XX в., объединяющим все существовавшие научные школы и направления исследований. Каждый из тринадцати томов содержит богатый иллюстративный материал и подробное описание одной из сфер жизни японского общества периода Кофун либо конкретных форм проявления курганной культуры на Японских островах. Первый том, «*Со:рон. Кэнкю:си*» («Введение. История изучения»), как было указано во введении, имеет огромное значение при изучении историографии культуры Кофун, т.к. именно в нём зафиксированы основные этапы изучения курганной культуры в Японии [252, с. 139–166]. В первом томе также рассмотрены:

- особенности населения Японских островов в III–VII вв., в том числе исследования образа жизни древнеяпонского населения, заболеваний и т.д., основанные на анализе человеческих останков, найденных в курганах [252, с. 27–96];

- окружающая среда в период Кофун (рельеф, особенности растительного и природного мира, его влияния на хозяйственную деятельность человека) [252, с. 97–124];

- применение естественнонаучных методов в изучении истории Японии III–VII вв. н.э. в целом и культуры Кофун в частности [252, с. 125–138].

Во втором томе, «*Сю:раку-то го:дзоку кёкан*» («Поселения и резиденции могущественных кланов»), представлена как общая информация о характерных особенностях построек периода Кофун (домах, хранилищах, колодцах [253, с. 25–46]), значении землянок (ямных домов) в жизни древнеяпонского общества [253, с. 47–68], так и региональная специфика поселений III–VII вв. (характеристика западно- и восточно-японских поселений, дворцов и резиденций знатных родов) [253, с. 79–114, 115–132]. Описанные тенденции рассматриваются на конкретных примерах раскопанных поселений эпохи Кофун: Макимуку (преф. Нара) [253, с. 133–138], Аоки (преф. Тоттори) [253, с. 139–144], Синъикэ (преф. Осака, известнейшее место

массового производства *ханива*) [253, с. 145–151], Одзоно (преф. Осака) [253, с. 152–158], Мицудэра (преф. Гумма) [253, с. 159–165] и т.д.

Весьма интересен для читателя третий том – «*Сэйкацу-то сайси*» («Жизнь и ритуалы»), так как именно на основе многолетних раскопок и публикации по их результатам отчётов и исследовательских работ стало возможным реконструировать особенности жизни древнеяпонского общества, в каком-то смысле – историю повседневности III–VII вв. Ритуалы и ранние формы религии в истории Ямато также невероятно важны для понимания специфических форм захоронений и, следовательно, генезиса и развития курганной культуры на Японских островах. В работе последовательно рассматриваются такие вопросы, как одежда периода Кофун [254, с. 27–33], украшения [254, с. 34–44], причёски и способы украшения тела [254, с. 45–50], еда и способы её приготовления в III–VII вв. [254, с. 51–61], особенности изготовления деревянной мебели, применяемой в быту [254, с. 62–70], разжигание огня, поддержание очага и освещение помещений [254, с. 71–80]. Достаточно большая часть книги посвящена праздникам и фестивалям (*мацури*), проводившимся в период Кофун в честь различных божеств *ками* (проявление ранних форм синтоизма) – *ками* скал и камней, моря, гор и холмов, рек, дорог, перевалов и т.д. [254, с. 81–130]. В завершение авторы третьего тома описывают предметы материальной культуры, характеризующие общественное и экономическое развитие в период Кофун – бронзовые зеркала и изделия из драгоценных и полудрагоценных камней [254, с. 131–142], оружие, орудия и сельскохозяйственные инструменты [254, с. 143–151], музыкальные инструменты, приспособления и инструменты для производства сакэ и текстильных изделий [254, с. 152–160], церемониальные сосуды [254, с. 161–166] и т.д. Надо отметить, что авторы 13-томника «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» делали наибольший акцент на сакральной функции первых японских императоров (правильнее сказать – вождей), а не на военной, которая, судя по содержанию погребального инвентаря, стала преобладающей уже со среднего периода культуры Кофун. Даже по названию третьего тома можно сделать вывод, что, с точки зрения создателей данной работы, ритуалы и ранние формы синтоизма были более важной частью жизни древнеяпонского общества, чем военные институты.

Четвертый и пятый тома посвящены производству и товарному обращению в государстве Ямато в III–VII вв. В первую очередь авторы описывают основные сельскохозяйственные культуры (в основном акцентируя внимание на рисе-сырце [255, с. 11–88], а также на культивировании растений – персиковых деревьев, дынь и т.д. [255, с. 165–177]), технологии и особенности их возделывания (в том числе оросительные мероприятия), сбора и хранения на Японских островах в период Кофун. Снова поднимается вопрос использования сельскохозяйственных орудий. Помимо земледелия в четвертом томе описано горное хозяйство, животноводство (в особенности становление и развитие коневодства, проникшего на Японский архипелаг именно в этот период) [255, с. 105–120], а также традиционные промыслы – охота, рыбалка, производство соли [255, с. 121–128, 147–164].

Внимание в пятом томе сосредоточено на другой отрасли хозяйственной жизни – производстве металлов, в особенности железа. Надо отметить, что сам факт подготовки значительной части отдельного тома об особенностях производства и обработки металлов свидетельствует о том, что, с точки зрения японских исследователей, появление данных технологий стало одной из важнейших причин становления государства на Японских островах и развития курганной культуры. Помимо рассмотрения самой технологии производства металлов (железа, бронзы, а также методов золочения бронзовых изделий) на Японских островах и её происхождения, авторы описывают конкретные примеры позолоченных изделий, а также артефактов из литой меди и железа [256, с. 12–36, 78–114]. В данном томе рассматриваются и технологии обработки камня, его применения как в гражданском строительстве, так и при сооружении курганов (внешней кладки и внутренних погребальных камер). В завершение авторы исследуют способы коммуникации между разными частями древнеяпонского государства, изучая вопросы передвижения и транспорта в Ямато.

Начиная с шестого тома, создатели «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» переходят к детальному рассмотрению самих курганов и всех элементов материальной культуры, сопровождающих кофун – погребального инвентаря, керамики, *ханива* и т.д. Шестой том целиком посвящён двум типам керамики, широко распространённым

на Японском архипелаге в III–VII вв. – *суэки* и *хадзики*. Как *суэки*, так и *хадзики* часто встречаются в качестве погребального инвентаря в кофун, однако керамика данных типов использовалась и в повседневной жизни японцев, отличаясь способом изготовления (в основном температурой обжига, из-за чего *суэки* и *хадзики* имеют разную по пористости структуру и оттенок).

В томе «*Хадзики-то суэки*» в первую очередь рассмотрена хронология данных типов керамики в таких регионах Японии, как Кюсю, Сикоку, Тюгоку, То:кай, Хокурику, Тюбукоти, Канто:, То:хоку, Санъин и Санъё [257, с. 19–120, 121–228]. Это связано с тем, что радиоуглеродный анализ керамики – один из наиболее точных и потому чаще применяемых методов датировки захоронений периода Кофун. Вторая половина книги включает в себя исследование перемещений керамики *хадзики* по Восточной [257, с. 238–244] и Западной Японии [257, с. 229–237], распространения керамической посуды на Японских островах в целом [257, с. 245–254] и анализ почвы [257, с. 255–270], дающий представление о происхождении керамики.

Пожалуй, одним из наиболее интересных для исследователя японской курганной культуры является седьмой том «*Кофун дзидай-но кэнкю:*». В томе «*Функю: то наibuко:дзо:*» («Курганы и их внутреннее устройство») внимание авторов фокусируется на важнейших проявлениях культуры Кофун, давших ей название – курганах. В первую очередь рассматривается проблема формы курганов [258, с. 15–38], что связано с их огромным разнообразием на Японском архипелаге и наличием уникальных форм (например, как форма «замочной скважины» – *дзэнпо:ко:энфун*). Отдавая должное авторам седьмого тома, следует отметить, что относительно форм курганов в данной работе наблюдается неполнота данных: авторами опущено невероятное разнообразие форм (те же *со:хо:тю:энфун*, *со:хо:тю:хо:фун*, *хаккакуфун*, *роккакуфун*, *хотатэгаикэи-кофун*, *дзё:энкахо:фун*). Вместо этого основное внимание уделяется квадратно-круглым курганам, их происхождению, распространению и описанию, что в целом объяснимо, так как именно в курганах данной формы хоронили императоров древней Японии и членов императорской семьи, а роль императора в Японии, как отмечалось выше, несмотря на трансформацию в

послевоенное время, остаётся весомым фактором, в том числе в научной сфере. Таким образом, авторы упустили возможность демонстрации аспекта многогранности культуры. Впрочем, нельзя не отметить, что доля *дзэнно:ко:энфун* в общем количестве кофун Японии в десятки раз выше, чем все редкие формы вместе взятые, что тоже может объяснять причину концентрации внимания исследователей на проблемах курганов в форме «замочной скважины».

В седьмом томе удачно подобраны материалы по внутреннему и внешнему устройству курганов: отдельным параграфом идёт описание *цумиисидзука* – гробниц, сложенных из камней, а не насыпанной и утрамбованной земли [258, с. 39–48], затем – основных атрибутов и особенностей внешнего оформления курганов (каменной кладки *фукииси* [258, с. 60–68], рвов, окружавших кофун [258, с. 49–59]). Небольшой параграф посвящён роли *ханива*, керамики и деревянных изделий в формировании композиции кофун [258, с. 69–78] (подробные описания не предусмотрены, т.к. все данные изделия рассматриваются в отдельных частях других томов «*Кофун дзидай-но кэнкю:*»). Завершением части, касающейся внутреннего убранства, служит глава о саркофагах – деревянных и каменных – имевших разные формы в разных частях Японии [258, с. 79–95].

Не менее важный вопрос, поднятый Ямамото Сабуро: и Хабута Ёсиюки в рассматриваемом томе – проблема вертикальных и горизонтальных погребальных камер в японских курганах, их распространения в зависимости от времени постройки кофун и его локализации [258, с. 96–110, 111–128]. В завершающей части работы авторы подводят некие итоги описанных особенностей японских курганов, затрагивая проблему наличия стандартов постройки кофун и технологий строительства [258, с. 129–141, 142–154]. Данные аспекты важны для понимания уровня развития производительных сил в раннем Ямато и степени политического влияния правящего клана на периферию.

Восьмой том «Исследований периода Кофун» посвящён проблемам погребального инвентаря – доспехов, украшений, оружия [259, с. 1–18, 67–79]. При рассмотрении глиняных фигурок *ханива* в девятом томе авторы придерживаются тех же методов изучения артефактов, что и в случае с керамикой *суэки* и *хадзики* – в

первую очередь исследуются региональные особенности производства *ханива* (на примере цилиндрических – более ранних – в То:хоку, Канто:, Хокурику, То:кай, Кинки, Сикоку, Кюсю, то есть с севера на юг). Несмотря на то, что при последующем описании антропо- и зооморфных *ханива* такой подробной картины региональных отличий нет, в целом авторы проделали колоссальную работу по интерпретации всех ранних работ по данной тематике для формирования удобной системы классификации репрезентативных *ханива* с учётом региона, в котором были сделаны находки. Это касается, например, выделения различных видов изображений людей, играющих разные социальные роли и имеющих разные профессии – женщины-жрицы, музыканты, играющие на *кото*, борцы, воины, держатели щитов, охотники, конные всадники и т.д. [260, с. 117–120]. Данная система позволяет читателю получить представление о социальной структуре древнеяпонского общества и региональной специфике социальных ролей. Что касается изучения зооморфных *ханива*, то, как и большинство исследователей, авторы «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» большее внимание уделяют фигуркам лошадей [260, с. 143, 145–146], что можно объяснить быстрым распространением данных животных на Японских островах в период Кофун и их большой роли в военной сфере, которая стала преобладающей в V–VII вв.

Важно отметить обстоятельность подхода авторов к изучению расположения *ханива* вокруг кофун. В «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» заметно тщательное осмысление многолетних исследований данной проблемы: вместо того, чтобы предложить общую для культуры Кофун в целом тенденцию расположения глиняных фигурок в композиции кургана, Хасимото Хирофуми предлагает читателю понаблюдать за изменениями в компоновке фигурок и их расположения через каждые полвека в различных регионах и, разумеется, в зависимости от формы кургана [260, с. 177–198]. Формы курганов, отобранных для изучения, как и прежде, только самые основные – квадратные, круглые и в форме «замочной скважины», что оправданно, ведь автор в первую очередь старался создать целостную картину изменений, а не вдаваться в частные случаи.

Ямаути Норицугу в данном томе предпринял попытку воссоздания ритуала, при котором использовались фигурки *ханива*, а также изменений в ритуале в течение периода Кофун [260, с. 191–198]. Стоит отметить, что с момента начала исследований *ханива* историками и археологами реальная функция глиняных фигурок оставалась не до конца решённой проблемой, так как любые предположения относительно мышления древних японцев и восприятия ими смерти и возможности загробной жизни в любом случае являются дискуссионными. Морита Кацуюки обратился к проблеме технологии создания *ханива*, которая имела свои характерные черты в зависимости от того, были *ханива* цилиндрическими или репрезентативными, и, если последними – какой именно образ отражала фигурка [260, с. 199–222]. Касаи Тосимицу представил читателю свой взгляд на производство *ханива*, что является не менее важной проблемой, чем рассмотренные выше, так как этим занимались специализированные гильдии ремесленников *бэ*, и *ханива* были весьма массовым явлением.

Десятый и одиннадцатый тома «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» посвящены региональным особенностям развития культуры Кофун в Западной и Восточной Японии, отражая важную проблему изучения курганной культуры – различий в её развитии в центре и на периферии Ямато. Как отмечалось ранее, уже в середине 1980-х гг. Мори Ко:ити издал трёхтомник, в котором каждый том был посвящён крупному региону Японии и особенностям культуры Кофун в данном регионе на примере отдельных курганов. В отличие от Мори, авторы «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» не стали выделять Кинки в отдельный регион, хотя в целом рассмотрение центра культуры отдельно от периферии кажется логичным ходом при изучении кофун. В результате Кинки уделено всего 50 страниц текста – ничтожно мало по сравнению с работой Мори [261, с. 121–170]. Несмотря на это, глава о Кинки в томе «*Ниси ни-хон*», пожалуй, даёт читателю более чёткое представление о центре развития культуры Кофун, чем целый том Мори Ко:ити; это связано с тем, что, в отличие от Мори, коллектив авторов «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» сосредоточен не на нескольких курганах, а на картине в целом [262, с. 41, 59, 79]. Это два противоположных

подхода к изучению культуры Кофун в японской историографии, при которых используются два противоположных метода – индукция и дедукция.

Двенадцатый том обобщает все рассмотренные ранее вопросы, формируя целостный взгляд на эпоху, сформировавшуюся в условиях существования и развития курганной культуры на Японских островах [263, с. 56–78]. Последний том «*Кофун дзидай-но кэнкю:*» знакомит читателя с основными курганными культурами Восточной Азии за пределами Японского архипелага. В предыдущих томах время от времени авторы обращались к сравнительному анализу японских кофун и курганов, обнаруженных на Корейском полуострове и на территории Китая, однако ввиду большого значения данного вопроса для понимания происхождения культуры Кофун авторы приняли решение подготовить отдельное издание. Во введении Каваками Кунихико останавливается на таких ключевых вопросах, как место эпохи Кофун в мире древней Восточной Азии, культурный обмен между восточноазиатскими странами, особенности распространения китайской курганной культуры и территории, на которых получили развитие курганные культуры в Восточной Азии [264, с. 5–24]. Помимо японских авторов в списке учёных, подготовивших тринадцатый том, фигурируют два иностранных имени – исследователей из Китая и Кореи, что отражает взвешенный подход редактора к оценке иностранных культур – невозможно подготовить материал по материковой археологии, не привлекая местных специалистов. Таким образом, главы, посвящённые китайских гробницам и корейским курганам периода существования трёх корейских государств (Силла, Пэкче и Когурё) целиком подготовлены учёными из данных стран.

Кроме очевидных соседей в Восточной Азии в данном томе изучены характерные черты развития отдалённых от политического центра Ямато регионов, до которых курганная культура либо не дошла вовсе, либо получила слабое и кратковременное развитие: Окинава, Южный Кюсю (конкретно – остров Сацума), Хоккайдо, Северный То:хоку. Затем Матида Акира и Нагасима Кимитика останавливаются на ключевой проблеме понимания генезиса культуры Кофун – влиянии систем и традиций захоронений в государствах Восточной Азии на Японию [264, с.

99]. Также в работе рассмотрены вопросы обмена и торговли между восточноазиатскими государствами и Ямато на примере артефактов материкового происхождения, найденных в кофун [264, с. 118–141], а в связи с этим и вопрос посещения провинции Ямато гостями с материка, привнесшими на Японский архипелаг свои модели культуры и технологии [264, с. 142–157]. Подводя итоги всего издания, Окаuti Мицудзанэ характеризует основные положения теории всадников [264, с. 158–171], оказавшей серьёзное влияние на послевоенное развитие японской археологии и исторической науки, в том числе по части изучения периода и культуры Кофун, а Касано Такэси описывает теорию импорта зеркал с материка [264, с. 172–188]. В 1990-е гг. японские исследователи чаще обращаются к проблеме общих характеристик курганов Восточной Азии и Японии; в 1999 г. Аримицу Кё:ити опубликовал монографию «Корейские курганы» [230], которая стала одной из многих работ на данную тематику после выхода «Исследований периода Кофун». Суммируя всё вышесказанное, стоит отметить, что тринадцатитомник «*Кофун дзидайно кэнкю:*» можно считать крупнейшим достижением японской исторической науки XX в. по части систематизации и грамотной подачи знаний, касающихся периода Кофун в истории Японии и давшей ему название курганной культуры.

В рассматриваемый период большой пласт работы по систематизации знаний о культуре Кофун был выполнен Кобаяси Сабуро: (1937–2006) из Университета Мэйдзи (Токио). Кобаяси Сабуро: был учеником Гото: Сю:ити (1888–1960). Помимо участия в написании множества коллективных монографий по вопросам влияния императорской власти на регионы и местные традиции возведения курганов, сравнительного анализа глубины захоронений в японских кофун и курганах Китая и Кореи, роли бронзовых зеркал в погребальном инвентаре и т.д., Кобаяси готовил словари и энциклопедии по культуре Кофун. В 1989 г. Кобаяси совместно с Ооцука Хацусигэ и Масая Кумано опубликовал «Большой словарь японских курганов» [22], сохраняющий актуальность по сей день. В словаре представлено описание местонахождения, формы, оформления и ориентации всех достаточно крупных кур-

ганов на Японских островах, а также история их изучения и погребальный инвентарь. Для своего времени данная работа была незаменимой, так как быстрый доступ к такому обширному пласту информации иным способом был невозможен.

Кобаяси рассматривал период Кофун как важнейшую для понимания возникновения японского государства эпоху, а тот факт, что курганы возводились на территории всей страны, по его мнению, однозначно свидетельствует о контроле администрации раннего Ямато над большинством территорий Японских островов. Кроме того, он отмечает, что в предыдущие исторические (и культурные) периоды Дзёмон и Яёй почти не было отдельно стоящих курганов, тем самым выражая свой взгляд на материковое происхождение кофун [269, с. 10–13]. Кобаяси стремился к тому, чтобы дать для всех составляющих культуры Кофун чёткие определения, в связи с чем он анализирует, например, что понимали под словом «кофун» его учителя – Гото: Сю:ити и Кондо: Ё:сиро:. В качестве метода исследования развития курганной культуры, в том числе квадратно-круглых курганов, Кобаяси использует анализ керамики *хадзики* и *суэки* и изучение перехода керамики периода Яёй в данные виды [269, с. 18–19].

Помимо этого, Кобаяси вновь поднимает дискуссионный вопрос о происхождении *санкакуэнсиндзю:кё:* – вида бронзовых зеркал культуры Кофун, характеризующихся треугольным сечением края зеркала и изображениями божеств и животных. Как отмечает Кобаяси, многие зеркала данного вида имеют абсолютно идентичные рисунки и дефекты, что свидетельствует о том, что для их создания использовалась одна и та же литейная форма (*до:ханкё:*), однако почти за век археологических изысканий учёным не удалось обнаружить на территории Японии ни одной литейной формы, с помощью которой были созданы данные артефакты, хотя были найдены места производства бронзовых зеркал. По мнению Кобаяси, велика вероятность того, что *санкакуэнсиндзю:кё:* были сосредоточены в руках определённой группы людей, которые затем занимались распределением зеркал, так как сложно поверить в то, что множество людей по отдельности получали зеркала или формы для их отливки из Китая, однако дискуссии в научных кругах о том, производились зеркала при этом в Японии или в Китае, продолжаются [269, с. 21, 24, 27].

Ещё одним ведущим специалистом в области курганной культуры и представителем киотской школы в 1950–1990-е гг. был Кондо: Ё:сиро: (1925–2009). Кондо: был одним из учёных, стоявших во главе развития японской археологии в послевоенные годы; он руководил знаменитыми раскопками кургана *Цуки-но ва* в 1960-е гг., в которых участвовали сотни простых людей, и посвятил свою жизнь изучению кофун в форме «замочной скважины». Самой известной работой Кондо: является «Эпоха курганов в форме замочной скважины» [278], опубликованная в 1983 г. Особенностью данной работы является подробное рассмотрение социально-экономических условий жизни японцев в период Яёй, из которого Кондо: плавно переносит читателя в курганный период, акцентируя внимание на ведущей роли *дзэнно:ко:энфун* в японском историческом процессе.

Кондо: изучил не только культурную составляющую; он подробно описал постепенное увеличение использования металлических орудий, распространение орошаемых рисовых полей, формирование коллективов и разделения труда, подъём производительных сил, социальную дифференциацию и многое другое [278, с. 26, 55, 80]. На данном фундаменте он рассмотрел появление и значение квадратно-круглых кофун, китайское влияние на формирование курганной культуры и причины её упадка; кроме того, Кондо: проследил связь между размером кофун в определённых регионах и усилением или ослаблением местных элит в связи с этим [278, с. 175, 208, 320, 346]. Работа Кондо: вошла в золотой фонд японской историографии культуры Кофун и остаётся одной из важнейших монографий по проблемам курганов в форме «замочной скважины». Проблема взаимовлияния развития курганной культуры и усиления раннего японского государства также рассмотрена в труде Иноуэ Мицусада «Формирование Вакоку и культура Кофун» [246]. Кондо: закончил свою работу о квадратно-круглых кофун на угасании традиции курганных захоронений в Японии, а Инокума Канэкацу в работе «Изучая курганы Асука» [245] полностью закрыл хронологические рамки культуры Кофун; если рассматривать данные работы в комплексе, можно проследить единый и непрерывный процесс восприятия культур и их перемен. В конечном счёте именно

создание единого взгляда на древнюю историю Японии было главной целью японских исследователей рассматриваемого периода.

Мигисима Кадзуо (род. 1948), в настоящее время занимающий должность директора исторического музея префектуры Гумма, с 1980-х гг. занимается изучением особенностей развития культуры Кофун в Восточной Японии. Мигисима окончил педагогический факультет Университета Гумма и аспирантуру Университета Кансай, став полноправным членом осакской школы исследований культуры Кофун. Основные результаты его научной работы в рассматриваемый период отражены в работе «Исследование курганного периода в То:гоку». В плане подхода к изучению курганной культуры Мигисима относится к региональной школе исследований культуры Кофун, и данная работа сочетает в себе как анализ отдельных курганов и их скоплений для формирования целостного взгляда на региональную специфику культуры Кофун в То:гоку, так и общие выводы о характерных чертах развития культуры Кофун в восточной части острова Хонсю [286, с. 30, 54, 93, 141].

Интересным примером регионального исследования культуры Кофун является монография Ооми Сёдзи «Правители Ва и тайны курганов: Ямато и То:гоку/Кюсю/Восточная Азия», в которой исследователь сначала рассматривает период правления пяти великих императоров Ямато, упоминания о которых присутствуют даже в китайских династийных хрониках, а затем проводит сравнительный анализ курганов центра и периферийных регионов. Исследование выходит за рамки Ямато: Ооми изучает взаимодействие японского государства с Корейским полуостровом и Китаем. Курганы Ямато, корейских и китайских государств образовывали в III–VII вв. единое культурное пространство, в связи с чем изучение каждого отдельно взятого региона внутри Японии важно для понимания степени взаимодействия между различными частями страны [304, с. 9, 45, 130]. Тайны кофун регионов То:хоку и Эдзо рассматривает Оотомо Юкио, изучающий особенности распространения культуры Кофун на север острова Хонсю [305, с. 13, 71, 93].

Курганы Восточной Японии изучал и Маэдзава Тэрумаса (род. 1925); в 1982 г. он опубликовал двухтомник «Исследование *Кэно-но куни*: проливая свет на

эпоху Кофун», посвящённый строительству курганов в регионе *Кэно-но куни* (территориально сопоставимом с современными преф. Гумма и Тотиги). Данное территориальное образование было идентифицировано как отдельно существовавшая полития благодаря наличию крупных скоплений квадратно-круглых курганов; Маэдзава охарактеризовал место *Кэно-но куни* в Восточной Японии и Ямато в целом и рассмотрел этапы его становления и существования, анализируя размер, форму и возраст обнаруженных в данном регионе курганов [284, с. 7, 145], [285, с. 405]. Работа выполнена посредством анализа всего существующего комплекса кофун, а не отдельных курганов. Под редакцией Ооцука Хацусигэ в 1981 г. была опубликована ещё одна ценная работа по курганной культуре Восточной Японии, относящаяся к региональному направлению исследований – первый том двухтомника «Изучение японских курганов» [243].

Представитель школы исторических исследований культуры Кофун г. Нара Идзумори Ко: (род. 1941) в 1990-е гг. занимался изучением региональных особенностей кофун региона Кинки и интерпретацией артефактов, обнаруженных при раскопках кофун. В монографии «Культура Кофун региона Кинки» Идзумори рассматривал развитие культуры Кофун последовательно по четырём периодам – начальному, среднему, позднему и периоду затухания курганной культуры [241, с. 18, 44, 202, 298]; регион Кинки был наиболее подходящим для этой роли, т.к. именно там сосредоточены курганы всех возможных возрастов в пределах III–VII вв. – в отличие от периферийных регионов, где кофун возводили только в короткие периоды усиления местных элит. Идзумори стал одним из первых археологов, озвучивших в 1990-е гг. насущные проблемы экспериментальной археологии – перспективного направления исследований, направленного на достижение понимания технологии и процессов изготовления древними мастерами различных изделий [241, с. 419]. В совместной работе Идзумори Ко: и Ито: Ю:сукэ «Артефакты, раскрывающие курганную эпоху Ямато» выделили пять основных групп артефактов, на основании которых можно изучать культуру Кофун и историю раннего Ямато – *ханива*, инструменты (в том числе сельскохозяйственные и ремесленные), одежда,

оружие и упряжь, похоронное снаряжение [242, с. 25, 59, 123, 183, 233]. Многочисленные исследования каждой отдельной группы артефактов другими учёными в 1990-е гг. доказали правдивость тезиса Идзумори и Ито: о том, что любой артефакт может рассказать больше, чем кажется.

Канаидзука Ёсикадзу (1929–2015), выпускник Университета Тойо (Токио), всю жизни проработавший в префектуре Сайтама, также занимался изучением особенностей становления и развития культуры Кофун в Восточной Японии (в регионах Канто: и То:хоку), а также весьма интересным для культуры Кофун способом боковых захоронений в холмах (*ёкоанабо*), которые, как правило, редко становятся предметом исследования специалистов по курганному периоду ввиду небольшой распространённости и массовости погребений в пределах одного холма. В опубликованной в 1980 г. работе «*Кодай то:гокуси-но кэнкю: : инарияма кофун сюцугэн-то соно дзэнго*» («Изучение древней истории Восточной Японии: до и после появления кургана Инарияма») Канаидзука не только весьма скрупулёзно исследует находки из квадратно-круглого кургана *Инарияма*, в раскопках которого он участвовал на протяжении многих лет, но и описывает уникальные для Восточной Японии традиции возведения курганов с квадратными рвами, в которых обнаружены не менее удивительные образцы керамики – *тэйбусэнко:доки* (горшки с нарочно продырявленным дном, характерные только для курганов с квадратными рвами). Важным аспектом исследования Канаидзука является его попытка понимания социальной структуры древнеяпонского общества посредством анализа данного вида захоронений [267, с. 25, 85–90]. В целом работа представляет собой достойный внимания образец регионального исследования культуры Кофун, в котором отражены как характерные особенности ранних курганов Канто: в целом, так и развитие культуры Кофун на примере *Инарияма-кофун*, замечательно сохранившегося до наших дней кургана в префектуре Сайтама. Рассмотрение всех основных регионов распространения курганной культуры в сравнительной перспективе представлено в коллективной монографии Идзумори Ко:, Сугая Фуминори, Датэ Мунэясу, Макабэ Тадахико, Ивасаки Такуя и Мори Ко:ити «Путешествие по древней японской истории. Курганы и императорские гробницы: памятники власти» [311].

Упомянутый выше Цудэ Хироси (род. 1942 г.), профессор Университета Осака, в рассматриваемый период занимался различными вопросами истории периода Кофун и его культуры, в том числе взаимоотношениями между центром и периферией (и их влиянием на развитие курганной культуры), политическими изменениями на Японском архипелаге в III–VII вв., погребальными практиками периода Кофун в социальном аспекте, археологическими исследованиями обычаев погребения, характерных для древней Японии и т.д. В 1980–1990 гг. научная работа Цудэ активно поддерживалась японским правительством; он постоянно выигрывал гранты на проведение исследований в области археологии и истории. Одним из важнейших для Цудэ в этот период стал проект «Археологические исследования погребальных обычаев древней Японии», реализованный в 1987–1989 гг. на базе Университета Осака. Проведённые исследования касались погребальных ритуалов культур Дзёмон, Яёй и Кофун.

Обычаи погребения, характерные для данных археологических периодов, были изучены Цудэ методом сравнительного анализа. В результате Цудэ пришёл к выводу, что ритуалы захоронения различались как исторически (согласно выделенной периодизации), так и регионально – в зависимости от степени контакта с материковыми культурами. По результатам работы была опубликована коллективная монография «Правители и народ в эпоху Кофун», в которой Цудэ рассмотрел вопросы влияния курганной культуры на формирование древнеяпонского государства, рождение и смерть культуры Кофун, взаимоотношения центра и периферии на Японских островах в III–VII вв. [345, с. 9, 25, 27, 35].

Ещё одним аспектом погребений, заинтересовавшим учёных в 1980-е гг., стало установление личности похороненных в курганах людей. Это могло бы позволить окончательно решить проблему с возможной фальсификацией соотнесения курганов в форме «замочной скважины» с конкретными правителями древнего Ямато. Куроива Дзю:го и Оова Ивао в 1989 г. опубликовали работу «Курган Фудзиноки и VI век: личности погребённых», в которой на основе исторических и археологических данных рассмотрели возможные варианты личности погребённого

в данном кофун человека [282, с. 8, 46, 102]. Курган *Фудзиноки* славится великолепными образцами упряжи и других металлических изделий; этим элементам погребального инвентаря данного кофун посвящена работа Кацубэ Мицуо и Судзуки Цутому «Древние технологии: упряжь кургана *Фудзиноки*» [268] и коллективная монография «Полная картина кургана *Фудзиноки*», подготовленная сотрудниками Археологического института Касихара (преф. Нара) [309]. В 1990-е гг. вообще наблюдается заметный интерес японских и иностранных исследователей к отдельным элементам погребального инвентаря, в особенности к оружию, сбруе, украшениям и доспехам [100, с. 58], [137, с. 54], [143, с. 1], [146, с. 103–105], [162, с. 140], [173, с. 43–45], [174, с. 25, 40].

1970–1990-е гг. были периодом наиболее активного развития японской историографии культуры Кофун. Даже просто перечислить все работы, посвящённые различным аспектам курганной культуры, подготовленные и опубликованные в эти годы, невозможно. Для проведения научных исследований – археологических раскопок, камеральной обработки материалов, анализа артефактов с помощью естественнонаучных методов – в рассматриваемый период создавались все необходимые условия; в изучении культуры Кофун были заинтересованы буквально все – учёные, простые граждане, правительство Японии. Благодаря этому такие учёные, как Исино Хиронобу, Кобаяси Сабуро:, Цудэ Хироси, Мори Ко:ити, Кобаяси Юкио и многие другие смогли воплотить в жизнь все свои научные замыслы, опубликовав результаты своих исследований в форме монографий, отчётов, статей и т.д.

По итогам работы в данный период японские исследователи завершили формирование фундаментальных исследований культуры Кофун; материалы обширных монографий не просто охватывают все основные вопросы и проблемы, связанные с существованием и развитием культуры Кофун, но и формируют целостный взгляд на эту культуру. Особое внимание уделялось проблеме Ямато и курганов в форме «замочной скважины» (работы Исино Хиронобу «Появление курганов в виде «замочной скважины», Кондо: Ёсиро: «Эпоха курганов в форме «замочной скважины»», Мори Ко:ити «Век курганов в форме замочной скважины» и др.), а также региональной специфике культуры Кофун (монографии Идзумори Ко:

«Культура Кофун региона Кинки», Мори Ко:ити «Эпоха Кофун», Кобаяси Сабуро: «Курганы и императорская власть в регионах», статья Сигэфудзи Тэруюки и Ниси Кэнъитиро: «Погребальные сооружения периода Кофун: региональная специфика и иерархия Северного Кюсю» и т.д.). В связи с этим уже в конце 1990-х гг. наблюдается процесс насыщения японской исторической науки общими исследованиями по культуре Кофун; постепенно исследователи начинают сосредотачиваться на более узких предметах исследования, так как сказать что-то новое по общим вопросам изучения культуры Кофун без появления уникальных находок с раскопок становится невозможным. По этой причине следующий этап развития японской историографии культуры Кофун характеризуется совершенно иными ориентирами и основными направлениями исследований, нежели два рассмотренных ранее послевоенных периода.

3.3. Современный этап развития японской историографии культуры Кофун

В 2000–2020-е гг. японская историография культуры Кофун продолжает расти быстрыми темпами, хотя до уровня предыдущего периода в этом отношении уже не дотягивает. Постоянный рост количества исследований связан как с поддержкой научных разработок по истории древней Японии, так и с расширением географии исследований. Хисасикагэ Ю: в 2011 г., описывая основные черты археологических исследований курганной культуры на тот момент, отмечал, что основные понятия и хронология были закреплены ещё в 1990-е гг., и все попытки создания новых типологий, периодизаций и классификаций в основном сводятся к возвращению к старым образцам и прежним хронологическим рамкам. Однако существенным направлением развития японской историографии культуры Кофун в наше время являются региональные исследования, с помощью которых изучаются отдельные элементы погребального инвентаря в ракурсе местных особенностей производства, что лишний раз показывает ненадёжность подхода к культуре Кофун как к абсолютно единообразному явлению на территории всего Ямато [94, с. 15],

[95, с. 67–68]. Кроме того, отличительной чертой исторических исследований по культуре Кофун в последние годы становится углубление японских учёных в историографию изучаемого объекта; многие монографии начинаются с главы об истории исследования рассматриваемого феномена в японской исторической науке.

В 2000-е гг. увидели свет результаты исследований многих авторов, начало творческого пути которых пришлось на 1970–1990-е гг. Сираиси Таитиро:, например, продолжает выступать в роли научного редактора коллективных монографий: в 2005 г. в Токио была опубликована работа «Поздние кофун и древнее государство» [321], в которой Сираиси совместно с такими учёными, как Имао Фумиаки, Маэдзono Митио, Ясумура Сюдзи, Хабута Ёсиюки, Нииро Идзumi, Мигисима Кадзуо, Сэкигава Хисаёси, Вада Ацуму и Ямао Юкихиса были рассмотрены многие дискуссионные вопросы, касающиеся причин упадка курганной культуры на Японских островах: время окончания строительства квадратно-круглых курганов в Кинэй и Восточной Японии, их внешние особенности, возникновение феномена восьмиугольных кофун на Японских островах, характеристика поздних погребальных камер, хронология и датировка керамических изделий эпохи Кофун, социальный статус погребённых в крупных квадратных и круглых курганах позднего периода культуры Кофун, возвышение роли храмов и законодательство, запрещавшее строительство кофун [321, с. 1, 12, 24, 54, 112, 302].

Сираиси Таитиро: рассматривал связь между окончанием курганного периода и формированием древнеяпонского государства, обращаясь к вопросам хронологии культуры Кофун (деление на временные отрезки и периоды) и значению прекращения возведения курганов в форме «замочной скважины». Имао Фумиаки изучил процессы качественного изменения курганов в поздний период культуры Кофун (появление восьмиугольных (*хаккакуфун*) курганов). Ямао Юкихиса рассмотрел роль в вышеуказанных процессах указа 646 г. – *Хакусю:рэй*, который ограничивал размер захоронений в зависимости от социального положения, что серьёзно повлияло на масштабы кофун и, по сути, прекратило возведение *дзэнно:ко:эн-фун* на Японских островах [321, с. 302–322].

Продолжается исследовательская деятельность Мори Ко:ити; его работы оказались настолько актуальны, что некоторые переиздавались спустя 20–30 лет уже в 2000-е гг. [294]. В работе «Приглашение в императорские курганы», изданной в 2011 г., Мори Ко:ити рассматривает не теряющую своей актуальности для японских исследователей проблему доступа археологов и историков в усыпальницы, приписываемые членам японской императорской семьи. Начав работу с описания затруднений, с которыми вынужден сталкиваться исследователь культуры Кофун, Мори делится воспоминаниями о посещении кургана императора Нинтоку и захоронения императора Хандзэй [301, с. 13, 16]. Рассматривая проблемы, встающие перед учёным при изучении курганной культуры, Мори особенно акцентирует внимание на том, что ещё с периода Мэйдзи, когда был создан список императорских курганов (то есть крупнейшие курганы различных форм, в основном квадратно-круглые, были соотнесены с первыми императорами Японии и членами их семьи), кофун стали объектом изучения именно в связи с интерпретацией их как места упокоения императоров, а не как представляющих интерес для археологии остатков материальной культуры. Именно поэтому в ведении Управления императорского двора Японии находится более 860 гробниц, лишь около сорока из которых Мори относит к памятникам культуры Кофун [301, с. 25–26]. Это весьма важное замечание, т.к. различное отношение к культурному наследию порождает разное восприятие необходимости его сохранения и изучения, и именно поэтому данный момент – основная проблема извечных противоречий между японским академическим сообществом и Управлением императорского двора.

Мори Ко:ити более полувека проводил археологические и исторические исследования; его работы оказали большое влияние на развитие региональных исследований культуры Кофун. Университет Досися, в котором работал Мори, является одним из крупнейших на территории Японии центров изучения культуры Кофун, причём не только в префектуре Киото, но и во всей Центральной Японии. Таким образом, Мори был одним из наиболее ярких представителей научной школы изучения культуры Кофун в Досися. Мори можно охарактеризовать как специалиста не только по региональным исследованиям, но и культуре Кофун в целом, т.к. часть

работ учёный посвятил общим вопросам формирования и развития культуры Кофун в контексте политических процессов, протекавших в Восточной Азии в III–VII вв. При этом подход к изучению региональной специфики посредством рассмотрения отдельных курганов, а не региона в целом, которого придерживался Мори, получил широкое развитие в японской историографии. В начале XXI в. завершил научную работу и Исино Хиронобу. Опубликованная в 2003 г. монография «Археология ранних кофун и Ямато» [249] стала последним крупным научным трудом исследователя.

Тацуми Кадзухиро (род. 1946), начавший свой научный путь в 1980-е гг. в Университете Досея, опубликовал основные результаты своих исследований уже в начале XXI в. Тацуми – автор множества работ по региональным исследованиям кофун, а также художественному оформлению погребальных камер курганов (росписям, рельефам, *ханива*). Декорирование курганов имело глубокий сакральный смысл и символизм, отражая отношение жителей древней Японии как к смерти, так и к загробной жизни. Японцы жаждали соприкоснуться с магической сферой жизни, и с помощью изображений на стенах погребальных камер они отражали своё видение вселенной и космоса. Даже после смерти человек продолжал жить, но уже в другом измерении – в этом ему помогал как погребальный инвентарь, так и окружавшие тело усопшего изображения, оберегавшие его от злых духов [330, с. 223, 242, 248]. Тацуми, таким образом, не рассматривал декорирование курганов как способ сделать их красивее; с точки зрения древних японцев росписи и украшения имели сакральное, а не декоративное значение.

Ооцука Хацусигэ в начале XXI в. опубликовал несколько монографий, посвящённых истории Японских островов в период Кофун. Работа «Древние курганы Восточной Японии и правительство Ямато» [307] представляет собой блестящий образец выполнения регионального исследования культуры Кофун. Ооцука рассматривал непосредственную взаимосвязь между существованием квадратно-круглых и квадратно-квадратных курганов и усилением политической власти Ямато в Восточной Японии, а также подробно описал характерные черты кофун с высту-

пами, возводившихся в регионе Канто: [307, с. 53, 157, 245]. Годом позднее в коллективной монографии «Японские острова в период Кофун» Ооцука, следуя новым тенденциям в японской историографии культуры Кофун, подготовил главу о нынешнем состоянии изучения курганного периода и его перспективах в XXI в. Наиболее актуальным направлением исследований, по его мнению, является дальнейшее изучение *дзэнно:ко:энфун* в их связи с политическим режимом Ямато [306, с. 311, 331].

Продолжает научную деятельность и Цудэ Хироси, выпустивший в 2011 г. монографию «Когда возникло древнее государство?» [344]. Данная работа является логическим продолжением исследований учёного, проводившихся с 1980-х гг., в которых курганная культура была ключом к пониманию процесса образования государства на Японских островах. Появление государства Ямато не было мгновенным и единовременным явлением, и, с точки зрения Цудэ, начался данный процесс ещё в период Яёй, а принимать определённые черты стал с появлением первых курганов в форме «замочной скважины» и треугольных бронзовых зеркал. Великие изменения в восточноазиатском пространстве, появление Яматай и его взаимодействие с материковыми культурами, генезис, развитие и «смерть» культуры Кофун – всё это Цудэ считает главными факторами, способствовавшими появлению и быстрому развитию государства Ямато. Кофун как способ возвысить фигуру правителя и его социальный статус были актуальны только на ранних этапах развития японского государства; к VII в., по мнению Цудэ, появились другие, более эффективные методы утверждения своей власти [344, с. 42, 56, 70, 84, 106].

Помимо отдельных авторов, над исследованиями культуры Кофун работают и научные коллективы, в том числе сотрудников музеев и культурных фондов. Например, в 2005 г. Музей лошадей в Иокогаме выпустил небольшую работу «*Ханива ума*» («*Ханива* в виде лошади»), в которой ёмко изложена информация о материковых «предшественниках» *ханива* данной формы – керамических конях из китайских захоронений – а также о процессе появления лошадей на Японских островах в ранний период культуры Кофун, мифе о причинах возникновения *ханива* в Японии и методике изготовления данных керамических изделий [339, с. 7, 11, 17,

32]. Главное достоинство подобных работ – богатый иллюстративный материал, позволяющий исследовать внешние особенности артефактов на расстоянии.

Хиросэ Кадзуо (род. 1947) – японский археолог и историк, выпустивший в 2000-е гг. несколько монографий по вопросам культуры Кофун. Жизненный путь Хиросэ, родившегося в Киото, окончившего Университет Досия и затем работавшего в префектурах Осака и Нара, показателен, т.к. благодаря опыту жизни и работы в данных регионах он смог стать специалистом не столько по региональным особенностям курганной культуры, сколько по общепонским тенденциям развития культуры Кофун. В своей работе «Эпоха квадратно-круглых курганов» [342], опубликованной в 2010 г., Хиросэ сумел кратко и обстоятельно обозначить итоги исследований по следующим вопросам:

- виды, формы захоронений, места размещения курганов;
- сравнительная характеристика корейских и японских курганов;
- религиозные представления населения Ямато, в том числе взгляды на бытие души и её загробное существование, роль курганов и окружавших их *ханива* в синтоистских обрядах;
- методы интерпретации и особенности внутреннего оформления кофун, в том числе красочного декора, фресок и рельефных изображений;
- реальная картина раннегосударственной власти в начальный период Кофун (на основе анализа крупнейших скоплений курганов в регионе Кинки);
- региональные тенденции в развитии культуры Кофун (пересечение с северной культурой Эпи-Дзёмон, проникновение традиции возведения курганов на север и северо-восток в поздний период Кофун и т.д.) [342, с. 18–22, 31–45, 70–81, 167–169].

Представитель осакской школы исследований культуры Кофун Хабута Ёсиюки (род. 1951) в 2000-е гг. продолжает исследования курганной культуры Японии, пополнив историографию культуры Кофун обобщающими работами по основным вопросам изучения курганной культуры на Японском архипелаге. К числу таких работ относится монография «Введение в исследования кофун в Японии» (2003 г.) [338] и «Кофун» [337], опубликованная в 2011 г. «Введение в исследования

кофун в Японии» – это коллективная монография, в которой Хабу́та выступил не только в роли главного редактора, но и автора многих глав книги. В работе рассматривается три основных проблемы: понятие «кофун» в японской исторической науке, региональные особенности культуры Кофун и специфика отдельных элементов погребального инвентаря. Попытки осмысления самого термина «кофун» прослеживаются на протяжении всей истории изучения курганов в Японии, и тот факт, что Хабу́та вновь поднимает этот вопрос как ключевой в своей работе, свидетельствует о том, что даже в XXI в. японские исследователи продолжают работать над теми же проблемами, что и в конце XIX и в середине XX вв.

Во «Введении в исследования кофун в Японии» Хабу́та отмечает, что в последние годы на вопрос «Что такое кофун?» часто можно услышать гораздо более детализированный ответ, нежели «древняя могила, покрытая земляным курганным холмом». Заметным отличием данной работы является то, что Хабу́та не просто предлагает собственный вариант определения термина, но анализирует его до- и послевоенную трактовку. По сути, Хабу́та проводит историографическое исследование данного вопроса: от определений 1920–1930-х гг. он плавно переходит к послевоенным взглядам Кобаяси Юкио и Кондо Ёсиро: и особенностям восприятия китайских курганов Нисидзима Садао. Резюмируя все подходы, Хабу́та приходит к выводу, что кофун – это не просто курганная насыпь над гробницей, а символ, отражающий как политическую власть раннего Ямато, так и сам характер древней Японии [338, с. 6–11]. Подобные исследования являются принципиально новыми для японской историографии культуры Кофун, так как внимание в них сосредоточено на сравнительном анализе подходов японских учёных к изучению курганной культуры до и после Второй мировой войны; для накопления необходимого материала для сравнения потребовалось много времени, за которое японское общество пережило серьёзные преобразования.

Свой взгляд на курганы как символ политической власти Хабу́та развивает в монографии «Кофун»; в данной работе учёный описывает, как с точки зрения анализа кофун исследователь может изучать политические структуры древней Япо-

нии. При этом данную проблему исследователь вновь рассматривает и в историографической перспективе, обращаясь не только к терминологии Кобаяси Юкио, но и к современному состоянию теории бронзовых зеркал, отлитых в одной форме (*до:ханкё:*). От историографии Хабута переходит к собственным аргументам в пользу своей теории; в данном разрезе он изучает значение курганов в форме «замоной скважины» в культуре Кофун, патрилинейность японской императорской власти, прослеживаемую по кофун, и многое другое. Ключевым фактором, определяющим локализацию политической власти в Ямато в определённый период, Хабута считает перемещение мест захоронений японских государей из одной местности в другую, а несомненный центр политического и культурного влияния, по его мнению, находится в Кинки – средоточии крупнейших *дзэнно:ко:энфун* в Японии [337, с. 54–72]. На самом деле, данные факты привлекали внимание не только японских, но и зарубежных исследователей культуры Кофун (например, Дж. Барнс), которые приходили к аналогичным выводам, однако в сочетании с историографическим исследованием работа Хабута имеет большую ценность для японской исторической науки. Кроме того, в данной монографии подняты редко затрагиваемые в общих работах по культуре Кофун проблемы: специфика курганных кладбищ, характерных для позднего периода культуры Кофун, и *сютё:бо* – захоронений, в которые помимо покойного помещались живые люди, призванные сопровождать почившего государя в загробной жизни [337, с. 32]. Последний вопрос долгое время был остро дискуссионным из-за явного несоответствия археологических данных и упоминаний о человеческих жертвах в «Нихон сёки».

Ещё одним примером, подтверждающим тезис о том, что в XXI в. японские исследователи стали уделять больше внимания описанию историографии изучаемого вопроса, является монография Маруяма Рю:хэй «Гигантские курганы и народ древности» [283]. В 1970–1990-е гг. было опубликовано множество работ со схожими названиями и, следовательно, аналогичным объектом исследования, например, монография Цудэ Хироси «Правители и народ в эпоху Кофун». Маруяма, очевидно, пришёл к выводу, что для достижения новых результатов в изучении по-

ставленной проблемы необходимо описать степень изученности и актуальность исследования. По этой причине его работа, как и описанная выше монография Хабута, начинается с небольшой главы о предыдущих исследованиях, их результатах и дискуссионных моментах, оставшихся нерешёнными по сей день [283, с. 9]. Такой подход в условиях сформировавшихся взглядов на специфику ранней японской истории позволяет учёным не только дополнять имеющиеся теории, но и формировать новые, постоянно расширяя представления о культуре Кофун и эпохе курганов в целом.

Изучением особенностей курганных кладбищ и поздней культуры Кофун занимается Ясумура Сюдзи (род. 1960); опубликованная в 2008 г. монография «Исследование курганных кладбищ и поздних кофун» [347] представляет собой результат досконального исследования феномена курганных кладбищ и боковых захоронений *ёкоанабо* на Японских островах. Согласно Ясумуре, появление и развитие курганных кладбищ непосредственно связано как с восприятием материковой традиции сооружения коридорных гробниц, так и с широко распространёнными в Японии в III–VII вв. массовыми боковыми захоронениями в холмах [347, с. 13–15], которые ещё со времён Цубои Сё:горо: рассматривались как отдельная часть культуры Кофун. На примере конкретных курганных скоплений и *ёкоанабо* Ясумура изучил методы строительства данных сооружений, их хронологию и генеалогию, создав комплексный взгляд на различные варианты погребений культуры Кофун.

Именно VII в., по мнению Ясумура, стал временем, когда культура Кофун навсегда ушла в прошлое; это была эпоха серьёзных потрясений, связанных как с политическими (централизацией государства, усилением взаимоотношений с соседними материковыми странами), так и религиозными процессами – распространением буддизма, массовым строительством буддистских храмов [347, с. 3]. В таких условиях произошло изменение сознания в японском обществе, и грандиозное захоронение перестало быть символом престижа и политической власти. Изучение процесса упрощения курганов и их исчезновения как способа погребения стало ключевым для Ясумура в понимании общественно-политических процессов в

Ямато в VII в. Как отмечалось ранее, данная проблема достаточно редко поднималась в японской историографии до рассматриваемого периода, что объясняется гораздо более осязаемым интересом исследователей к крупнейшим кофун и региональным тенденциям развития курганной культуры в Японии. К XXI в. данные направления были не просто сформированы, но и подробно разработаны, в связи с чем многие учёные в наши дни обращаются к проблеме позднего периода культуры Кофун.

Представление об основных направлениях исследовательских работ в 2010-х гг. дают тематические разделы «Тенденции в археологии Японии» в англоязычном журнале «Japanese Journal of Archaeology», издаваемом при поддержке Японской археологической ассоциации. Например, краткий отчет о работе в 2014 финансовом году, представленный Накакубо Тацуо в данном журнале, позволяет узнать о том, что исследователи проводили повторную экспертизу датировки и корректировку хронологии, изучение процессов строительства могильных курганов и погребальных сооружений, осмотры и фиксирование декорирования кофун. Работы велись также в области выяснения социального статуса захороненных, типологии погребального инвентаря и глиняных фигурок *ханива*. Отдельные исследования посвящены изучению внешнеполитических сношений с государствами и протогосударственными образованиями Восточной Азии, динамике расселения мигрантов с материка по Японскому архипелагу и т.д. [109, с. 99].

Дзёкура Масаёси в 2018 г. в аналогичном отчете указывает, что в 2010-х гг. значительно увеличились объёмы обзорных отчётов о раскопках и их публикация, что способствует как переоценке предыдущих результатов исследований, так и сохранению и документированию археологических памятников. Помимо отчётов увеличивается количество представленных на симпозиумах и научных собраниях компиляционных работ. Процесс постепенного накопления информации о культуре Кофун, по мнению Дзёкура, является сильной стороной изучения данного периода в истории Японии. Помимо обработки ранее полученной информации в 2010-х гг. в археологию плотно входят новейшие технологии: 3D-моделирование и трёхмерная съёмка археологических артефактов, использование георадаров и т.д.

Важным моментом является цифровое архивирование отчётов о раскопках – это позволяет обеспечивать исследователям из Японии и других стран быстрый доступ ко многим ранее недоступным материалам по культуре Кофун [99, с. 69].

Опубликованные отчёты о результатах раскопок курганов также остаются важным источником, позволяющим делать выводы о том, на каком этапе развития находится японская историческая наука и археология в настоящее время. Например, отчёт о раскопках кургана *Китора*, вышедший в свет в 2008 г. [30], представляет собой результат многолетних исследований одного археологического памятника; особенностью японской археологии в целом является постепенное и очень размеренное изучение выбранного памятника, раскопки которого могут продолжаться много лет подряд, если не носят спасательный характер.

Последствия постоянных стихийных бедствий, участившихся в последние годы в связи с климатическими изменениями, также формируют отдельное, прикладное направление в изучении кофун. Например, вышеупомянутый Дзёкура пишет, что землетрясение, произошедшее в преф. Кумамото в 2016 г., нанесло серьёзный ущерб курганам того региона, в том числе имевшим сохранившиеся декоративные элементы (кладку, фрески и т.д.), сопоставимый с ущербом от Великого землетрясения в Восточной Японии в 2011 г. Помимо реставрационных работ исследователи проводят мероприятия по предотвращению разрушений культурного наследия в случае новых стихийных бедствий [99, с. 69].

Сэйкэ Акира (род. 1967) – ещё один представитель школы исторических исследований культуры Кофун в г. Осака – в настоящее время занимается исследованием культуры Кофун с точки зрения захоронений людей с учётом их социального статуса. В своей работе «Период Кофун с точки зрения захоронений женщин, родственников и императоров», изданной в 2018 г., Сэйкэ постарался ответить на несколько вопросов: кем были люди, которые были удостоены чести быть похороненными в кофун, каковы принципы захоронения в японских курганах, и как часто встречается феномен двойного захоронения. Сэйкэ также начинает работу с рассмотрения имеющихся на момент написания работы результатов исследований

других учёных, обращаясь как к историографии вопроса, так и к проблемам терминологии и интерпретации полученных данных. Монография построена на анализе как костных останков, так и археологических материалов – погребального инвентаря, саркофагов, *ханива* и т.д. Сэйкэ отдельно рассматривает захоронения могущественных кланов и императорской семьи, так как происходившие на протяжении периода Кофун изменения в курганах знати и правителей отличаются [325, с. 6, 17, 28, 58, 98, 146]. Работа отражает все основные тенденции развития японской историографии культуры Кофун в XXI в.

Вада Сэйго (род. 1948), представитель киотской школы исследований кофун, продолжающий свою научную деятельность в 2010-е гг., рассматривает остро дискуссионные вопросы о системе погребения в период Кофун и представлениях жителей древнего Ямато о загробной жизни и потустороннем мире. Несмотря на то, что Вада, казалось бы, снова возвращается к достаточно хорошо изученной в 1970–1990-е гг. проблеме способа захоронения в кофун (устройство погребальной камеры, типы саркофагов, разнообразные похоронные обряды), он анализирует её с точки зрения выражения взглядов японского народа на жизнь после смерти через создание определённых ритуалов. В связи с этим Вада сначала даёт краткую характеристику эволюции похоронного ритуала на Японских островах, останавливаясь на строительстве курганов и их особенностях, а затем переходит к исследованию новой проблематики, вводя в научный оборот новую типологию саркофагов, в которой основанием для выделения типа являются не внешние характеристики гроба, а возможность его перемещения. Таким образом, Вада рассматривает способы окончательного помещения саркофага в курган в зависимости от типа погребальной камеры (горизонтальной или вертикальной), а также переносные саркофаги [232, с. 21–37].

Вада анализирует и то, как отражает представления о загробной жизни выбор открытого либо закрытого саркофага, проводя параллели с выбором саркофагов в Восточной Азии в целом (различных регионах Японии, Китая и Корейского полуострова). Вада также предпринимает попытку обозначить две характеристики кофун, которые объясняют этот способ захоронения с точки зрения религии. Эти

религиозные аспекты, по мнению Вада, становятся очевидными только со второй половины раннего периода культуры Кофун, т.к. до этого общий (стандартный) облик кургана в общепонском масштабе неочевиден. Однако уже начиная с IV в. курганы воспринимаются японцами с двух позиций. С одной стороны, кофун – это могила, гробница, место упокоения, то есть нечто, принадлежащее этому миру. С другой стороны, похоронный ритуал направлен на то, чтобы максимально имитировать загробный мир, это проявляется и в выборе формы саркофага, и в сопроводительном инвентаре, и в оформлении кофун. То есть кофун может восприниматься и как нечто уподобляемое иному, загробному миру. Эта двоякость восприятия с точки зрения религиозного сознания, по мнению Вада, является важной характеристикой японских курганов [232, с. 152–153].

Особенности развития культуры Кофун в Восточной Японии посредством изучения *ханива* региона То:гоку в начале 2000-х исследовал Сугияма Синсаку. Его монография «*Ханива* региона То:гоку и общество в поздний период Кофун» [322] даёт читателю целостное представление о феномене *ханива* в японской культуре, подводя итог всем исследованиям глиняных фигурок III–VII вв., проводившимся в XX в. Объектом исследования Сугияма выступают *ханива*, имеющие определённую форму (т.е. не цилиндрические); в том числе на основе интерпретации одежды и поз фигурок исследователь смог сделать определённые выводы о профессиях изображённых людей и, следовательно, о структуре древнеяпонского общества. Подобные исследования являются наглядным примером того, как изучение отдельных групп артефактов из кофун может формировать представление о социально-экономической и политической сферах жизни общества.

Сугияма определил основные направления своего исследования следующим образом: обычаи и традиции периода Кофун с точки зрения анализа *ханива*, особенности изображений лошадей и всадников в древнеяпонской культуре, военное дело в Ямато, реконструкция одежды жителей Японского архипелага III–VII вв., изготовление *ханива* (процесс производства, техника изготовления и копирования, возможность ремонта повреждённых изделий, места производства и ремесленные объединения по изготовлению *ханива*), изменения в выстраивании линий глиняных

фигурок вокруг курганов в течение периода Кофун, перемещение *ханива* по территории Ямато (как готовых изделий, так и мастеров), учреждения в древнеяпонском государстве, связанные с производством *ханива* [322, с. 5, 23, 27, 39, 49, 61, 68, 88, 93]. Сравнительные исследования *ханива* из разных регионов способствовали формированию взгляда на региональные школы производства *ханива* и влияние местных традиций на технологию изготовления глиняных фигурок; те же изображения лошадей имеют ярко выраженную специфику (соотношение длины и ширины ног, форма морды, наличие проработки деталей упряжи и т.д.), которая позволяет безошибочно определить, в Западной или Восточной Японии было создано изделие.

Сравнительно-типологические исследования *ханива* нашли своё отражение в коллективной монографии «Гробницы государей и те, кто им служил», подготовленной японскими специалистами совместно с исследователями из Китая и Кореи. В данной работе авторы постарались сопоставить все известные скульптурные изображения людей, обнаруженные в гробницах правителей древних государств не только Восточной Азии (Японии, Китая и Кореи), но и всего остального мира – Америки, Египта и т.д. Настолько широкий охват культур является необычным явлением для японской историографии, однако в этом прослеживается отношение авторов к японской курганной культуре как к одной из древних и обладающих большим влиянием на развитие Восточной Азии. *Ханива* и аналогичные им изображения людей из захоронений интерпретируются исследователями с точки зрения представлений о смерти в рассматриваемых странах; посредством изучения японских глиняных фигурок сделаны выводы о структуре японского общества, статусе женщины в III–VII вв. и многом другом. Вновь поднят вопрос о наличии *дзэнно:ко:энфун* и *ханива* на Корейском полуострове – таким образом, авторы вновь пытаются опровергнуть автохтонную теорию происхождения курганной культуры на Японских островах [331, с. 4, 22, 38, 53, 62, 75]. Монография олицетворяет новое направление в изучении культуры Кофун, характерное для XXI в. – с поиском культурных взаимосвязей и аналогов по всему миру, целью которого является нахождение места японской культуры в мировой истории.

Хо:дзё: Ёситака (род. 1960) занимается использованием смежных наук в изучении японских курганов и периода Кофун в целом. Например, в работе 2017 г. «Направление курганов и солнце» [343] он анализирует выбор направления кофун и местонахождение входа в погребальную камеру относительно сторон света. Ориентация кофун и направление входа в курган относительно сторон света интересовали исследователей с самого начала научного изучения японской курганной культуры; описывая кофун, учёные помимо внешних и внутренних характерных черт и размеров всегда указывают, как курган расположен на местности относительно сторон света. Солнце и его положение относительно входа в усыпальницу имело важное значение, т.к. именно от солнечной богини Аматэрасу, согласно мифам, ведёт своё начало японский императорский род.

Работа «Направление курганов и солнце» является ещё одним подтверждением тезиса о том, что в XXI в. японские исследователи культуры Кофун стали уделять пристальное влияние историографии рассматриваемой проблемы: в первую очередь Хо:дзё: изучает историю исследования вопроса ориентации курганов относительно сторон света, уделяя основное внимание *дзэнно:ко:энфун* [343, с. 9–10]. Обозначив таким образом основные опорные точки и сформировавшиеся в японской историографии теории, Хо:дзё: переходит к необычному для японских исследований сравнению японских курганов не с восточноазиатскими, а со Стоунхенджем – в контексте исследований по ориентации данного памятника культурного наследия относительно сторон света [343, с. 33, 46]. Только после этого автор целиком погружается в изучение роли направления курганов и входа в них в периоды Яёй и Кофун [343, с. 89]. Таким образом, работа примечательна не только глубоким анализом историографии вопроса, но и выходом сравнительного анализа далеко за пределы Восточной Азии. Рассмотрение вопросов внедрения «астрономической археологии» в японскую науку, взаимосвязи археологических памятников и окружающего ландшафта, а также сакральной роли солнца и вулканов в древнеяпонском обществе вынесено Хо:дзё: в отдельную статью «Курганы, вулканы и солнце», опубликованную в том же году [177, с. 97].

Вопросы культурного взаимодействия между разными частями Ямато и региональные особенности курганов в Канто: нашли отражение в историографическом наследии Хидай Кацухито (род. 1957), в том числе в опубликованной в 2004 г. работе «Культурный обмен керамики в период появления культуры Кофун и его принципы» [341]. Изучение культурного взаимодействия между отдельными территориями древнего японского государства имеет важное значение; находки керамики одного типа с аналогичным декоративным исполнением в разных регионах свидетельствуют о наличии торговли, путей сообщения и экономической взаимосвязи как центра и периферии Ямато, так и периферийных районов друг с другом. Отведя отдельную главу генеалогии японской керамики и этапам её развития, Хидай рассматривает взаимосвязь перемещений керамических изделий с переселением людей, подробно останавливаясь на примере распространения керамики в Восточной Японии в период Кофун, типологии и принципах этого «движения» [341, с. 127, 151]. Подобные исследования делают возможными реконструкции древних сухопутных и морских путей и дают представление о степени контактов японских провинций в III–VII вв.

Промежуточные результаты исследования культуры Кофун в XXI в. также публикуются в научных изданиях, чему способствует современная обстановка в академической среде: ежегодное увеличение числа научных журналов и требования публикационной активности в рамках выполнения заданий по грантам и работы в научно-исследовательских учреждениях. Научные журналы формируют и тематические выпуски, посвящённые периоду Кофун [159]. Разумеется, тематика статей по сравнению с публикациями XX в. характеризуется заметным сужением предмета исследования, хотя встречаются и публикации, представляющие собой обзоры археологических раскопок. При этом практическая значимость публикуемых результатов занимает важное место; например, Сэгава Ю:тиро: в 2020 г. в статье «Курган *Такаосан* у юго-восточного подножия горы Фудзи. Открытие древнейшего кофун и его сохранение» не только описывает ход археологических раскопок и обнаруженные артефакты, но и обращается к проблеме сохранения кофун в современных условиях, анализируя существующие дороги и возможные варианты

развития автотрасс в будущем с учётом местоположения кургана *Такаосан* [161, с. 39, 48].

Исследование отдельно взятого кургана в работе «Государь Вакатакэру и его эпоха: курган *Сайтама Инарияма*» позволило Огава Рё:сукэ, Кано: Хисаси и Такэхико Ёсимура создать образ эпохи правления императора Ю:ряку – состояние политической власти, связь между центром и периферией, развитие ремёсел и верховой езды, развитие культуры Кофун в Кинки и многое другое [302, с. 99, 163]. Подобные исследования проводились в конце 1990-х гг. Кадоваки Тэйдзи, который на основе анализа кургана *Имасиродзука-кофун* изучал правление императора Кэйтай [266, с. 5, 27]. Региональные исследования культуры Кофун нашли своё отражение и в научных статьях; например, Томохиро Тэцуя опубликовал в 2003 г. результаты исследования развития курганной культуры и древнеяпонского общества в Северном Канто:.. Если раньше считалось, что находки керамики, характерной для другого региона, свидетельствуют о перемещении людей по Ямато, то Томохиро считает иначе: подобные артефакты говорят о взаимодействии людей, наличии путей сообщения и торговли. В связи с этим формирование региональной специфики происходило не только за счёт непосредственного привнесения образцов культуры, но и внешнего воздействия и постепенного их восприятия. При этом даже для столь отдалённой от материка префектуры, как Гумма, Томохиро рассматривает высокую степень вероятности взаимодействия жителей данной местности с материковыми культурами Китая и Кореи [163, с. 71–74]. Новый взгляд на многие аспекты культуры Кофун характерен для большинства рассмотренных работ, опубликованных в XXI в. Изучение региональной специфики курганной культуры на материале керамики типа *суэки* также представлено в работе Гото: Кэнъити «Разбор и унификация регионального распределения на примере керамики *суэ*, извлечённой из курганов: тематическое исследование *суэки*, раскопанной в курганах VI–VII вв. в западной части провинции Суруга» [120].

Необходимость сохранения курганов и их скоплений связана с признанием ценности региональных особенностей развития культуры Кофун на Японских ост-

ровах. Данное направление исследований активизировалось в конце XX в. с опубликованием коллективной монографии сотрудников Археологического института Касихара «Когда исчезнут кофун» [277]. Цутия Масаоми посвятил взаимосвязи данных проблем свою статью «Попытка движения в защиту культурных ценностей и история регионального развития: в центре внимания раскопки кургана *Сандзэн-дзука*». На примере *Сандзэн-дзука* (преф. Сайтама) Цутия рассматривает проблему сосуществования городской среды и курганов в контексте взаимодействия местных элит и центрального правительства Японии; кроме того, в статье исследованы причины спада общественного интереса к раскопкам кофун, который наблюдался в 1960–1970-е гг. [185, с. 69–70]. Значимость курганов – ключевое слово во многих публикациях XXI в. [104, с. 41].

Отани Масахико в 2014 г. опубликовал монографию «Исследование современного состояния сохранения курганов» [308], в которой обозначил основные трудности, возникающие у специалистов по сохранению культурного наследия периода Кофун, изучил историю формирования законодательства в области сохранения курганов в Японии и меры, предпринимаемые центральным и местными правительствами для защиты кофун от разрушений, а также современные проблемы управления памятниками, представляющими историческую и культурную ценность для общества [308, с. 21, 34, 45, 57, 65, 92]. Увеличение количества работ, посвящённых тематике сохранения кофун в Японии, свидетельствует о том, что проблема имеет тенденцию усугубляться, и публикации японских учёных – способ побороть порочную практику пренебрежения культурным наследием во имя экономической выгоды.

В настоящее время исследования курганов в Японии редко вызывают общественный резонанс и привлекают к себе столь пристальное внимание СМИ, как это было в послевоенные десятилетия. Однако в сложившихся условиях региональная школа исследований культуры Кофун не исчерпала исследовательский запал за более чем полувековое существование, а, напротив, получила новый импульс развития в 2000–2010-е гг. Например, процесс включения курганов *Модзу-Фуруити* в

список ЮНЕСКО повлѣк за собой активизацию исследовательского интереса к данным скоплениям. В 2016 г. Итиносэ Кадзуо опубликовал монографию «Скопления курганов *Модзу* и *Фуруити*. Гигантские скопления курганов в Восточной Азии», в которой подчѣркивал уникальность данных памятников материальной культуры как в японском, так и в мировом масштабе [265, с. 10].

В исследованиях курганов продолжают использовать новые, передовые научные методы, позволяющие добиться точной датировки материалов и даже обследовать курганы без проведения раскопок. В статье Исигуро Кацуми из Археологического института Касихара (преф. Нара), опубликованной в 2018 г., описано применение метода мюонной радиографии в изучении кургана *Касуга*. Данный метод позволяет без вскрытия кофун определить наличие и местоположение погребальной камеры, а также её размеры, что заметно упрощает дальнейший комплекс археологических исследований и даёт представление о масштабах работ [129, с. 258]. Внутренние помещения исследуются с помощью анализа изотопов различных химических элементов, содержащихся в фресках и настенных росписях [106, с. 1]. Применение естественнонаучных методов в изучении культуры Кофун, начавшееся ещё в середине XX в., в настоящее время выходит на ведущие позиции. Период Кофун в связи с этим становится пространством для исследований не только археологов, но даже врачей и биологов: например, группа исследователей по главе с Фудзита Хисаси занимается изучением заболеваний зубов у жителей древней Японии на основе анализа останков из курганных захоронений [93, с. 262]. Мицумото Дзюн предпринимает попытки изучения гендерных проблем в японском обществе периода Кофун, что соответствует современной повестке в зарубежной науке [107, с. 189–190], а Мидзогути Кодзи применяет сетевой подход при анализе формирования древнеяпонского государства [108, с. 14].

Подводя итоги, следует отметить, что в последние годы исследовательские возможности для специалистов по культуре Кофун расширяются; применение новейших методов изучения археологических памятников позволяет проводить более точные анализы и датировки курганов. Обширность и многогранность историографии культуры Кофун, сформировавшейся за полтора века, вовсе не ограничивает

исследователей в выборе предмета исследования; несмотря на то, что по всем основным аспектам изучения японской курганной культуры уже опубликованы фундаментальные труды, разработка всех основных направлений исследований, в том числе региональных, активно продолжается, о чём можно судить на основании ежегодного роста количества публикаций японских учёных.

В XXI в. исследователи курганов редко предпринимают попытки создания классификаций или типологий, так как таковые не просто были созданы в XX в., но и многократно доработаны и переработаны; в последние годы больший упор в монографиях по культуре Кофун делается на историографию исследуемых в работах проблем, и это важный поворот для японской исторической мысли – переход к созиданию и осмыслению накопленных научных знаний. В то же время происходит и расширение научных горизонтов, т.к. всё чаще исследования культуры Кофун заходят в поиске аналогов и культурных связей всё дальше за пределы Японских островов, Восточной Азии и даже Евразии в целом. Если раньше изучение культуры Кофун было способом подчеркнуть свою идентичность и уникальность культурного развития, то в XXI в. в японской историографии культуры Кофун явно наметились тенденции к поиску места Японии во всемирном историческом процессе.

Японская историография культуры Кофун пережила свой расцвет именно в послевоенное время; демократизация и активный экономический рост способствовали интенсификации исследований в области истории древнего Ямато и курганной культуры на Японских островах. Расширение городской застройки и сети путей сообщения вынуждали проводить огромное количество спасательных работ, особенно в 1960–1970-е гг. Именно в этот период создают свои фундаментальные труды такие учёные, как Кобаяси Юкио, Мики Фумио, Мори Ко:ити, Кондо: Ёсиро:, Сираиси Таитиро:, Ооцука Хацусигэ и многие другие. Данные исследователи с различной степенью активности работали в течение всего рассматриваемого периода времени – с окончания Второй мировой войны до начала XXI в. И если 1950–1960-е гг. стали временем преобладания исследовательского авторитета Кобаяси Юкио, опубликовавшего в это время свои монографии «Беседа о кофун», «Исследования периода Кофун» и др., то в 1970–1990-е гг. каждая историческая

школа (в городах Осака, Нара, Токио и Киото) в лице своих представителей отличалась активной публикационной и научной деятельностью.

В 1990-е гг. после опубликования 13-томника «Исследования периода Кофун» японская историография культуры Кофун постепенно стала переходить в стадию спокойного и размеренного развития, следовавшего за бумом исследований в 1960–1980-е гг. Это было связано как с созданием огромного количества работ по культуре Кофун, охватывавших основной круг сформировавшихся ещё в период работы Гото: Сю:ити и Суэнага Масао проблем, так и с общим состоянием японской экономики (замедлением темпов экономического роста). В связи с этим в XXI в. исследования культуры Кофун развиваются в спокойных темпах; раскопки одних и тех же объектов в рамках выполнения заданий по научным грантам длятся по несколько лет, прежнего финансирования масштабных археологических изысканий уже нет. Работы Маруяма Рю:хэй «Гигантские курганы и народ древности», Сэйкэ Акира «Период Кофун с точки зрения захоронений женщин, родственников и императоров», Хо:дзё: Ёситака «Направление курганов и солнце» не только демонстрируют общее сужение предмета исследований в монографиях по культуре Кофун, но и стремление исследователей к фокусированию на изучении историографии поставленной проблемы с целью оценить актуальность исследования и его дальнейшие перспективы с учётом имеющихся результатов и методов их получения. Проблемы сохранения курганов в условиях роста городов и общего отношения к культурному наследию в Японии стали основой для работ Отани Масахико «Исследование современного состояния сохранения курганов» и Цутия Масаоми «Попытка движения в защиту культурных ценностей и история регионального развития: в центре внимания раскопки кургана *Сандзэн-дзука*», а также коллективной монографии сотрудников Археологического института Касихара «Когда исчезнут кофун?». Таким образом, в условиях сформированности основных теорий и взглядов на культуру Кофун исследователи в XXI в. сосредоточили своё внимание на изучении историографии и проблемы сохранения курганов, что можно считать наиболее актуальными направлениями в изучении культуры Кофун в настоящее время.

Заключение

Японская историческая наука прошла долгий путь развития в изучении культуры Кофун и соответствующего периода в истории Японии. Исследование курганной культуры было возможно на основе как письменных, так и археологических источников, и японские учёные в своих работах используют данные обеих групп источников в попытке найти реальные подтверждения рассказам о делах древности, отражённым в древних летописях Ямато, трёх корейских государств и многочисленных династий Китая. По результатам проведённой работы по анализу исследовательских работ японских учёных, посвящённых культуре Кофун на Японских островах, возможно сделать ряд основополагающих выводов:

1. Первые попытки научного осмысления проблем древней истории и курганной культуры были предприняты ещё в конце XVII в. Ооганэ Сигэсада, однако своё непосредственное развитие японская историография культуры Кофун получила под влиянием западноевропейских исследовательских традиций, привнесённых на Японские острова после реставрации Мэйдзи во второй половине XIX в. Изучение древней истории стало одним из способов утвердить истинную роль императора в японской истории и повысить его социальный престиж спустя долгие столетия существования системы сёгуната в Японии. Так как в 1850-е гг. в Японии не было собственной науки и, следовательно, методологии, с помощью которой было бы возможным проводить исследования кофун, большой вклад в развитие японской исторической науки и археологии внесли иностранцы, приехавшие на Японские острова после окончания политики *сакоку*. Особую роль в данном процессе сыграл англичанин Уильям Говланд, который заложил основы для изучения курганного периода в Японии. Работа Говланда «Дольмены и курганы Японии», опубликованная в Великобритании в 1897 г., стала первым масштабным исследованием кофун в мировой историографии, хоть и была подвергнута критике за достаточно примитивный подход к изучению курганов.

В это же время начинает формироваться японская национальная научная школа изучения культуры Кофун. Первым профессиональным японским исследователем курганной культуры следует считать Цубои Сё:горо:, который оказал огромное влияние на становление научной методологии в Японии. Цубои был единственным японским исследователем на протяжении многих лет, кто старался не только описывать исследуемые курганы, но и делать выводы, формировать классификации элементов погребального инвентаря и типологии кофун. Большую роль в становлении Цубои как исследователя сыграли его зарубежные поездки, в которых он знакомился с передовыми методами исследований, применявшимися западноевропейскими учёными в тот период. В силу того, что Цубои был первопроходцем в абсолютном большинстве предметных областей, связанных с культурой Кофун, круг его исследовательских интересов был необычайно широк, что нашло отражение в таких работах, как «Кофун в окрестностях Асикага», «Цукаана – не только пещера», «Исследование боковых захоронений в деревнях Куроива (район Ёкоми) и Китаёсими, преф. Сайтама», «Формы *магатама*» и многих других.

Среди японских исследователей, сыгравших важную роль в процессе становления японской историографии культуры Кофун, стоит также назвать Симомура Миёкити («*Тадзимано-кофун*»), Ооно Нобутаро: («Исследование декоративного оформления японских кофун»), Инудзука Матабэи («Кофун в провинциях Иваки и Ивасиро»), Миякэ Ёнэкиити («Примеры древних гробниц в Китае») и др. Научная работа перечисленных учёных способствовала оформлению к началу XX в. исторической канвы периода Кофун, на которую затем начали нанизывать открытия в отдельных областях исследования курганной эпохи. Проблематика научных работ была самая разнообразная – от особенностей курганов с настенными росписями на о. Кюсю до первых сравнений японских курганов с китайскими, хотя преобладали общие описания объектов культурного наследия периода Кофун и хода их изучения учёными-археологами и историками.

2. Существуют заметные различия в подходах японских исследователей, рубежом для которых является Вторая мировая война. Данные различия можно условно поделить на три вида: лингвистические, идеологические, а также различия

по части преобладания определённого вида публикаций над остальными в общей массе работ по японской курганной культуре. Если говорить о лингвистической составляющей, то здесь основой для возникновения некоего рубежа стала языковая реформа, проведённая в Японии во время послевоенной оккупации страны и направленная на упрощение языка. В связи с этим на современном японском языке исследователю доступны только те работы, которые были опубликованы с конца 1940-х гг., в то время как вся военная и довоенная историография культуры Кофун представлена на старояпонском языке. Лингвистическая сторона различий в довоенной и послевоенной историографии составляет большую проблему для исследователей культуры Кофун, т.к. если в Японии учёные знакомы с основными положениями реформы и способны адекватно воспринимать текст на старояпонском языке, то для зарубежных исследователей, в том числе российских, владение дореформенным японским языком является редкостью, а словари и переводчики составлены для использования при работе с современным японским языком.

Идеологические различия в довоенной и послевоенной историографии культуры Кофун объясняются тем фактом, что до Второй мировой войны изучение древнеяпонской истории было важно для поддержания статуса императора Японии как потомка легендарного Дзимму, происходившего от солнечной богини Аматаэрасу. Доказательство сакральной роли императора и поддержание соответствующего имиджа было важно как в ходе реставрации Мэйдзи, так и в последующие десятилетия, однако особенное усиление данной тенденции наблюдается в предвоенные годы, когда в условиях нарастания милитаризма в Японии японских учёных практически обязали ставить главной целью своих работ восхваление императорского рода. После окончания Второй мировой войны в японской историографии появились гиперкритические тенденции, связанные с полным переосмыслением довоенных достижений в области древней истории, в связи с чем многие источники были проанализированы заново в условиях отсутствия идеологического давления. 1940-е гг. стали тем временем, когда японские учёные начали постепенно переходить от публикации небольших работ в научных журналах к подготовке обширных монографий, объединяющих в себе как описание основных проблем и

направлений изучения кофун, так и полный анализ полученных в ходе раскопок материалов, а также его сопоставление с письменными источниками и данными о курганных культурах в других странах. Это объясняется тем, что в начале XX в. происходило постепенное накопление знаний о японской курганной культуре, и возможность систематизации полученных данных стала возможной только ближе к 1940-м гг., когда был сформирован основной каркас представлений о культуре Кофун.

3. В начале XX в. подавляющая часть публикуемых статей носила описательный характер без попытки предложить гипотезу или сделать собственные выводы, однако поднятая Кита Садакити проблема датировки кофун с помощью изучения только письменных источников послужила толчком на пути объединения истории и археологии в поисках объективного взгляда на культуру Кофун. В то же время заметна тенденция к систематизации имеющихся данных о культуре Кофун, что вылилось в создание первых типологий и классификаций курганов и элементов сопроводительного инвентаря японскими исследователями: Такахаси Кэндзи в монографиях «Кофун и культура древности» и «Ханива и украшения» представил собственный взгляд на типологию кофун по форме и ханива, в том числе отдельную типологию антропоморфных глиняных фигурок, Хаяси Каити в статье «О простой керамике из курганов Мино» предпринял первую попытку классификации древнеяпонской керамики эпохи Кофун, а Цубои Сёгоро: в работе «Формы *магатама*» выделил составные части изогнутых бусин и основанную на их особенностях типологию.

В работах других исследователей в основном рассматривались конкретные курганы, обнаруженные учёными случайно или в результате археологической разведки, которая стала одним из ведущих методов ранней японской археологии с 1900-х гг. В то же время у учёных в первые десятилетия XX в. формируются собственные интересы, поэтому Сибата Дзёэ в углубился в изучение корейских курганов и сравнительный анализ последних с японскими кофун, Вада Сэнкити изучал функции изогнутых бусин из японских захоронений и использование определённых материалов для их изготовления, а Ооно Унгаи рассматривал конструктивные

особенности погребальных камер. Первые научные монографии, посвящённые культуре Кофун, были подготовлены Такахаси Кэндзи – это упомянутые выше «Кофун и культура древности» и «Ханива и украшения», с которых началась публикация исследований по курганной культуре в данной форме. Работы Умэхара Суэдзи качественно отличаются от статей его современников; Умэхара не только обращается к историографии рассматриваемых проблем, но и подводит итоги в своих работах, стараясь сделать их максимально полезными для последующих исследователей. К концу 1920-х гг. японская историография культуры Кофун достигла значительных успехов в вопросах систематизации данных о данной культуре и создании первых типологий курганов и обнаруженных в них артефактов. Большим шагом вперёд был отказ от простого описания и переход к использованию анализа и сравнительно-типологического метода изучения кофун.

Наиболее важные результаты исследований в рассматриваемый период были достигнуты в 1930-е гг., когда работали такие известные археологи и историки, как Гото: Сю:ити, Суэнага Масао и Умэхара Суэдзи. Гото: был первым исследователем, проводившим свои изыскания с применением широкого круга источников и материалов; он также работал над созданием типологии элементов погребального инвентаря, подготовив работы по бронзовым зеркалам, наконечникам стрел, ханива – «Исследование ханива в форме домов», «Хронология древних наконечников стрел», «Зеркала в китайском стиле», «Становление древней японской культуры с точки зрения археологии», «Культура Кофун», «Изучение древнеяпонской культуры», «Японская археология» и др. Критика в его адрес за приверженность движению *ко:кокусикан* ни в коем случае не умаляет его вклада в систематизацию знаний о культуре Кофун в середине XX в. Работы Суэнага Масао «Древнеяпонское оружие» и «Древнеяпонские доспехи» также отличаются применением научной методологии и созданием новых классификаций оружия, которые с доработками применяются по сей день.

Исследования курганных культур Восточной Азии и Алтая, проведённые Умэхара Суэдзи в 1930-е гг., стали основой для формирования теорий происхождения культуры Кофун; данный вопрос интересовал исследователей ещё в конце

XIX в., однако уникальные данные, полученные Умэхара во время командировок в Корею и СССР, позволили учёному ввести в научный оборот ранее неизвестные достижения зарубежной археологии, значительно изменившие привычное восприятие культуры Кофун. К началу 1940-х гг. в японской историографии курганной культуры утвердились фундаментальные представления о периодизации культуры Кофун, формах курганов, вариантах внутреннего и внешнего устройства, типологии погребального инвентаря и других артефактов, которые обнаруживались при раскопках кофун, хотя в условиях усиления милитаризма в Японии все исследования в той или иной мере должны были быть направлены на формирование образа императора как основы существования и развития древнеяпонского государства; величественные царские курганы Японии помогали поддержанию данного образа.

4. Первые послевоенные десятилетия характеризуются активизацией исследований культуры Кофун на всей территории Японии. Резкое увеличение числа научных коллективов и проводимых исследований является следствием не только демократизации японского общества, но и стремительного экономического роста в послевоенной Японии, который поставил под угрозу существование многих курганов в связи с расширением городской застройки и путей сообщения. Законодательство в области охраны объектов культурного и природного наследия было скорректировано таким образом, что без проведения спасательных работ начинать строительство было запрещено; таким образом, резко возрос спрос на проведение археологических раскопок японских кофун, занимавших зачастую значительные площади. В данных условиях сформированный в первой половине XX в. каркас основных представлений о культуре Кофун стал стремительно обрастать данными с раскопок по всей стране, что положительно повлияло и на публикационную активность.

Ключевой фигурой в японской историографии культуры Кофун в 1950–1960-е гг. стал Кобаяси Юкио, создавший не только теоретическую основу для большинства направлений исследований, но и поднявший многие дискуссионные вопросы для обсуждения в академическом сообществе Японии. Работы Кобаяси «Эпоха

Кофун», «Монография по культуре Кофун», «Исследование периода Кофун», «Беседа о кофун», «Древние зеркала» и «Ханива» являются той прочной основой, на которой строятся все последующие исследования культуры Кофун. Его личность в японской историографии культуры Кофун, пожалуй, является наиболее значимой, о чём можно судить по многочисленным ссылкам на его монографии в работах последующих поколений исследователей. Несмотря на то, что его теории и созданные им типологии были в дальнейшем оспорены, дополнены или доработаны, именно Кобаяси Юкио стал тем, кто помог японским исследователям в послевоенные десятилетия выбрать собственные векторы развития научных изысканий.

5. В послевоенной Японии на волне подъёма исследований древней истории и культуры сформировались крупные научные школы изучения курганной культуры, существующие до сих пор. Основным критерием для выделения центров научных исследований культуры Кофун является географический; таким образом, в Японии существуют четыре основные школы – в г. Токио, Осака, Нара и Киото. В 1970-е гг. также получили своё развитие два основных направления исследований – региональные и общепонские, причём представители каждого разделились в зависимости от методологии исследования (изучать культуру Кофун можно как анализируя все курганы отдельного региона, так и выделяя несколько кофун как содержащие в себе все основные характерные черты рассматриваемой области).

Важнейшим представителем киотской школы исследования курганной культуры на Японских островах является Кобаяси Юкио, помимо которого школа изучения культуры Кофун г. Киото во второй половине XX – начале XXI вв. также включала в себя таких исследователей, как Мори Ко:ити («Изучение японских курганов», «Век курганов в форме замочной скважины», «Археология эпохи Кофун: симпозиум», «Гигантские кофун: гидростроительство и гробницы государей», «Археология и древняя Япония», «Эпоха Кофун», «Антология позднего периода Кофун», «Раскопки кофун», «Приглашение в императорские курганы»), Цубои Ки:ётари («Историческое развитие кургана *Госики-дзука*: использование фотограмметрии в археологии»), Кондо: Ё:сиро: («Эпоха Кофун», «Эпоха курганов в форме

«замочной скважины»)), Вада Ацуму («Эпоха Кофун»), Сираиси Таитиро: («Исследования периода Кофун», «Антология позднего периода Кофун», «Проблемы японской истории», «Археология эпохи Кофун», «Поздние курганы и древнее государство»), Хиросэ Кадзуо («Исследования периода Кофун», «Эпоха квадратно-круглых курганов»), Вада Сэйго («Система погребения и представления о потустороннем мире в эпоху Кофун») и др. Несмотря на то, что часть представителей данной школы занимались и региональными исследованиями (например, Мори Ко:ити в 1980-е гг. занимался редактированием и подготовкой работ по специфике развития культуры Кофун в регионах Японии), основная часть перечисленных исследователей занималась общепонскими вопросами – выработкой периодизации, хронологии, общего взгляда на возникновение и роль курганов в форме «замочной скважины» в истории Японии, взаимосвязью культуры и политической сферы в ранний период существования Ямато и т.д.

Столь же многочисленной является токийская школа исследований курганной культуры; в число её представителей входят Ооцука Хацусигэ («Большой словарь японских курганов», «Формирование и характеристика *дзэнпо:ко:хо:фун*», «Изучение японских курганов», «Эпоха Кофун», «Японские острова в период Кофун», «Древние курганы Восточной Японии и правительство Ямато», «Обзор железных мечей кургана *Инарияма*»), Мики Фумио («*Ханива*», «*Ханива*, зеркала, драгоценные камни, мечи»), Сайто: Тадаси («Культура Кофун и древнее государство», «Генеалогия росписи курганов»), Канаидзука Ёсикадзу («Изучение древней истории Восточной Японии: до и после появления кургана *Инарияма*», «Обзор железных мечей кургана *Инарияма*»), Одзаки Кисао («Беседа о кофун»), Кобаяси Сабуро: («Большой словарь японских курганов», «Курганы и императорская власть в регионах»), Моги Масахиро («Исследование мавзолеев эпохи Кофун», «Новый взгляд на культуру Кофун») и др. Данные исследователи в основном сосредоточены на общепонской проблематике исследований культуры Кофун, хотя удачный опыт региональных исследований есть у Канаидзука Ёсикадзу и Одзаки Кисао.

Токийская школа всегда была и остаётся одной из самых передовых как в применении новых методов, так и в количественных показателях результатов исследований.

К научной школе исследований культуры Кофун г. Осака относятся Фудзи Намото («Исследования кофун в Кавати»), Иноуэ Каору («Исследования кофун в Кавати»), Китано Кохэй («Исследования кофун в Кавати»), Цудэ Хироси («Исследования периода Кофун», «Когда возникло древнее государство?», «Правители и народ в эпоху Кофун»), Исино Хиронобу («Исследования периода Кофун», «История эпохи Кофун», «Археология ранних кофун и Ямато», «Общепонская хронология кофун»), Сэйкэ Акира («Период Кофун с точки зрения захоронений женщин, родственников и императоров»), Хабута Ёсиюки («Кофун», «Введение в исследования кофун в Японии»). Представители осакской школы славятся как региональными, так и общепонскими исследованиями; в последнем особенно отличился Исино Хиронобу, подготовивший фундаментальные работы по общепонской хронологии кофун и *дзэнно:ко:энфун*. Научная школа в г. Нара является самой небольшой, однако в городе действует Археологический институт Касихара, сотрудники которого с 1960-х гг. ведут активную деятельность в сфере региональных исследований культуры Кофун, сосредоточившись на своём ближайшем окружении. В число представителей школы г. Нара входят, например, Мидзуно Масаёси («Захоронения императоров: общий обзор») и Идзумори Ко: («Культура Кофун региона Кинки», «Артефакты, раскрывающие курганную эпоху Ямато»).

6. 1970–1990-е гг. характеризуются настоящим бумом исследований по истории древней Японии и культуре Кофун в частности; это связано с тем, что в период экономического роста, который начался в послевоенные десятилетия, активный процесс городской застройки продолжал требовать проведения срочных спасательных работ. Печальным последствием экономического роста в Японии стало уничтожение сотен памятников материальной культуры периода Кофун – курганы после изучения сравнивали с землёй и на их месте возводились здания, автотрассы и железнодорожные пути. В сложившихся условиях неудивительно, что интерес к кофун вырос не только в академической среде, но и среди простых людей. Ярким

проявлением данного процесса является так называемая «лихорадка *Такамацу-дзука*», когда за ходом раскопок данного кургана внимательно следили средства массовой информации, а через них – всё население Японии. Данный интерес не ослабевал до конца 1990-х гг., что привело к появлению большого количества исследователей культуры Кофун и просто любителей древней японской истории.

Именно в 1970–1990-е гг. было опубликовано максимальное количество монографий, энциклопедий и словарей по культуре Кофун, среди которых особенно выделяются отмеченные выше монографии Мори Ко:ити, Исино Хиронобу, Ооцука Хацусигэ, Цудэ Хироси, Кобаяси Сабуро:, Кондо: Ёсиро: и Сираиси Таитиро:. Работы данных исследователей отличаются комплексным подходом к проблеме формирования древнеяпонского государства и роли в данном процессе культуры Кофун, в особенности значимости курганов в форме «замочной скважины» в ходе установления социального статуса японской императорской семьи. Появление работ с заглавием «Проблемы японской истории» и «Новый взгляд на взгляд на культуру Кофун» свидетельствуют о достижении определённого информационного пресыщения в исследованиях культуры Кофун в 1990-е гг., что вылилось в появление новых тенденций японской историографии курганной культуры в XXI в.

Фундаментальным достижением японской историографии культуры Кофун является издание в начале 1990-х гг. 13-томного научного труда «Исследования периода Кофун», над созданием которого совместно работали сотни специалистов – историков, археологов, антропологов, религиоведов. «Исследования периода Кофун» объединили представителей всех крупнейших научных школ изучения культуры Кофун. Отражение каждой сферы жизни древнеяпонского общества в отдельном томе является наиболее удачным вариантом для создания комплексного взгляда на Ямато III–VII вв. Данная работа остаётся актуальной даже спустя тридцать лет после публикации.

7. В XXI в. исследования культуры Кофун в Японии продолжаются. На территории Японских островов всё ещё остаются тысячи необследованных курганов, раскопки и дальнейшее исследование артефактов которых имеют огромный потен-

циал для изучения древней истории Ямато. Одной из важнейших тенденций в японской исторической науке в последние двадцать лет стало повышение внимания учёных к историографии изучаемого вопроса, истории его исследования в Японии. Стоит отметить, что японские исследователи даже в этом случае остаются только в рамках своей страны, и о наличии исследований проблем ранней японской истории за рубежом не упоминают.

Ещё одной тенденцией, характерной для исследований кофун в 2000-х гг., является возведение в число наиболее важных аспектов проблемы сохранности курганов и их охраны как памятников культурного наследия. Важнейшими работами, посвящёнными данной проблеме, стали «Попытка движения в защиту культурных ценностей и история регионального развития: в центре внимания раскопки кургана *Сандзэн-дзука*» Цутия Масаоми, «Исследование современного состояния сохранения курганов» Отани Масахико и «Когда исчезнут кофун?», опубликованной Археологическим институтом Касихара. Экономический бум и небывалые темпы археологических раскопок, характерные для 1960–1990-х гг., с началом нового тысячелетия сошли на нет. Очевидно, для японских исследователей настало время пожинать плоды культурной политики второй половины XX в. и предпринимать все усилия для недопущения дальнейшего уничтожения курганов на территории Японии. Активно публиковались в первой четверти XXI в. также такие исследователи, как Хо:дзэ: Ёситака, Цудэ Хироси, Вада Сэйго, Мори Ко:ити, Сэйкэ Акира, Хабута Ёсиюки, Хиросэ Кадзуо и др.

В XXI в. исследователи уже не пытаются создавать фундаментальные труды по периоду Кофун – необходимая база была сформирована в течение второй половины XX в. Теперь на повестке дня использование новейших методов исследования, в особенности естественнонаучных, в том числе 3D-моделирование, анализ спутниковых снимков, применение радиорадара, химического анализа и т.д., а также проведение гендерных исследований. В данном русле работают учёные Исигуро Кацуми, Мицумото, Мидзогути Кодзи и др. Несмотря на то, что, казалось бы, всё о культуре Кофун уже сказано, у японской историографии курганной культуры огромные перспективы, и новое поколение исследователей оправдывает надежды

ушедших на покой в первое десятилетие XXI в. исследователей – Мори Ко:ити, Ооцука Хацусигэ, Сараиси Таитиро: и др.

Таким образом, за свою 150-летнюю историю существования историография культуры Кофун прошла долгий путь: от первых статей, носящих описательный характер, до фундаментальных трудов, подобных 13-томнику «Исследования периода Кофун». На пути японских исследователей постоянно возникали преграды и проблемы: в начале пути это было отсутствие выработанной методологии изучения культуры, затем – идеологическое давление на исторические исследования, а после войны – огромные темпы спасательных работ и необходимость обработки и анализа возрастающих с геометрической прогрессией объёмов данных. Несмотря на это, японские исследователи сумели сформировать комплексный взгляд на культуру Кофун и её роль в формировании первого японского государства и на каждый отдельный аспект данной культуры и региональную специфику её развития.

Исследования культуры Кофун с применением новейших методов датировки и интерпретации материалов обладают высокой степенью актуальности, так как благодаря ним происходит дальнейшее уточнение социально-экономических и политических процессов как на Японских островах, так и в Восточной Азии в целом в III–VII вв. Разрабатываемая в последние годы проблема сохранения курганов также нуждается в дальнейшем исследовании с целью максимального использования имеющихся ресурсов для предотвращения разрушения этих уникальных памятников старины. Уход многих японских учёных в историографические исследования в XXI в. в очередной раз подтверждает острую необходимость в этом направлении, что служит одним из оснований актуальности данной работы, ведь именно систематизация данных об основных направлениях изучения курганной культуры и их результатах является важнейшим залогом формирования площадки для дальнейших исследований культуры Кофун как в Японии, так и за рубежом. Результаты данного исследования представляются не менее важными и для российского японоведения, т.к. состояние разработанности тематики истории и культуры древней Японии периода Кофун остаётся недостаточно полным, особенно с точки зрения использования работ японских учёных.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3 т. Т. 2 / Н. Я. Бичурин. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950. – 334 с.
2. Ирён. Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса) / Ирён ; пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач ; Институт восточных рукописей РАН. – Санкт-Петербург : ИД «Гиперион», 2018. – 896 с.
3. Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 1: Летописи Силла. – Москва : Восточная литература, 2001. – 402 с.
4. Ким Бусик. Самгук саги. В 3 т. Т. 2: Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. – Москва : Восточная литература, 1995. – 319 с.
5. Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й / пер. со старояпон., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. – Санкт-Петербург : ШАР, 1994. – 256 с. – (Литературные памятники древней Японии. 2).
6. Манъёсю («Собрание мириад листьев») : в 3 т. Т. 1 / пер. с япон., вступит. ст. и комм. А. Е. Глускиной ; отв. ред. Н. И. Конрад. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1971. – 680 с.
7. Манъёсю: избранное / пер. с япон., сост., предисл., комм. А. Е. Глускиной. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1987. – 398 с.
8. Нихон сёки – Анналы Японии : в 2 т. Т. 1 : Свитки I-XVI / пер. со старояпон. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. – Санкт-Петербург : Гиперион, 1997. – 496 с. – (Литературные памятники древней Японии. IV.).
9. Нихон сёки – Анналы Японии : в 2 т. Т. 2 : Свитки XVII-XXX / пер. со старояпон. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. – Санкт-Петербург : Гиперион, 1997. – 432 с. – (Литературные памятники древней Японии. IV.).
10. Норито. Сэммё / пер. со старояпон., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1991. – 299 с. – (Памятники письменности Востока. 97.).

11. Сёку нихонги : Продолжение «Анналов Японии» / пер. со старояпон. А. Н. Мещерякова. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 328 с.
12. Ямато-моногатари / пер. с япон., исслед. и коммент. Л. М. Ермаковой ; отв. ред. В. Н. Горегляд ; Акад. Наук СССР, Отд-ние лит. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1982. – 232 с. – (Памятники письменности Востока. 70.).
13. A Diplomat in Japan. In two parts. Part II: The Diaries of Ernest Satow, 1870–1883. – Morrisville : Lulu Press, 2010. – 528 p.
14. Sir Ernest Satow's Private Letters to W. G. Aston and F. V. Dickins: The Correspondence of a Pioneer Japanologist from 1870 to 1918. – Morrisville : Lulu Press, 2010. – 346 p.
15. 古墳関連資料 / 国立歴史民俗博物館. – 佐倉 : 国立歴史民俗博物館, 2012. – 174 頁. [Материалы, связанные с кофун / Национальный музей истории Японии. – Сакура : Кокурицу рэкиси миндзоку хакубуцукан, 2012. – 174 с.] (на яп. яз.).
16. 大金重貞. 湯津神村車塚御修理. – 出版社なし, 1692. – 21 頁. [Ооганэ Сигэсада. Реставрация курганов Юдзуками-мура. – [б/и], 1692. – 21 с.] (на яп. яз.).

Энциклопедии и словари

17. Большая иллюстрированная энциклопедия. Искусство Японии. – Санкт-Петербург : СЗКЭО, 2018. – 264 с.
18. Iwao S. Biographical Dictionary of Japanese History / Seiichi Iwao. – Tokyo : International Society for Educational Information, 1982. – 655 p.
19. Papinot E. Historical and Geographical Dictionary of Japan / Edmond Papinot. – Ann Arbor : Overbeck, 1948. – 842 p.
20. Yamamoto T. Dictionary of Japanese Archaeological Terms / Tadanao Yamamoto. – Tokyo : Tokyo Bijutsu Publishing Co., 2001. – 293 p.
21. 水野清一, 小林行雄. 図解考古学辞典. – 東京 : 東京創元社, 1959. – 1056 頁. [Мидзуно С., Кобаяси Ю. Иллюстрированный археологический словарь / Сэйити Мидзуно, Юкио Кобаяси. – Токио : Токио согэнся, 1959. – 1056 с.] (на яп. яз.).

22. 日本古墳大辞典 / 大塚初重, 小林三郎, 熊野正也. – 東京 : 東京堂出版, 1989. – 639 頁. [Большой словарь японских курганов / Хацусигэ Ооцука, Сабуро: Кобаяси, Масая Кумано. – Токио : Токиодосюппан, 1989. – 639 с.] (на яп. яз.).
23. 日本史年表・地図 / 児玉幸多編. – 東京 : 吉川弘文館, 1995. – 132頁. [Таблицы и карты по японской истории / ред. Кодамо Ко:да. – Токио : Ёсикавако:бункан, 1995. – 132 с.] (на яп. яз.).

Отчёты

24. 東京府下の古墳 / 東京府 ; 後藤守一. – 東京 : 東京府, 1936. – 91 頁. – (東京府史蹟名勝天然紀念物調査報告書). [Древние курганы в префектуре Токио / Префектура Токио ; Сю:ити Гото:. – Токио : Токиофу, 1936. – 91 с. – (Отчёты об исследовании исторических, живописных мест и памятников природы префектуры Токио).] (на яп. яз.).
25. 上毛古墳綜覽 / 群馬県. – 前橋 : 群馬縣, 1938. – 630 頁. – (群馬縣史蹟名勝天然紀念物調査報告). [Исследование кургана Дзё:мо: / Префектура Гумма. – Маэбаси : Гумма-кэн, 1938. – 630 с.] (на яп. яз.).
26. 西都原古墳の調査 / 日本古文化研究所. – 東京 : 日本古文化研究所, 1940. – 51 頁. [Исследование курганов Сайтобару / Институт древней культуры Японии. – Токио : Нихон кобунка кэнкю:дзё, 1940. – 51 с.] (на яп. яз.).
27. 宇陀北原古墳 / 奈良県立橿原考古学研究所. – 大宇陀町 : 大宇陀町, 1986. – 211 頁. – (大宇陀町文化財調査報告書). [Курганы Уда китахара / Археологический институт Касихара, префектура Нара. – О:удатё: : О:удатё, 1986. – 211 с. – (Отчет об исследовании культурных ценностей города Уда)]. (на яп. яз.).
28. 斑鳩藤ノ木古墳概報: 第1次調査–第3次調査 / 奈良県立橿原考古学研究所編. – 東京 : 吉川弘文館, 1989. – 89 頁. [Отчёт об исследовании кургана Икаруга фудзиноки : исследования 1–3 / Археологический институт Касихара, префектура Нара. – Токио : Ёсикавако:бункан, 1989. – 89 с.] (на яп. яз.).

29. 高松塚古墳壁画調査報告書 / 高松塚古墳総合学術調査会. – 京都 : 便利堂, 1974. – 111 頁. [Отчёт об обследовании фресок кургана Такамацу-дзука / Комитет комплексных академических исследований кургана Такамацу-дзука. – Киото : Бэнридо, 1974. – 111 с.] (на яп. яз.).
30. 特別史跡キトラ古墳発掘調査報告 / 文化財研究所奈良文化財研究所. – 東京 : 文化庁, 2008 – 132 頁. [Отчёт о раскопках кургана Китора / Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей Нара. – Токио : Бункатё:, 2008. – 132 с.] (на яп. яз.).
31. 春日社古墳・鳥居塚古墳: 大野田古墳群発掘調査報告書 / 仙台市教育委員会. – 仙台 : 仙台市教育委員会, 1987. – 110 頁. [Отчёт о раскопках курганов скопления Оода: курганы Касугася и Ториидзука / Городской совет по образованию Сэндай. – Сэндай : Сэндайси кё:икуинкай, 1987. – 110 с.] (на яп. яз.).
32. 豊田大塚古墳発掘調査報告書 / 豊田市教育委員会. – 豊田 : 豊田市教育委員会, 1966. – 132 頁. [Отчёт о раскопках кургана Тоёта ооцука / Совет по образованию города Тоёта. – Тоёта : Тоёсаси кё:ику иинкай, 1966. – 132 с.] (на яп. яз.).
33. 見田・大沢古墳群: 菟田野町 / 奈良県立橿原考古学研究所. – 奈良 : 奈良県教育委員会, 1982. – 231 頁. [Скопления курганов Мита и Оосава: город Утано / Археологический институт Касихара, префектура Нара. – Нара : Нара-кэн кё:ику иинкай, 1982. – 231 с.] (на яп. яз.).
34. 梅原末治, 田沢金吾. 近畿地方古墳墓の調査 : 3冊. – 東京 : 日本古文化研究所, 1935–1938. [Умэхара С., Тадзава К. Исследование курганов региона Кинки : в 3 ч. / Суэдзи Умэхара, Кинго Тадзава. – Токио : Нихон кобунка кэнкю:дзё, 1935–1938.] (на яп. яз.).

Учебно-методические материалы

35. Историография и источниковедение изучаемого региона (Япония) : учебно-методический комплекс / сост. : д-р ист. наук, доц. Е. Э. Войтишек. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2011. – 108 с.

Диссертации

36. Гнездилова И. С. Погребальные комплексы периода Кофун (III-VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, Японский Архипелаг (по данным археологии) : дис. ... канд. ист. наук / И. С. Гнездилова ; ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2020. – 287 с.
37. Иванов А. Ю. Социокультурное взаимодействие двух ветвей дальневосточной цивилизации – Кореи и Японии (III в. до н.э. – начало XVII в.) : дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Иванов ; Дальневосточное отделение РАН. – Владивосток, 2003. – 226 с.
38. Лаптев С. В. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н.э. : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Лаптев ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1998. – 262 с.

Статьи и сборники статей

39. Алкин С. В. Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии / С. В. Алкин // Древние культуры Северо-Востока Азии. Астроархеология. Палеоинформатика : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука, 2003. – С. 134–143.
40. Бакшеев Е. С. Погребальные сооружения периодов Яёй-Кофун и зарождение японской государственности / Е. С. Бакшеев // Ежегодник Япония. – 2021. – Т. 50. – С. 130–162.
41. Богаевский Б. Л. Археология на службе у японского империализма / Б. Л. Богаевский // Сообщения ГАИМК. – 1932. – № 5–6. – С. 7–20.
42. Гнездилова И. С. Антропоморфные ханива. Теории интерпретации / И. С. Гнездилова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. 26. – С. 381–388.
43. Гнездилова И. С. История изучения комплексов по производству ханива периода Кофун / И. С. Гнездилова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2022. – Т. 28. – С. 474–478.
44. Гнездилова И. С. Конструктивные особенности курганов эпохи кофун Японии / И. С. Гнездилова ; Институт археологии и этнографии СО РАН // Проблемы

- археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. 21. – С. 220–223.
45. Гнездилова И. С. «Кофун дзидай» – «эпоха курганов» Японии: история изучения методами археологии / И. С. Гнездилова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – №2. – Т. 22. – С. 60–64.
46. Гнездилова И. С. Магатама в кофунх древней провинции Ямато (III-VII вв. н.э.) / И. С. Гнездилова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2017. – Т. 23. – С. 299–302.
47. Гнездилова И. С. Определение социальной и гендерной принадлежности погребенных в курганах периода Кофун (III–VII века нашей эры) на территории Японского архипелага / И. С. Гнездилова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. 25. – С. 368–374.
48. Гнездилова И. С. Росписи в погребальных камерах эпохи кофун Японии и естественно-научные методы исследований пигментов / И. С. Гнездилова ; Институт археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2016. – Т. 22. – С. 261–264.
49. Иванов А. Ю. К вопросу о проникновении «племен-всадников» с Корейского полуострова на Японские острова (III-IV вв. н.э.) / А. Ю. Иванов // Современная научная мысль. – 2019. – № 3. – С. 6–11.
50. Иванов А. Ю. Роль Кореи как «культурного моста» в процессе передачи материковой цивилизации на Японские острова / А. Ю. Иванов // Вестник центра корееведческих исследований ДВГУ. Материалы III Международной корееведческой конференции. – Владивосток, 2005. – С. 75–83.
51. Кузнецова М. С. Актуальные проблемы изучения японских курганных захоронений III-VII вв. н.э. кофун / М. С. Кузнецова // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков : сб. науч. ст., докладов аспирантов, студентов – участников Всерос. оч.-заоч. науч.практ. конф., 22 ноября 2017 г. : в 3 ч. Ч. 2 / науч. ред. Е. В. Федорова ; Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Ижевск : Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. – С. 142–146.

52. Кузнецова М. С. Исследование генетической связи курганов кофун (Япония) и курганов тагарской культуры (Россия) / М. С. Кузнецова // Сборник статей участников XVIII Международной научно-практической конференции «Российская наука в современном мире». – М. : «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2018. – С. 152–153.
53. Кузнецова М. С. Культура кофун в японском интернет-пространстве / М. С. Кузнецова // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании. 3-й молодежный конвент. Материалы международной студенческой конференции 14–16 марта 2019 г. – Екатеринбург : Изд-во Уральского Университета, 2019. – С. 245–247.
54. Кузнецова М. С. Становление и развитие императорской власти в легендарный период истории Японии / М. С. Кузнецова // Страны Запада и Востока: проблемы становления и модернизация политических, экономических и культурных форм развития : сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2016. – С. 14–16.
55. Кузнецова М. С. Японские курганные захоронения кофун / М. С. Кузнецова // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Т. 25. – Владивосток : Отдел информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – С. 114–135.
56. Кузнецова М. С. Японские курганы кофун: проблемы истории и типологии / М. С. Кузнецова // Десятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 2 т. Т. 2 : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. – С. 11–13.
57. Кузнецова М. С. Японские курганные захоронения кофун: основные аспекты исследования / М. С. Кузнецова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 87–97. – DOI : 10.21285/2415-8739-2018-1-87-97.
58. Мищенко М. С. Вклад Кобаяси Юкио в изучение культуры Кофун / М. С. Мищенко // КЛИО–2022. Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. – С. 183–186.

59. Мищенкова М. С. Истоки исторических исследований культуры Кофун в период Мэйдзи / М. С. Мищенкова // КЛИО–2021. Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. – С. 174–177.
60. Мищенкова М. С. Историографическое наследие Мори Ко:ити и его подход к изучению региональной специфики культуры Кофун / М. С. Мищенкова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2023. – № 1 (49). – С. 90–96.
61. Мищенкова М. С. Китайское влияние на развитие культуры Кофун на Японском архипелаге (III–VII вв. н.э.) / М. С. Мищенкова // Мир Центральной Азии – V. Сборник научных статей. – Новосибирск : СО РАН, 2022. – С. 43–45.
62. Мищенкова М. С. Культура Кофун в работах Исино Хиронобу / М. С. Мищенкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2021. – Т. 37. – С. 97–105. – DOI : 10.26516/2222-9124.2021.37.97.
63. Мищенкова М. С. Проблема возникновения культуры Кофун в работах Коба-яси Юкио / М. С. Мищенкова // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2020. – Т. 34.– С. 100–106. – DOI : 10.26516/2222-9124.2020.34.100.
64. Мищенкова М. С. Развитие культуры Кофун в регионе Тохoku (о. Хонсю, Япония) / М. С. Мищенкова // Вторая научная конференция студентов и аспирантов «Актуальные проблемы исследования стран Азии и Африки: традиции и современность». Санкт-Петербург, 18–19 марта 2022 г. Сборник докладов. – СПб. : НИУ «Высшая школа экономики» Санкт-Петербург ; Изд-во РХГА, 2022. – С. 72–78.
65. Мищенкова М. С. Региональные тенденции развития культуры Кофун (на примере префектуры Тиба) / М. С. Мищенкова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2022. – № 4 (48). – С. 28–35. – DOI : 10.31554/2222-9175-2022-48-28-35.

66. Мищенкова М. С. Скопления курганов (кофун-гун) в регионе Кинки (остров Хонсю, Япония) / М. С. Мищенкова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2021. – № 2 (42). – С. 9–18. – DOI : 10.31554/2222-9175-2021-42-9-18.
67. Мищенкова М. С. Ханива в виде лошади: вопросы происхождения и техники изготовления / М. С. Мищенкова // Сборник материалов XII Конференции молодых японоведов «Новый взгляд». – Москва : Адвансед солюшнз, 2022. – С. 689–699.
68. Окладников А. П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре / А. П. Окладников // Советская этнография. – 1946. – № 4. – С. 11–33.
69. Суровень Д. А. Внутренняя и внешняя политика государства Ямато в конце 30-х – середине 50-х гг. V в. / Д. А. Суровень // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 14–25.
70. Суровень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму / Д. А. Суровень // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 136–220.
71. Суровень Д. А. Краткий обзор историографии истории Ямато / Д. А. Суровень // Проблемы истории общества, государства и права : сборник научных трудов. Материалы круглого стола. – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2017. – С. 118–161.
72. Суровень Д. А. Некоторые похоронные обряды раннего Ямато и возникновение погребальной пластики ханива / Д. А. Суровень // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики : сборник научных статей. – Зимовники, 2015. – С. 229–244.
73. Суровень Д. А. Ранние политики Центральной Японии начала IV в. и мятеж Сахо-Бико / Д. А. Суровень // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (105). – С. 6–22.
74. Суровень Д. А. Японо-корейские и японо-китайские отношения и внешняя политика государства Ямато в конце 50-х – 70-е годы V века / Д. А. Суровень //

Уральское востоковедение. Международный альманах. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – Вып. 3. – С. 4–29.

75. Сырицын И. М. К вопросу об изучении феодализма в Японии / И. М. Сырицын // *Историография стран Востока*. – Москва : Изд-во МГУ, 1969. – С. 209–221.

76. Фёдорова А. А. Гробница для царя и для народа: документальный фильм о раскопках кургана Цуки-но-ва (1953–1954) / А. А. Фёдорова // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2021. – № 6. – С. 167–181.

77. Чан Су Бу. Период кофун в Японии / Чан Су Бу // *Очерки тихоокеанской археологии*. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – С. 117–138.

78. Эгами Намио. Прошлое и настоящее японской археологии / Намио Эгами // *Советская археология*. – 1957. – № 2. – С. 305–306.

79. Anderson A. Recent developments in Japanese prehistory: a review / Atholl Anderson // *Antiquity*. – 1987. – № 61(232). – Pp. 270–281. – DOI: 10.1017/S0003598X00052133.

80. Baratta N. C., Magli G., Picotti A. The Orientation of the Kofun Tombs / Norma Camilla Baratta, Giulio Magli, Arianna Picotti // *Remote Sensing*. – 2022. – No. 14. – 377. – Pp. 1–19. – DOI 10.3390/rs14020377.

81. Barnes G. L. A Hypothesis for Early Kofun Rulership / Gina L. Barnes // *Japan Review*. – 2014. – No. 27. – Pp. 3–29.

82. Barnes G. L., Okita M. Japanese Archaeology in the 1990s / Gina L. Barnes, Masaaki Okita // *Journal of Archaeological Research*. – 1999. – Vol. 7. – No. 4. – Pp. 349–395.

83. Barnes G. The ‘idea of prehistory’ in Japan / Gina L. Barnes // *Antiquity*. – 1990. – № 64 (245). – Pp. 929–940. – DOI:10.1017/S0003598X00079047.

84. Comina C., Sotiropoulos P., Maroulakis S. Geophysical surveys over and inside the Tobiotsuka Kofun – Okayama prefecture / C. Comina, P. Sotiropoulos, S. Maroulakis, D. Vacha, G. Mandrone, N. Masturzo, N. Matsumoto, A. Seike // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 2020. – Vol. 30. – 102256. – Pp. 2–10. – DOI: 10.1016/j.jasrep.2020.102256.

85. Dickins F. V. The Origins of the Japanese State / F. Victor Dickins // The English Historical Review. – 1899. – Vol. 14. – No. 54. – Pp. 209–234.
86. Douglas J. H. Letter from Tokyo (7): The Horsemen of Yamato / John H. Douglas // Science News. – 1978. – Vol. 113. – No. 22. – Pp. 364–366.
87. Edwards W. Contested Access: The Imperial Tombs in the Postwar Period / Walter Edwards // The Journal of Japanese Studies. – 2000. – Vol. 26. – No. 2. – Pp. 371–392.
88. Edwards W. Event and Process in the Founding of Japan: The Horserider Theory in Archeological Perspective / Walter Edwards // Journal of Japanese Studies. – 1983. – Vol. 9. – No. 2. – Pp. 265–295.
89. Edwards W. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka Kofun Discovery and the Question of Yamatai / Walter Edwards // Monumenta Nipponica. – 1999. – Vol. 54. – No. 1. – Pp. 75–110.
90. Goodman D., Nishimura, Y. A ground-radar view of Japanese burial mounds / Dean Goodman, Yasushi Nishimura // Antiquity. – 1993. – № 67 (255). – Pp. 349–354. – DOI :10.1017/S0003598X00045403.
91. Gowland W. President Address. The Burial Mounds and Dolmens of the Early Emperors of Japan / William Gowland // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1907. – Vol. 37. – Pp. 10–46.
92. Gowland W. The Dolmens and Burial Mounds in Japan / William Gowland // Archaeologia. – 1897. – № 55 (2). – Pp. 439-524. – DOI: 10.1017/S0261340900014454.
93. Fujita H., Hirano H., Suzuki T. Human Skeletal Remains from the Kofun Period in Japan Speculated to Have Had Osseous Dysplasia with Inflammation / Hisashi Fujita, Hirohiko Hirano, Takao Suzuki. – Journal of Oral Biosciences. – 2006. – № 48(4). – Pp. 261–265. – DOI:10.1016/s1349-0079(06)80008-3.
94. Higashikage Y. Kofun Period: Research Trends 2011 / Yu Higashikage // Trends in Japanese Archaeological Research. – 2011. – Pp. 1–15.
95. Higashikage Y. Kofun Period / Yu Higashikage // Japanese Journal of Archaeology. – 2013. – № 1. – Pp. 67–69.
96. Hirose S. The Production of Haniwa and State Formation in Japan / Satoru Hirose. – Japanese Journal of Archaeology. – № 8. – 2020. – Pp. 27–77.

97. Hong W. Yayoi Wave, Kofun Wave, and Timing: The Formation of the Japanese People and Japanese Language / Wontack Hong // *Korean Studies*. – 2005. – Vol. 29. – Pp. 1–29.
98. Ishino H. Rites and Rituals of the Kofun Period / Hironobu Ishino // *Japanese Journal of Religious Studies*. – 1992. – Vol. 19. – No. 2. – Pp. 191–216.
99. Jokura M. Kofun Period / Masayoshi Jokura // – *Japanese Journal of Archaeology*. – 2018. – № 6. – Pp. 69–70.
100. Kidder J. E. The Fujinoki Tomb and Its Grave-Goods / J. Edward Kidder, Jr. // *Monumenta Nipponica*. – 1987. – Vol. 42. – No. 1. – Pp. 57–87.
101. Kidder J. E. Haniwa: The Clay Sculpture of Protohistoric Japan by Fumio Miki : Review / J. Edward Kidder, Jr. – *Journal of the American Oriental Society*. – 1961. – Vol. 81. – No. 1. – Pp. 65–67.
102. Kirkland J. R. The "Horseriders" in Korea: A Critical Evaluation of a Historical Theory / J. Russell Kirkland // *Korean Studies*. – 1981. – Vol. 5. – Pp. 109–128.
103. Kishimoto N. Dual Kingship in the Kofun Period as Seen from the Keyhole Tombs / Naofumi Kishimoto // *Journal of Urban Culture Research*. – 2013. – Vol. 4. – Pp. 1–21.
104. Kitayama M. Satsuma No.11 tumulus: its historical context and significance / Mineo Kitayama // *Japanese Journal of Archaeology*. – 2013. – № 1. – Pp. 41–52.
105. Ledyard G. Galloping along with the Horseriders: Looking for the Founders of Japan / Gari Ledyard Reviewed // *Journal of Japanese Studies*. – 1975. – Vol. 1. – No. 2. – Pp. 217–254.
106. Minami T., Takeuchi A., Imazu S. Identification of source mine using sulfur, mercury, and lead isotope analyses of vermilion used in three representative tombs from Kofun period in Japan / Takeshi Minami, Akinori Takeuchi, Setsuo Imazu, Masayoshi Okuyama, Yu Higashikage, Toshinori Mizuno, Kosaku Okabayashi, Kazuya Takahashi // *Journal of Archaeological Science: Reports*. – 2021. – Vol. 37. – 102970. – Pp. 1–8. – DOI: 10.1016/j.jasrep.2021.102970.
107. Mitsumoto J. Bodily Representation and Cross-dressing in the Yayoi and Kofun Periods / Jun Mitsumoto. – *Japanese Journal of Archaeology*. – № 9. – 2022. – Pp. 189–210.

108. Mizoguchi K. Nodes and edges: A network approach to hierarchisation and state formation in Japan / Koji Mizoguchi // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 2009. – Vol. 28. – Issue 1. – Pp. 14–26. – DOI: 10.1016/j.jaa.2008.12.001.
109. Nakakubo T. Kofun Period / Tatsuo Nakakubo // *Japanese Journal of Archaeology*. – 2016. – № 4. – Pp. 99–100.
110. Pearson R. Fifth-century rulers of the Kawachi Plain, Osaka, and early state formation in Japan: some recent publications / Richard Pearson // *Antiquity*. – 2009. – № 83(320). – Pp. 523–527. – DOI:10.1017/S0003598X00098641.
111. Ruxton I. Sir Ernest Satow in Japan, Britain and Europe, 1870–1883, as seen through his diaries: A chance to deepen his knowledge of Japanese culture and other matters / Ian Ruxton // *IAJS Journal*. – 2016. – Vol. 2. – Pp. 35–44.
112. Sasaki K. Adoption of the Practice of Horse-Riding in Kofun Period Japan: With Special Reference to the Case of the Central Highlands of Japan / Ken'ichi Sasaki // *Japanese Journal of Archaeology*. – 2018. – № 6. – Pp. 23–53.
113. Sparavigna A. C. Japanese Kofun in Maps given by a Spaceborne Digital Elevation Model based on Multiple Satellite Data Sets / Amelia Carolina Sparavigna. – Zenodo, 2022. – 151 p. – DOI:10.5281/zenodo.5978490.
114. T. V. H. The Dolmens and Burial Mounds in Japan by William Gowland; The Dolmens of Japan and Their Builders by W. Gowland: Review / T. V. H. // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. – 1899. – Vol. 29. – No. 1/2. – Pp. 183–184.
115. Torrance R. The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods / Richard Torrance // *Japan Review*. – 2016. – No. 29. – Pp. 3–38.
116. Tsude H. Chiefly lineages in Kofun period Japan: political relations between centre and region / Hiroshi Tsude // *Antiquity*. – 1990. – № 64(245). – Pp. 923–929. – DOI: 10.1017/S0003598X00079035.
117. 甘粕健. 前方後円墳の技術史土木構造物の起点を考える // *日本土木史研究発表会論文集*. – 1985. – 5巻. – 頁 1–10. [Амакасу К. Техническая история курганов в форме замочной скважины с учётом отправной точки строительства гражданских

сооружений / Кэн Амакасу // Материалы Японской конференции по истории гражданского строительства. – 1985. – № 5. – С. 1–10.] (на яп. яз.).

118. 和田千吉. 異形の勾玉 // 人類學雜誌. – 1916. – 31卷. – 2号. – 頁 43–47. [Вада С. Магатама неправильной формы / Сэнкити Вада // Журнал японского антропологического общества. – 1916. – Т. 31. – №2. – С. 43–47.] (на яп. яз.).

119. 若林勝邦. 日向國古墳考材料 // 東京人類學會雜誌. – 1892. – 7卷. – 70号. – 頁 131–133. [Вакабаяси К. Археологические материалы курганов Хюга-но-куни / Кацукуни Вакабаяси // Журнал японского антропологического общества. – 1892. – Т. 7. – №70. – С. 131–133] (на яп. яз.).

120. 後藤建一. 古墳出土須恵器にみる地域流通の解体と一元化駿河西部域における6世紀から7世紀の古墳出土須恵器を事例として // 日本考古学. – 2000. – 7卷. – 9号. – 頁 21–52. [Гото: К. Разбор и унификация регионального распределения на примере керамики суэ, извлеченной из курганов: тематическое исследование суэки, раскопанной в курганах VI–VII веков в западной части провинции Суруга / Кэнъити Гото: // Японская археология. – 2000. – Т. 7. – № 9. – С. 21–52.] (на яп. яз.).

121. 後藤守一. 埴輪家の研究 (一) // 人類學雜誌. – 1931. – 46卷. – 9号. – 頁309–318. [Гото: С. Исследование ханива в форме домов. Часть первая / Сюити Гото: // Журнал японского антропологического общества. – 1931. – Т. 46. – №9. – С. 309–318.] (на яп. яз.).

122. 後藤守一. 埴輪家の研究 (二) // 人類學雜誌. – 1931. – 46卷. – 12号. – 頁799–815. [Гото: С. Исследование ханива в форме домов. Часть вторая / Сюити Гото: // Журнал японского антропологического общества. – 1931. – Т. 46. – №12. – С. 799–815.] (на яп. яз.).

123. 後藤守一. 上古時代鐵鏃の年代研究 // 人類學雜誌. – 1939. – 54卷. – 4号. – 頁 133–161. [Гото: С. Хронология древних наконечников стрел / Сюити Гото: // Журнал японского антропологического общества. – 1939. – Т. 54. – №4. – С. 133–161.] (на яп. яз.).

124. 横地石太郎. 古墳より出づる金屬環の用途 // 東京人類學會雜誌. – 1900. – 15卷. – 171号. – 頁 349–351. [Ёкоти И. Применение золотых колец, найденных в кофун / Иситаро: Ёкоти // Известия токийского антропологического общества. – 1900. – Т. 15. – № 171. – С. 349–351.] (на яп. яз.).
125. 飯本信之. 我國古來の政治的諸中心地と其の移動 (其一) // 地学雜誌. – 1935. – 47卷. – 7号. – 頁 307–317. [Иимото Н. Древние политические центры Японии и их перемещение (часть 1) / Нобуюки Иимото // География. – 1935. – Т. 47. – №7. – С. 307–317.] (на яп. яз.).
126. 今井堯. 『月の輪』古墳発掘の意義(時評) // 日本文学. – 1954. – 3卷. – 8号. – 頁 50–51. [Имаи Т. Значение раскопок кургана Цуки-но-ва (текущий комментарий) / Такаси Имаи // Японская культурология. – 1954. – Т. 3. – №8. – С. 50–51.] (на яп. яз.).
127. 犬塚又兵. 磐城岩代兩地方ノ古墳談 // 東京人類學會雜誌. – 1895. – 10卷. – 107号. – 頁 185–190. [Индзука М. Кофун в провинциях Иваки и Ивасиро / Матабэи Индзука // Известия токийского антропологического общества. – 1895. – Т. 10. – №107. – С. 185–190.] (на яп. яз.).
128. 犬塚又兵. 磐城男代兩國地方ニ於クル古墳談附横穴説 // 東京人類學會雜誌. – 1895. – 10卷. – 109号. – 頁 264–268. [Индзука М. Курганы Иваки Одайрёгоку и теория бокового захоронения / Матабэи Индзука // Известия токийского антропологического общества. – 1895. – Т. 10. – №109. – С. 264–268.] (на яп. яз.).
129. 石黒勝己. ミューオンラジオグラフィーによる日本の古墳研究 / 日本写真学会誌. – 2018. – 81卷. – 3号. – 頁 258–262. [Исигуро К. Исследование древних гробниц в Японии методом мюонной радиографии / Кацуми Исигуро // Журнал фотографического общества Японии. – 2018. – Т. 81. – №3. – С. 258–262.] (на яп. яз.).
130. 川角寅吉. 茨城縣に於ける古墳の分布 // 人類學雜誌. – 1944. – 59卷. – 10号. – 頁 365–384. [Кавакадо Т. Расположение кофун в префектуре Ибараки / Торакити Кавакадо // Журнал японского антропологического общества. – 1944. – Т. 59. – №10. – С. 365–384.] (на яп. яз.).

131. 川村眞一. 山梨縣丸山古墳の遺物概括 // 人類學雜誌. – 1941. – 56卷. – 8号. – 頁 401–412. [Кавамура С. Обзор реликвий Маруяма-кофун, префектура Яманаси / Синъити Кавамура // Журнал японского антропологического общества. – 1941. – Т. 56. – №8. – С. 401–412.] (на яп. яз.).
132. 喜田貞吉. 古墳幕の棺槨の稱呼に就て // 人類學雜誌. – 1914. – 29卷. – 8号. – 頁 319–329. [Кита С. О названиях саркофагов в кофун / Садакити Кита // Журнал японского антропологического общества. – 1914. – Т. 29. – №8. – С. 319–329.] (на яп. яз.).
133. 栗山 一夫. 播磨加古川流域に築造されたる古墳及び遺物調査報告(一) // 人類學雜誌. – 1934. – 49卷. – 7号. – 頁 268–277. [Курияма К. Отчёт о раскопках курганов и обнаруженных реликвиях в бассейне реки Како, историческая область Харима (часть первая) / Кадзуо Курияма // Журнал японского антропологического общества. – 1934. – Т. 49. – №7. – С. 268–277.] (на яп. яз.).
134. 栗山 一夫. 播磨加古川流域に築造されたる古墳及び遺物調査報告 (三) // 人類學雜誌. – 1934. – 49卷. – 9号. – 頁 354–363. [Курияма К. Отчёт о раскопках курганов и обнаруженных реликвиях в бассейне реки Како, историческая область Харима (часть третья) / Кадзуо Курияма // Журнал японского антропологического общества. – 1934. – Т. 49. – №9. – С. 354–363.] (на яп. яз.).
135. 増田一裕. 畿内大型横穴式石室の技術的展開と歴史的動向 // 日本考古学. – 1996. – 3卷. – 頁 21–52. [Масуда К. Техническое развитие и исторические тенденции погребальных камер коридорного типа в районе Кинай / Кадзухиро Масуда // Японская археология. – 1996. – № 3. – С. 21–52.] (на яп. яз.).
136. 三宅米吉. 支那ノ古墳ノ例 // 東京人類學會雜誌. – 1892. – 7卷. – 70号. – 頁 112–116. [Миякэ Ё. Примеры древних гробниц в Китае / Ёнэки Миякэ // Известия токийского антропологического общества. – 1892. – Т. 7. – №70. – С. 112–116.] (на яп. яз.).

137. 宮代栄一. 古墳時代の金属装鞍の研究鉄地金銅装鞍を中心に // 日本考古学. – 1996. – 3巻. – 頁 53–82. [Миясиро Э. Исследования металлических седел из позолоченной бронзы с железной шлифовкой периода Кофун / Эйити Миясиро // Японская археология. – 1996. – № 3. – С. 53–82.] (на яп. яз.).
138. 中井正弘. ガウランド撮影の大山古墳(仁徳陵)と石津ヶ丘古墳(履中陵)の2枚の写真の再検討 // 太成学院大学紀要. – 2013. – 15巻. – 頁 257–260. [Накаи М. Повторное изучение двух фотографий, сделанных Говландом: Дайсэн-кофун (гробница Нинтоку) и Исидзугаока-кофун (гробница Ритю:) / Масахиро Накаи // Известия Университета Тайсэй Гакуин. – 2013. – Т. 15. – С. 257–260.] (на яп. яз.).
139. 小川栄一. 美濃平原山麓古墳分布状態 // 人類學雜誌. – 1912. – 28巻. – 5号. – 頁 255–262. [Огава Э. Состояние курганов Санрокусэн на равнине Мино / Эйити Огава // Журнал японского антропологического общества. – 1912. – Т. 28. – № 5. – С. 255–262.] (на яп. яз.).
140. 小川栄一. 美濃國上磯古墳發見品に就て // 人類學雜誌. – 1912. – 28巻. – 2号. – 頁 96–99. [Огава Э. О находках из курганов Камиисо, провинция Мино / Эйити Огава // Журнал японского антропологического общества. – 1912. – Т. 28. – №2. – С. 96–99.] (на яп. яз.).
141. 小川栄一. 美濃國揖斐郡西郡北方二古墳に就て // 人類學雜誌. – 1915. – 30巻. – 9号. – 頁 341–343. [Огава Э. О двух курганах, расположенных на севере районов Ниси и Иби, провинция Мино / Эйити Огава // Журнал японского антропологического общества. – 1915. – Т. 30. – № 9. – С. 341–343.] (на яп. яз.).
142. 尾中文彦. 古墳其他古代の遺構より出土せる材片に就て // 日本林學會誌. – 1936. – 18巻. – 8号. – 頁 588–602. [Онака Ф. Фрагменты дерева, извлечённые из курганов и других древних сооружений / Фумихико Онака // Журнал японского лесного общества. – 1936. – Т. 18. – №8. – С. 588–602.] (на яп. яз.).
143. 大西智和. 墳丘に現れた価値—福岡市老司古墳を主な事例として // 日本考古学. – 1996. – 3巻. – 頁 1–19. [О:ниси Т. Ценность курганов периода Кофун: на

примере гробнице Родзи, преф. Фукуока / Томокадзу О:ниси // Японская археология. – 1996. – № 3. – С. 1–19.] (на яп. яз.).

144. 大野延太郎. 日本古墳紋様考 // 東京人類學會雜誌. – 1897. – 12卷. – 130号. – 頁 141–144. [Ооно Н. Исследование декоративного оформления японских кофун / Нобутаро: Ооно // Известия токийского антропологического общества. – 1897. – Т. 12. – №130. – С. 141–144.] (на яп. яз.).

145. 大野雲外. 紀伊國古墳石槨構造に就て // 東京人類學會雜誌. – 1907. – 23卷. – 259号. – 頁 3–6. [Ооно У. О конструкции погребальных камер курганов провинции Кии / Унгаи Ооно // Известия токийского антропологического общества. – 1907. – Т. 23. – №259. – С. 3–6.] (на яп. яз.).

146. 太田博之. 埼玉將軍山古墳出土馬冑資料の基礎研究 // 日本考古学. – 1994. – 1卷. – 頁 103–125. [Оота Х. Фундаментальные исследования материалов конских шлемов, раскопанных в кургане Сёгуньяма-кофун, преф. Сайтама // Японская археология. – 1994. – № 1. – С. 103–125] (на яп. яз.).

147. 大塚初重. 前方後方墳の成立とその性格 // 掲載誌駿台史學. – 1956. – 3卷. – 頁 38–65. [Ооцука Х. Формирование и характеристика дзэнпо:ко:хо:фун / Хацусигэ Ооцука // Исторический обзор Сундай: журнал Историко-географической ассоциации Университета Мэйдзи. – 1956. – Т. 3. – С. 38–65.] (на яп. яз.).

148. 澤井廉. 福岡縣下古墳之談 // 東京人類學會報告. – 1886. – 1卷. – 6号. – 頁 98–102. [Саваи Р. История кургана Агатака в преф. Фукуока // Известия токийского антропологического общества. – 1886. – Т. 1. – №6. – С. 98–102.] (на яп. яз.).

149. 斎藤和夫. 市街地開発に伴う古墳の壊滅問題(都市計画・建築経済・防災) // 日本建築学会論文報告集. – 1961. – 69卷. – 2号. – 頁 621–624. [Сайто: К. Проблема разрушения древних гробниц, сопровождающая городскую застройку (градостроительство, строительное хозяйство, предотвращение стихийных бедствий) / Кадзуо Сайто: // Труды Архитектурного института Японии. – Т. 69. – №2. – С. 621–624.] (на яп. яз.).

150. 酒詰仲男. 古墳發見貝製品に就いて // 人類學雜誌. – 1940. – 55卷. – 9号. – 頁 420–429. [Сакадзумэ Н. Об изделиях из раковин, обнаруженных в кофун / Накао Сакадзумэ // Журнал японского антропологического общества. – 1940. – Т. 55. – С. 420–429.] (на яп. яз.).
151. 寒川旭. 譽田山古墳の断層変位と地震 // 地震. – 1986. – 39卷. – 頁 15–24. [Сангава А. Смещение курганов Кондаяма, вызванное землетрясением / Акира Сангава // Землетрясения. – 1986. – № 39. – С. 15–24.] (на яп. яз.).
152. 柴田常恵. 美濃國可兒郡廣見村伊香陵山自山社古墳 // 東京人類學會雜誌. – 1903. – 18卷. – 202号. – 頁 131–143. [Сибата Д. Кофун Икариояма дзидзанся, деревня Хироми, Кани-гун, провинция Мино / Дзё:э Сибата // Известия токийского антропологического общества. – 1903. – Т. 18. – №202. – С. 131–143.] (на яп. яз.).
153. 柴田常恵. 上野武藏の古墳及び先史遺跡 // 東京人類學會雜誌. – 1905. – 20卷. – 230号. – 頁 341–344. [Сибата Д. Кофун Уэно Мусаси и доисторические руины / Дзё:э Сибата // Известия токийского антропологического общества. – 1905. – Т. 20. – №230. – С. 341–344.] (на яп. яз.).
154. 柴田常恵. 上野藤岡町の諏訪神社古墳 // 東京人類學會雜誌. – 1910. – 25卷. – 288号. – 頁 207–212. [Сибата Д. Кофун святилища Сува в Уэно Фудзиока / Дзё:э Сибата // Известия токийского антропологического общества. – 1910. – Т. 25. – №288. – С. 207–212.] (на яп. яз.).
155. 柴田常恵. 常陸吉田村の彫刻ある一古墳 // 人類學雜誌. – 1916. – 31卷. – 3号. – 頁 83–91. [Сибата Д. Курганы с резьбой в деревне Ёсида, провинция Хитати / Дзё:э Сибата // Журнал японского антропологического общества. – 1916. – Т. 31. – №3. – С. 83–91.] (на яп. яз.).
156. 重藤輝行, 西健一郎. 埋葬施設にみる古墳時代北部九州の地域性と階層性 // 日本考古学. – 1995. – 2卷. – 頁 95–117. [Сигэфудзи Т., Ниси К. Погребальные сооружения периода Кофун: региональная специфика и иерархия Северного Кюсю / Тэрююки Сигэфудзи, Кэнъитиро Ниси // Японская археология. – 1995. – № 2. – С. 95–117.] (на яп. яз.).

157. 下村三四吉. 但馬ノ古墳 // 東京人類學會雜誌. – 1891. – 6卷. – 58号. – 頁 143–145. [Симомура М. Тадзимано-кофун / Миёкити Симомура // Известия токийского антропологического общества. – 1891. – Т. 6. – № 58. – С. 143–145.] (на яп. яз.).
158. 下村三四吉. 支那ノ古墳ニ於ケル人像獸形 // 東京人類學會雜誌. – 1894. – 10卷. – 105号. – 頁 88–94. [Симомура М. Антропоморфные скульптуры в китайских курганах / Миёкити Симомура // Известия токийского антропологического общества. – 1894. – Т. 10. – №105. – С. 88–94.] (на яп. яз.).
159. 「特集」巨大古墳と王権 / 人間文化研究機構 // Human : 知の森へのいざない. – 2013. – 4卷. – 150 頁. [Специальный выпуск. Гигантские курганы и императорская власть / Национальный институт гуманитарных наук // Human : Приглашение в лес знаний. – 2013. – № 4. – 150 с.] (на яп. яз.).
160. 菅原恒覧. 雀宮近傍ノ古墳 // 東京人類學會報告. – 1886. – 1卷. – 5号. – 頁 84–86. [Сугавара Ц. Кофун в районе Судзумэномия / Цунэми Сугавара // Известия токийского антропологического общества. – 1886. – Т. 1. – №5. – С. 84–86.] (на яп. яз.).
161. 瀬川裕市郎. 富士山東南麓の高尾山古墳. 初期古墳の発見とその保存と活用 // 富士学研究. – 2020. – 16卷. – 1号. – 頁 35–50. [Сэгава Ю. Курган Такаосан у юго-восточного подножия горы Фудзи. Открытие древнейшего кофун и его сохранение / Ю:тиро: Сэгава // Исследования Фудзи. – 2020. – Т. 16. – №1. – С. 35–50.] (на яп. яз.).
162. 高橋工. 東アジアにおける甲冑の系統と日本特に5世紀までの甲冑製作技術と設計思想を中心に // 日本考古学. – 1995. – 2卷. – 頁 139–160. [Такахаси Т. До-спехи Восточной Азии и Японии: акцент на стиле и методах изготовления в течение V в. н.э. и до этого / Такуми Такахаси // Японская археология. – 1995. – № 2. – С. 139–160.] (на яп. яз.).
163. 友廣哲也. 古墳社会の成立. 北関東の弥生・古墳時代の地域間交流 // 日本考古学. – 2003. – 10卷. – 16号. – 頁 71–91. [Томохиро Т. Формирование общества

- Кофун. Межрегиональные обмены периода Яёй и Кофун в Северном Канто / Тэцуя Томохиро // Японская археология. – 2003. – Т. 10. – № 16. – С. 71–91.] (на яп. яз.).
164. 梅原末治. 山城の古墳墓 // 人類學雜誌. – 1914. – 29卷. – 12号. – 頁 466–478. [Умэхара С. Курганы Ямасиро / Суэдзи Умэхара // Известия японского антропологического общества. – 1914. – Т. 29. – №12. – С. 466–478.] (на яп. яз.).
165. 梅原末治. 近江野洲郡小篠原に於ける二三の古墳に就て // 人類學雜誌. – 1916. – 31卷. – 7号. – 頁 236–242. [Умэхара С. О двадцати трех курганах в Косинохара, Ясу-гун, провинция Оми / Суэдзи Умэхара // Известия японского антропологического общества. – 1916. – Т. 31. – №7. – С. 236–242.] (на яп. яз.).
166. 梅原末治. 河内高井田に於ける横穴群に就いて // 人類學雜誌. – 1916. – 31卷. – 12号. – 頁 386–394. [Умэхара С. О группе пещерных захоронений В Такаида, Кавати / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1916. – Т. 31. – №12. – С. 386–394.] (на яп. яз.).
167. 梅原末治. 鳥取縣東伯郡のドルメンに就て // 人類學雜誌. – 1917. – 32卷. – 7号. – 頁 206–207. [Умэхара С. О дольменах района То:хаку префектуры Тоттори / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1917. – Т. 32. – №7. – С. 206–207.] (на яп. яз.).
168. 梅原末治. 近江蒲生郡平田村の古墳 // 人類學雜誌. – 1917. – 32卷. – 7号. – 頁 196–202. [Умэхара С. Кофун деревни Хирата, Гамо:-гун, провинция Оми / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1917. – Т. 32. – №7. – С. 196–202.] (на яп. яз.).
169. 梅原末治. 河内國小山城古墳調査報告 // 人類學雜誌. – 1920. – 35卷. – 8–10号. – 頁 203–237. [Умэхара С. Отчёт об исследовании кургана в замке Ояма, провинция Кавати / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1920. – Т. 35. – №8–10. – С. 203–237.] (на яп. яз.).

170. 梅原末治. 朝鮮に於ける新發見の銅劍銅鉞並に關係の遺物 // 人類學雜誌. – 1930. – 45卷. – 8号. – 頁 301–318. [Умэхара С. Недавно обнаруженные в Корее бронзовые мечи и связанные с ними артефакты / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1930. – Т. 45. – №8. – С. 301–318.] (на яп. яз.).
171. 梅原末治. 東アルタイのバズイルクに於ける積石塚の發掘 // 人類學雜誌. – 1932. – 47卷. – 2号. – 頁 51–68. [Умэхара С. Раскопки пазырыкских курганов на Восточном Алтае / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1932. – Т. 47. – №2. – С. 51–68.] (на яп. яз.).
172. 梅原末治. 古鏡鑑の新資料二例 // 人類學雜誌. – 1935. – 50卷. – 3号. – 頁 126–128. [Умэхара С. Два новых примера древних бронзовых зеркал / Суэдзи Умэхара // Журнал японского антропологического общества. – 1935. – Т. 50. – №3. – С. 126–128.] (на яп. яз.).
173. 宇野慎敏. 初期垂飾付耳飾の製作技法とその系譜 // 日本考古学. – 1999. – 6卷. – 7号. – 頁 43–57. [Уно М. Технологии изготовления ранних золотых серег с подвесками и их происхождение / Масатоси Уно // Японская археология. – 1999. – Т. 6. – № 7. – С. 43–57.] (на яп. яз.).
174. 宇野隆夫. 古墳時代中・後期における食器・調理法の革新律令制的食器様式の確立過程 // 日本考古学. – 1999. – 6卷. – 7号. – 頁 25–42. [Уно Т. Инновации в пищевых сосудах и способах приготовления пищи в средний и поздний период Кофун: процесс создания стилей посуды для еды в обществе Рицурё / Такао Уно // Японская археология. – 1999. – Т. 6. – № 7. – С. 25–42.] (на яп. яз.).
175. 濱田耕作. 考古材料(河内野中村古墳) // 東京人類學會雜誌. – 1898. – 13卷. – 147号. – 頁 370–372. [Хамада К. Археологические материалы (Каватинонакамуракофун) / Ко:саку Хамада // Известия токийского антропологического общества. – 1898. – Т. 13. – №147. – С. 370–372] (на яп. яз.).
176. 林魁一. 美濃古墳發見の瓮部土器に付き // 東京人類學會雜誌. – 1910. – 25卷. – 293号. – 頁 418–420. [Хаяси К. О простой керамике из курганов Мино / Каити

Хаяси // Известия токийского антропологического общества. – 1910. – Т. 25. – №293. – С. 418–420.] (на яп. яз.).

177. 北條芳隆. 古墳・火山・太陽 // 第四紀研究. – 2017. – 56巻. – 3号. – 頁 97–110. [Хо:дзё: Ё. Курганы, вулканы и солнце / Ёситака Хо:дзё: // Исследования четвертичного периода. – 2017. – Т. 56. – С. 97–110.] (на яп. яз.).

178. 坪井清足. 史跡五色塚古墳の整備. 考古学における写真測量の利用 // 写真測量. – 1968. – 7巻. – 1号. – 頁 31–34. [Цубои К. Историческое развитие кургана Госики-дзука: использование фотограмметрии в археологии / Киётари Цубои // Журнал фотограмметрии. – 1968. – № 7. – Т. 1. – С. 31–34.] (на яп. яз.).

179. 坪井正五郎. 足利近傍の古墳 // 東京人類學會報告. – 1886. – 1巻. – 8号. – 頁 154–159. [Цубои С. Кофун в окрестностях Асикага / Сё:горо: Цубои // Известия токийского антропологического общества. – 1886. – Т. 1. – № 8. – С. 154–159.] (на яп. яз.).

180. 坪井正五郎. 塚穴は穴居ふあらず // 東京人類學會報告. – 1886. – 2巻. – 10号. – 頁 36–40. [Цубои С. Цукаана – не только пещера / Сё:горо: Цубои // Известия токийского антропологического общества. – 1886. – Т. 2. – № 10. – С. 36–40.] (на яп. яз.).

181. 坪井正五郎. 埼玉縣横見郡黒岩村及び北吉見村横穴探究記、下篇五 // 東京人類學會報告. – 1887. – 3巻. – 22号. – 頁 55–62. [Цубои С. Исследование боковых захоронений в деревнях Куроива (район Ёкоми) и Китаёсими, преф. Сайтама, часть пятая / Сё:горо: Цубои // Известия токийского антропологического общества. – 1887. – Т. 3. – № 22. – С. 55–62.] (на яп. яз.).

182. 坪井正五郎. 芝丸山古墳に於ける副葬品存在の間接證 // 地学雑誌. – 1899. – 11巻. – 8号. – 頁 567–570. [Цубои С. Косвенные свидетельства существования погребального инвентаря в кургане Сибамаруяма / Сё:горо: Цубои // Науки о Земле. – 1899. – Т. 11. – № 8. – С. 567–570.] (на яп. яз.).

183. 坪井正五郎. 芝丸山古墳に就て // 地学雑誌. – 1898. – 10巻. – 10号. – 頁 523–531. [Цубои С. О кургане Сибамаруяма / Сё:горо: Цубои // Науки о Земле. – 1898. – Т. 10. – № 10. – С. 523–531.] (на яп. яз.).
184. 坪井正五郎. 曲玉の形状種類 // 東京人類學會雜誌. – 1908. – 23巻. – 266号. – 頁 287–296. [Цубои С. Формы магатама / Сё:горо: Цубои // Известия токийского антропологического общества. – 1908. – Т. 23. – №266. – С. 287–296.] (на яп. яз.).
185. 土屋正臣. 文化財保護運動と地域開発史の一試論. 三千塚古墳群発掘調査を中心に // 文化資源学. – 2018. – 16巻. – 頁 69–80. [Цуття М. Попытка движения в защиту культурных ценностей и история регионального развития: в центре внимания раскопки кургана Сандзэн-дзука / Масаоми Цуття // Исследования культурных ресурсов. – 2018. – Т. 16. – С. 69–80.] (на яп. яз.).
186. 八木奘三郎. 武藏國八王子在の古墳 // 東京人類學會雜誌. – 1901. – 17巻. – 189号. – 頁 106–109. [Яги С. Курганы Кадзио-ти, провинция Мусаси / Со:дзабуро: Яги // Известия токийского антропологического общества. – 1901. – Т. 17. – С. 106–109.] (на яп. яз.).
187. 八木奘三郎. 丹波國多紀郡雲部村の古墳發見品 // 東京人類學會雜誌. – 1901. – 17巻. – 189号. – 頁 93–98. [Яги С. Находки из курганов деревни Кумобэ, Таки-гун, провинция Тамба / Со:дзабуро: Яги // Известия токийского антропологического общества. – 1901. – Т. 17. – С. 93–98.] (на яп. яз.).

Монографии

188. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Рут Бенедикт. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 360 с.
189. Богданович Т. А. Очерки из прошлого и настоящего Японии / Т. А. Богданович // История Японии. – Москва : Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. – С. 59–145.
190. Воробьёв М. В. Древняя Япония : историко-археологический очерк / М. В. Воробьёв. – М. : Издательство восточной литературы, 1958. – 183 с.

191. Воробьёв М. В. Япония в III-VII вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьёв ; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения, Ленинградское отд-ние. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1980. – 344 с.
192. Горегляд В. Н. Классическая культура Японии: очерки духовной жизни / В. Н. Горегляд. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с. – (Серия «Orientalia»).
193. Иофан Н. Культура древней Японии / Наталия Иофан. – Москва : Ломоносовъ, 2020. – 224 с. – (История. География. Этнография).
194. История Японии : в 2 т. Т. 1. С древнейших времён до 1868 г. / отв. ред. А. Е. Жуков. – Москва : Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
195. Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами / Дж. Э. Киддер ; пер. с англ. О. И. Миловой. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2003. – 286 с. – (Загадки древних цивилизаций).
196. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / Дж. М. Китагава ; пер. с англ. Н. М. Селиверстова. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 588 с.
197. Кожевников В. В. Очерки древней истории Японии / В. В. Кожевников. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1998. – 204 с.
198. Конрад Н. И. Избранные труды. История / Н. И. Конрад ; отв. ред. Е. М. Жуков ; Акад. Наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – Москва : Наука, 1974. – 472 с.
199. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины / А. Н. Мещеряков – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1988. – 235 с.
200. Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст / А. Н. Мещеряков ; Акад. Наук СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1991. – 224 с.
201. Мещеряков А. Н. История древней Японии / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачев. – Москва : Наталис, 2010. – 544 с.
202. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений / А. Н. Мещеряков. – Москва : Наталис, 2003. – 556 с. – (Восточная коллекция).

203. Мещеряков А. Н. Страна Япония: люди и тексты / А. Н. Мещеряков. – Санкт-Петербург : Изд-во «Петербургское востоковедение», 2018. – 464 с. – (Серия «Orientalia»).
204. Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье: VII–XII века. Исторические очерки / С. С. Пасков ; отв. ред. Г. И. Подпалова. – 2-е изд-е. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 208 с. – (Академия фундаментальных исследований: история).
205. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т. Г. Сила-Новицкая ; Акад. Наук СССР, Ин-т востоковедения. – Москва : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1990. – 206 с.
206. Суровень Д. А. Япония в конце IV – V веках: период среднего Ямато / Д. А. Суровень. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2019. – Т. I. – 398 с.
207. Суровень Д. А. Япония в конце IV – V веках: период среднего Ямато / Д. А. Суровень. – Екатеринбург : УрГЮУ, 2020. – Т. II. – 400 с.
208. Сэнсом Дж. Б. Япония: краткая история культуры / Дж. Б. Сэнсом ; пер. с англ. Е. В. Кириллова. – Изд. исправл. и дополн. – Санкт-Петербург : Евразия, 2002. – 576 с. – (Пиригрим).
209. Aikens C. M., Takayasu H. Prehistory of Japan. – New York : Academic Press, 1982. – 355 p. – (Studies in archaeology).
210. Barnes G. L. Archaeology of East Asia : the rise of civilization in China, Korea and Japan / Gina L. Barnes. – Oxford ; Havertown : Oxbow Books, 2015. – 492 p.
211. Barnes G. L. State formation in Japan: emergence of a 4th-century ruling elite / Gina L. Barnes. – London ; New York : Routledge, 2007. – 261 p.
212. Bentley J. R. The Birth of Japanese Historiography / John R. Bentley. – London ; New York : Routledge, 2021. – 205 p.
213. Bramsen W. Japanese Chronological Tables showing the date, according to the Julian or Gregorian Calendar, of the first day of each Japanese month: from Taikwa 1st year to Meiji 6th year (645 A.D. to 1873 A.D.). – Tokyo : Seishi Bunsha, 1880. – 248 p.
214. Ebersole G. L. Ritual Poetry and the Politics of Death in Early Japan / Gary L. Ebersole. – Princeton : Princeton University Press, 1989. – 338 p.

215. Edgington-Brown L. The international origins of Japanese archaeology : William Gowland and his Kofun collection at the British Museum / Luke Edgington-Brown. – Norwich : University of East Anglia, 2016. – 425 p.
216. Farris W. W. Sacred texts and buried treasures : issues in the historical archaeology of ancient Japan / William Wayne Farris. – Honolulu : University of Hawai's Press, 1998. – 333 p.
217. Handbook of East and Southeast Asian Archaeology / ed. by J. Habu, P. V. Lape, J. W. Olsen. – New York : Springer, 2017. – 792 p.
218. Harris V., Kazuo Goto. William Gowland : The Father of Japanese Archaeology / Victor Harris, Kazuo Goto. – Tokyo ; London : Asahi Shinbunsha ; British Museum Press, 2003. – 199 p.
219. Nihei T. The Regional Geography of Japan / Takaaki Nihei. – Sapporo : Hokkaido University Press, 2018. – 251 p.
220. Noma S. The Arts of Japan. Ancient and Medieval / Seiroku Noma. – Tokyo ; New York ; San Francisco : Kodansha International LTD, 1978. – 305 p.
221. Nonaka Kofun and the Age of the Five Kings of Wa : The Government and Military of 5th-Century Japan / ed. by Teruhiko Takahashi, Tatsuo Nakakubo, Joseph Ryan, Naoya Ueda. – Osaka : Osaka University Press, 2016. – 105 p.
222. Pearson R. Ōsaka Archaeology / Richard Pearson. – Oxford : Archaeopress, 2016. – 138 p.
223. Sansom G. A History of Japan: to 1334 / George Sansom. – Tokyo : Charles E. Tuttle Company, 1977. – 500 p.
224. Seagrave S. The Yamato Dynasty: The Secret History of Japan's Imperial Family / Sterling Seagrave, Peggy Seagrave. – London : Corgi Books, 2000. – 608 p.
225. Suzuki M. Clans and Religion in Ancient Japan. The mythology of Mt. Miwa / Masanobu Suzuki ; Waseda Institute for Advanced Study. – London ; New York : Routledge, 2016. – 170 p.
226. Totman C. The Collapse of the Tokugawa Bakufu 1862–1868 / Conrad Totman. – Honolulu : The University of Hawaii Press, 1980. – 588 p.

227. Vogel E. F. *China and Japan. Facing History* / Ezra F. Vogel. – Cambridge ; London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. – 523 p.
228. 網干善教. 古墳と古代史. – 東京 : 学生社, 1996. – 252 頁. [Абоси Ё. Курганы и древняя история / Ёсинори Абоси. – Токио : Гакусэйся, 1996. – 252 с.] (на яп. яз.).
229. 会津大塚山古墳 / 会津若松史出版委員会. – 会津若松 : 会津若松市, 1964. – 221 頁. [Аидзу-ооцукаяма-кофун / Издательский комитет истории города Аидзувакамацу. – Аидзувакамацу : Аидзувакамацуси, 1964. – 221 с.] (на яп. яз.).
230. 有光教一. 朝鮮の古墳. – 東京 : 同朋舎 ; 角川書店 (発売), 1999. – 524 頁. [Аримицу К. Корейские курганы / Кё:ити Аримицу. – Токио : До:бо:ся ; Кадогава-сётэн, 1999. – 524 с.] (на яп. яз.).
231. 和田萃. 古墳の時代. – 東京 : 小学館, 1992. – 441 頁. [Вада А. Эпоха Кофун / Ацуму Вада. – Токио : Сёгакукан, 1992. – 441 с.] (на яп. яз.).
232. 和田晴吾. 古墳時代の葬制と他界観. – 東京 : 吉川弘文館, 2014. – 300 頁. [Вада С. Система погребения и представления о потустороннем мире в эпоху Кофун / Сэйго Вада. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2014. – 300 с.] (на яп. яз.).
233. ゴーランド W. 日本古墳文化論: ゴーランド考古論集 / W. ゴーランド著 ; 上田宏範校注 ; 稲本忠雄訳. – 大阪 : 創元社, 1981. – 360 頁. [Говланд У. Культура японских курганов: археологическая коллекция Говланда / У. Говланд ; прим. Хи-ронори Уэда ; пер. Тадао Инамото. – Осака : Согэнся, 1981. – 360 с.] (на яп. яз.).
234. 後藤守一. 漢式鏡. – 東京 : 雄山閣, 1926. – 936 頁. [Гото: С. Зеркала в китайском стиле / Сю:ити Гото:.. – Токио : Юдзанкаку, 1926. – 936 с.] (на яп. яз.).
235. 後藤守一. 考古學上より見たる日本上代文化の確立. – 東京 : 葦牙書房, 1941. – 245 頁. [Гото: С. Становление древней японской культуры с точки зрения археологии / Сю:ити Гото:.. – Токио : Асикабисёбо:, 1941. – 245 с.] (на яп. яз.).
236. 後藤守一. 古墳文化. – 東京 : 河出書房, 1955. – 322 頁. [Гото: С. Культура Кофун / Сю:ити Гото:.. – Токио : Кавадэсё:бо, 1955. – 322 с.] (на яп. яз.).

237. 後藤守一. 日本古代文化研究. – 東京 : 河出書房, 1942. – 757 頁. [Гото: С. Изучение древнеяпонской культуры / Сю:ити Гото:. – Токио : Кавадэсё:бо, 1942. – 757 с.] (на яп. яз.).
238. 後藤守一. 日本考古學. – 東京 : 四海書房, 1927. – 369 頁. [Гото: С. Японская археология / Сю:ити Гото:. – Токио : Сикайсё:бо, 1927. – 369 с.] (на яп. яз.).
239. 奈良縣高市郡古墳誌 / 高市郡役所. – 東京 : 名著出版, 1971. – 262 頁. [Древние курганы уезда Такаити префектуры Нара / Администрация уезда Такаити. – Токио : Мэйтёсюппан, 1971. – 262 с.].
240. シーボルト ヘンリー. 考古説略. – 出版地不明, 1879. – 55 頁. [Зибольд Г. Археологический рассказ / Генрих фон Зибольд. – [б/и], 1879. – 55 с.] (на яп. яз.).
241. 泉森皎. 近畿の古墳文化. – 東京 : 学生社, 1999. – 552 頁. [Идзумори К. Культура Кофун региона Кинки / Ко: Идзумори. – Токио : Гакусэйся, 1999. – 552 с.] (на яп. яз.).
242. 泉森皎, 伊藤勇輔. 遺物が語る大和の古墳時代. – 京都 : 臨川書店, 1993. – 282 頁. [Идзумори К., Ито: Ю. Артефакты, раскрывающие курганную эпоху Ямато / Ко: Идзумори, Ю:сукэ Ито:. – Киото : Ринсэнсётэн, 1993. – 282 с.] (на яп. яз.).
243. 探訪日本の古墳: 2冊. 冊1. 東日本編 / 大塚初重編. – 東京 : 有斐閣, 1981. – 488 頁. [Изучение японских курганов : в 2 т. Т. 1. Издание по Восточной Японии / ред. Хацусигэ Ооцука. – Токио : Юхикаку, 1981. – 488 с.] (на яп. яз.).
244. 探訪日本の古墳: 2冊. 冊2. 西日本編 / 森浩一編. – 東京 : 有斐閣, 1981. – 508 頁. [Изучение японских курганов : в 2 т. Т. 2. Издание по Западной Японии / ред. Ко:ити Мори. – Токио : Юхикаку, 1981. – 508 с.] (на яп. яз.).
245. 猪熊兼勝. 飛鳥の古墳を語る. – 東京 : 吉川弘文館, 1994. – 267 頁. [Инокума К. Изучая курганы Асука / Канэкацу Инокума. – Токио : Ёсикавако:бункан, 1994. – 267 с.] (на яп. яз.).
246. 井上光貞. 倭国の形成と古墳文化. – 東京 : 学生社, 1984. – 373 頁. [Иноуэ М. Формирование Вакоку и культура Кофун / Мицусада Иноуэ. – Токио : Гакусэйся, 1984. – 373 с.] (на яп. яз.).

247. 石井周作. 古墳研究. – 東京 : 建設社, 1943. – 342 頁. [Исии С. Исследования кофун / Сю:саку Исии. – Токио : Кэнсэцуся, 1943. – 342 с.] (на яп. яз.).
248. 石野博信. 古墳時代史. – 東京 : 雄山閣出版, 1990. – 255 頁. [Исино Х. История эпохи Кофун / Хиронобу Исино. – Токио : Ю:дзанкакюсюппан, 1990. – 255 с.] (на яп. яз.).
249. 石野博信. 初期古墳と大和の考古学. – 東京 : 学生社, 2003. – 550 頁. [Исино Х. Археология ранних кофун и Ямато / Хиронобу Исино. – Токио : Гакусэйся, 2003. – 550 с.] (на яп. яз.).
250. 石野博信. 全国古墳編年集成. – 東京 : 雄山閣出版, 1995. – 187 頁. [Исино Х. Общепонская хронология кофун / Хиронобу Исино. – Токио : Ю:дзанкакюсюппан, 1995. – 187 с.] (на яп. яз.).
251. 石野博信. 前方後円墳の出現. – 東京 : 雄山閣出版, 1999. – 99 頁. [Исино Х. Появление курганов в виде «замочной скважины» / Хиронобу Исино. – Токио : Ю:дзанкакюсюппан, 1999. – 99 с.] (на яп. яз.).
252. 古墳時代の研究 : 13巻. 第1巻. 総論・研究史 / 石野博信, 池田次郎, 岩崎卓也 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1993. – 169 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 1. Введение. История изучения / Хиронобу Исино, Дзиро: Икэда, Такуя Ивасаки [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сюп-пан, 1993. – 169 с.] (на яп. яз.).
253. 古墳時代の研究 : 13巻. 第2巻. 集落と豪族居館 / 石野博信, 岩崎卓也, 河上邦彦 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1990. – 191 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 2. Поселения и резиденции могущественных кланов / Хиронобу Исино, Такуя Ивасаки, Кунихико Каваками [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сюппан, 1990. – 191 с.] (на яп. яз.).
254. 古墳時代の研究 : 13巻. 第3巻. 生活と祭祀 / 石野博信, 辰巳和弘, 泉森皎 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1991. – 169 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 3. Жизнь и ритуалы / Хиронобу Исино, Кадзухиро Кацуми, Ко: Идзумори [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сюппан, 1991. – 169 с.] (на яп. яз.).

255. 古墳時代の研究 : 13巻. 第4巻. 生産と流通1 / 石野博信, 白石太一郎, 広瀬和雄 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1991. – 175 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 4. Производство и товарное обращение: часть первая / Хиронобу Исино, Таитиро: Сираиси, Кадзуо Хиросэ [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1991. – 175 с.] (на яп. яз.).
256. 古墳時代の研究 : 13巻. 第5巻. 生産と流通2 / 石野博信, 白石太一郎, 広瀬和雄 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1991. – 187 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 5. Производство и товарное обращение: часть вторая / Хиронобу Исино, Таитиро: Сираиси, Кадзуо Хиросэ [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1991. – 187 с.] (на яп. яз.).
257. 古墳時代の研究 : 13巻. 第6巻. 土師器と須恵器 / 石野博信, 岩崎卓也, 白石太一郎 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1991. – 269 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 6. Керамика хадзики и суэки / Хиронобу Исино, Такуя Ивасаки, Таитиро: Сираиси [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1991. – 269 с.] (на яп. яз.).
258. 古墳時代の研究 : 13巻. 第7巻. 墳丘と内部構造 / 石野博信, 岩崎卓也, 都出比呂志 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1992. – 157 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 7. Курганы и их внутреннее устройство / Хиронобу Исино, Такуя Ивасаки, Хироси Цудэ. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1992. – 157 с.] (на яп. яз.).
259. 古墳時代の研究 : 13巻. 第8巻. 副葬品 / 石野博信, 河上邦彦, 新納泉 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1991. – 259 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 8. Погребальный инвентарь / Хиронобу Исино, Кунихико Каваками, Идзуми Нииро. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1991. – 259 с.] (на яп. яз.).
260. 古墳時代の研究 : 13巻. 第9巻. 埴輪 / 石野博信, 藤沢敦, 車崎正彦 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1992. – 243 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 9. Ханива / Хиронобу Исино, Ацуси Фудзисава, Масахико Курумадзаки [и др.]. – Токио : Ю:дзанкаку сьуппан, 1992. – 243 с.] (на яп. яз.).

261. 古墳時代の研究 : 13巻. 第10巻. 地域の古墳. 西日本 / 石野博信 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1990. – 200 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 10. Курганы в регионах. Западная Япония / Хиронобу Исино [и др.]. – Токио : Юдзанкаку сьуппан, 1990. – 200 с.] (на яп. яз.).
262. 古墳時代の研究 : 13巻. 第11巻. 地域の古墳. 東日本 / 石野博信 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1990. – 195 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 11. Курганы в регионах. Восточная Япония / Исино Хиронобу [и др.]. – Токио : Юдзанкаку сьуппан, 1990. – 195 с.] (на яп. яз.).
263. 古墳時代の研究 : 13巻. 第12巻. 古墳の造られた時代 / 石野博信, 岩崎卓也, 河上邦彦 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1992. – 206 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 12. Эпоха, созданная курганами / Хиронобу Исино, Такуя Ивасаки, Кунихико Каваками [и др.]. – Токио : Юдзанкаку сьуппан, 1992. – 206 с.] (на яп. яз.).
264. 古墳時代の研究 : 13巻. 第13巻. 東アジアの中の古墳文化 / 石野博信, 松本百合子, 岩崎卓也 [ほか]. – 東京 : 雄山閣出版, 1993. – 190 頁. [Исследования периода Кофун : в 13 т. Т. 13. Культура Кофун Восточной Азии / Хиронобу Исино, Юрико Мацумото, Такуя Ивасаки [и др.]. – Токио : Юдзанкаку сьуппан, 1993. – 190 с.] (на яп. яз.).
265. 一瀬和夫. 百舌鳥・古市古墳群: 東アジアのなかの巨大古墳群. – 東京 : 同成社, 2016. – 144 頁. [Итиносэ К. Скопления курганов Модзу и Фуруити. Гигантские скопления курганов в Восточной Азии / Кадзуо Итиносэ. – Токио : До:сэйся, 2016. – 144 с.] (на яп. яз.).
266. 門脇禎二. 継体天皇と今城塚古墳 / 高槻市教育委員会. – 東京 : 吉川弘文館, 1997. – 199 頁. [Кадоваки Т. Император Кэйтай и Имасиродзука-кофун / Тэйдзи Кадоваки ; Городской совет по образованию Такацуки. – Токио : Ёсикавако:бункан, 1997. – 199 с.] (на яп. яз.).

267. 金井塚良一. 古代東国史の研究: 稲荷山古墳出現とその前後. – 浦和 : 埼玉新聞社, 1980. – 348 頁. [Канаидзука Ё. Изучение древней истории Восточной Японии: до и после появления кургана Инарияма / Ёсикадзу Канаидзука. – Урава : Сайтамасинбунся, 1980. – 348 с.] (на яп. яз.).
268. 勝部明生, 鈴木勉. 古代の技: 藤ノ木古墳の馬具は語る. – 東京 : 吉川弘文館, 1998. – 302 頁. [Кацубэ М., Судзуки Ц. Древние технологии: упряжь кургана Фудзиноки / Мицуо Кацубэ, Цутому Судзуки. – Токио : Ёсикавако:бункан, 1998. – 302 с.] (на яп. яз.).
269. 小林三郎, 高橋護, 梅沢重昭, 白木原和美, 岡田淳子. 古墳と地方王権. – 東京 : 新人物往来社, 1992. – 215 頁. [Кобаяси С., Такахаси М., Умэдзава С. Курганы и императорская власть в регионах / Сабуро: Кобаяси, Мамору Такахаси, Сигэаки Умэдзава, Кудзуми Сиракихара, Ацуко Окада. – Токио : Синдзинбуцуцуо:райся, 1992. – 215 с.] (на яп. яз.).
270. 小林行雄, 檜崎彰一. 金山古墳および大藪古墳の調査. – 大阪 : 大阪府教育委員会, 1953. – 83 頁. [Кобаяси Ю., Нарасаки С. Исследование курганов Канаяма и Ооябу / Юкио Кобаяси, Сё:ити Нарасаки. – Осака : Совет по образованию префектуры Осака, 1953. – 83 с.] (на яп. яз.).
271. 小林行雄, 近藤義郎, 大塚初重. 古墳時代. – 東京 : 平凡社, 1959. – 309 頁. [Кобаяси Ю., Кондо: Ё., Ооцука Х. Эпоха Кофун / Юкио Кобаяси, Ёсиро: Кондо:, Хацусигэ Ооцука [и др.]. – Токио : Хэйбонся, 1959. – 309 с.] (на яп. яз.).
272. 小林行雄. 古墳文化論考. – 東京 : 平凡社, 1976. – 704 頁. [Кобаяси Ю. Монография по культуре Кофун / Юкио Кобаяси. – Токио : Хэйбонся, 1976. – 704 с.] (на яп. яз.).
273. 小林行雄. 古墳時代の研究. – 東京 : 青木書店, 1961. – 324 頁. [Кобаяси Ю. Исследование периода Кофун / Юкио Кобаяси. – Токио : Аокисётэн, 1961. – 324 с.] (на яп. яз.).
274. 小林行雄. 古墳の話. – 東京 : 岩波書店, 1959. – 216 頁. [Кобаяси Ю. Беседа о кофун / Юкио Кобаяси. – Токио : Иванамиётэн, 1959. – 216 с.] (на яп. яз.).

275. 小林行雄. 古鏡. – 東京 : 学生社, 1965. – 220 頁. [Кобаяси Ю. Древние зеркала / Юкио Кобаяси. – Токио : Гакусэйся, 1965. – 220 с.] (на яп. яз.).
276. 小林行雄. 埴輪. – 東京 : 平凡社, 1974. – 135 頁. [Кобаяси Ю. Ханива / Юкио Кобаяси. – Токио : Хэйбонся, 1974. – 135 с.] (на яп. яз.).
277. 古墳が消えるとき / 檀原考古学研究所. – 東京 : 学生社, 1997. – 257 頁. [Когда исчезнут кофун / Археологический институт Касихара. – Токио : Гакусэйся, 1997. – 257 с.] (на яп. яз.).
278. 近藤義郎. 前方後円墳の時代. – 東京 : 岩波書店, 1983. – 413 頁. [Кондо: Ё. Эпоха курганов в форме «замочной скважины» / Ёсиро: Кондо:. – Токио : Иванами сётэн, 1983. – 413 с.] (на яп. яз.).
279. 梶国男. 古墳の設計. – 東京 : 築地書館, 1975. – 193 頁. [Кунуги К. Оформление кофун / Кунио Кунуги. – Токио : Цукидзисёкан, 1975. – 193 с.] (на яп. яз.).
280. 東北の古墳 / 東北歴史資料館. – 多賀城 : 東北歴史資料館, 1977. – 56頁. [Курганы То:хоку / Исторический музей То:хоку. – Тагадзё: То:хоку рэкиси сирё:кан, 1977. – 56 с.].
281. 栗田寛. 葬礼私考. – 京都 : 北野神社, 1876. – 72 頁. [Курита Х. Размышления о похоронном обряде / Хироси Курита. – Киото : Китанодзиндзя, 1876. – 72 с.] (на яп. яз.).
282. 黒岩重吾, 大和岩雄. 藤ノ木古墳と六世紀: 被葬者は誰か. – 東京 : 大和書房, 1989. – 249 頁. [Куроива Д., Оова И. Курган Фудзиноки и VI век: личности погребенных / Дзю:го Куроива, Ивао Оова. – Токио : Дайвасёбо:, 1989. – 249 с.] (на яп. яз.).
283. 丸山竜平. 巨大古墳と古代国家. – 東京 : 吉川弘文館, 2004. – 360 頁. [Маруяма Р. Гигантские курганы и народ древности / Рю:хэй Маруяма. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2004. – 360 с.] (на яп. яз.).
284. 前澤輝政. 毛野国の研究: 古墳時代の解明 : 2冊. 上冊. – 東京 : 現代思潮社, 1982. – 304 頁. [Маэдзава Т. Исследование Кэно-но куни: проливая свет на эпоху Кофун : в 2 т. Т. 1 (верхний). – Токио : Гэндайситёся, 1982. – 304 с.] (на яп. яз.).

285. 前澤輝政. 毛野国の研究: 古墳時代の解明: 2冊. 下冊. – 東京: 現代思潮社, 1982. – 696 頁. [Маэдзава Т. Исследование Кэно-но куни: проливая свет на эпоху Кофун: в 2 т. Т. 2 (нижний). – Токио: Гэндайситёся, 1982. – 696 с.] (на яп. яз.).
286. 右島和夫. 東国古墳時代の研究. – 東京: 学生社, 1994. – 394 頁. [Мигисима К. Исследование курганного периода в То:гоку / Кадзуо Мигисима. – Токио: Гакусэйся, 1994. – 394 с.] (на яп. яз.).
287. 水野正好. 「天皇陵」総覧. – 東京: 新人物往来社, 1994. – 481 頁. [Мидзуно М. Захоронения императоров: общий обзор / Масаёси Мидзуно [и др.]. – Токио: Синдзинбуцуо:райся, 1994. – 481 с.] (на яп. яз.).
288. 三木文雄. はにわ. – 東京: 大日本雄弁会講談社, 1958. – 188 頁. [Мики Ф. Ханива / Фумио Мики. – Токио: Дайнихон ю:бэнкай коданся, 1958. – 188 с.] (на яп. яз.).
289. 三木文雄. 埴輪・鏡・玉・剣. – 東京: 講談社, 1966. – 196 頁. [Мики Ф. Ханива, зеркала, драгоценные камни, мечи / Фумио Мики. – Токио: Коданся, 1966. – 196 с.] (на яп. яз.).
290. 茂木雅博. 古墳時代寿陵の研究. – 東京: 雄山閣出版, 1994. – 350 頁. [Моги М. Исследование мавзолеев эпохи Кофун / Масахиро Моги. – Токио: Ю:дзанкакүсюппан, 1994. – 350 с.] (на яп. яз.).
291. 茂木雅博, 松尾昌彦, 蒲原宏行. 古墳文化の新視角 / 古墳文化研究会. – 東京: 雄山閣出版, 1983. – 320 頁. [Моги М., Мацуо М., Камохара Х. Новый взгляд на культуру Кофун / Масахиро Моги, Масахико Мацуо, Хироюки Камохара [и др.]; Общество исследования культуры Кофун. – Токио: Юдзанкакүсюппан, 1983. – 320 с.] (на яп. яз.).
292. 森浩一, 貝塚茂樹, 江上波夫. 前方後円墳の世紀. – 東京: 中央公論社, 1986. – 426 頁. [Мори К., Каидзука С., Эгами Н. Век курганов в форме замочной скважины / Ко:ити Мори, Сигэки Каидзука, Намио Эгами [и др.]. – Токио: Тю:окоронсинся, 1986. – 426 с.] (на яп. яз.).

293. 森浩一. 古墳時代の考古学: シンポジウム. – 東京: 学生社, 1970. – 336 頁. [Мори К. Археология эпохи Кофун: симпозиум / Ко:ити Мори. – Токио: Гакусэйся, 1970. – 336 с.] (на яп. яз.).
294. 森浩一. 巨大古墳: 治水王と天皇陵. – 東京: 講談社, 2000. – 254 頁. [Мори К. Гигантские кофун: гидростроительство и гробницы государей / Ко:ити Мори. – Токио: Коданся, 2000. – 254 с.] (на яп. яз.).
295. 森浩一. 考古学と古代日本. – 東京: 中央公論社, 1994. – 797 頁. [Мори К. Археология и древняя Япония / Ко:ити Мори. – Токио: Тю:о:ко:ронсинся, 1994. – 797 с.] (на яп. яз.).
296. 森浩一. 古墳時代: 3冊. 冊1. 東日本. – 東京: 社会思想社, 1984. – 290 頁. – (日本の遺跡発掘物語). [Мори К. Эпоха Кофун: в 3 т. Т. 1. Восточная Япония / Ко:ити Мори. – Токио: Сякайсисо:ся, 1984. – 290 с. – (История археологических раскопок в Японии).] (на яп. яз.).
297. 森浩一. 古墳時代: 3冊. 冊2. 近畿. – 東京: 社会思想社, 1984. – 302 頁. – (日本の遺跡発掘物語). [Мори К. Эпоха Кофун: в 3 т. Т. 2. Кинки / Ко:ити Мори. – Токио: Сякайсисо:ся, 1984. – 302 с. – (История археологических раскопок в Японии)]. (на яп. яз.).
298. 森浩一. 古墳時代: 3冊. 冊3. 西日本. – 東京: 社会思想社, 1984. – 342 頁. – (日本の遺跡発掘物語). [Мори К. Эпоха Кофун: в 3 т. Т. 3. Западная Япония / Ко:ити Мори. – Токио: Сякайсисо:ся, 1984. – 342 с. – (История археологических раскопок в Японии)]. (на яп. яз.).
299. 森浩一, 石野博信, 白石太一. 論集終末期古墳. – 東京: 塙書房, 1973. – 589 頁. [Мори К., Исино Х., Сираиси Т. Антология позднего периода Кофун / Ко:ити Мори, Хиронобу Исино, Таитиро: Сираиси [и др.]. – Токио: Ханавасёбо, 1973. – 589 с.] (на яп. яз.).
300. 森浩一. 古墳の発掘. – 東京: 中央公論社, 1965. – 199 頁. [Мори К. Раскопки кофун / Ко:ити Мори. – Токио: Тюокорон синся, 1965. – 199 с.] (на яп. яз.).

301. 森浩一. 天皇陵古墳への招待. – 東京 : 筑摩書房, 2011. – 268 頁. [Мори Ко:ити. Приглашение в императорские курганы / Ко:ити Мори. – Токио : Тикума сёбо:, 2011. – 268 с.].
302. 小川良祐, 狩野久, 吉村武彦. ワカタケル大王とその時代: 埼玉稲荷山古墳. – 東京 : 山川出版社, 2003. – 243 頁. [Огава Р., Кано: Х., Ёсимура Т. Государь Вака-такэру и его эпоха: курган Сайтама Инарияма / Рё:сукэ Огава, Хисаси Кано:, Ёси-мура Такэхико. – Токио : Ямакавасюппанся, 2003. – 243 с.] (на яп. яз.).
303. 尾崎喜左雄. 古墳のはなし. – 東京 : 学生社, 1973. – 221 頁. [Одзаки К. Бе-седа о кофун / Кисао Одзаки. – Токио : Гакусэйся, 1973. – 221 с.] (на яп. яз.).
304. 近江昌司. 倭王と古墳の謎 : ヤマトと東国・九州・東アジア. – 東京 : 学生社, 1994. – 212 頁. [Ооми С. Правители Ва и тайны курганов: Ямато и То-гоку/Кюсю/Восточная Азия / Сёдзи Ооми. – Токио : Гакусэйся, 1994. – 212 с.] (на яп. яз.).
305. 大友幸男. 江釣子古墳群の謎: 古代東北と蝦夷. – 東京 : 三一書房, 1994. – 292 頁. [Оотомо Ю. Тайны курганов Эдзурико: древние регионы То:хоку и Эдзо / Юкио Оотомо. – Токио : Санъитисёбо:, 1994. – 292 с.] (на яп. яз.).
306. 大塚初重, 吉村武彦, 佐々木憲一. 古墳時代の日本列島. – 東京 : 青木書店, 2003. – 346 頁. [Ооцука Х., Ёсимура Т., Сасаки К. Японские острова в период Кофун / Хацусигэ Ооцука, Такэхико Ёсимура, Кэнъити Сасаки [и др.] – Токио : Аокисётэн, 2003. – 346 с.] (на яп. яз.).
307. 大塚初重. 東国の古墳と大和政権. – 東京 : 吉川弘文館, 2002. – 293 頁. [Оо-цука Х. Древние курганы Восточной Японии и правительство Ямато / Хацусигэ Ооцука. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2002. – 293 с.] (на яп. яз.).
308. 尾谷雅比古. 近代古墳保存行政の研究. – 京都 : 思文閣出版, 2014. – 338 頁. [Отани М. Исследование современного состояния сохранения курганов / Масахико Отани. – Киото : Сибункаку сүппан, 2014. – 338 с.] (на яп. яз.).

309. 藤ノ木古墳の全貌 / 奈良県立橿原考古学研究所. – 東京 : 学生社, 1993. – 237 頁. [Полная картина кургана Фудзиноки / Археологический институт Касихара, префектура Нара. – Токио : Гакусэйся, 1993. – 237 с.] (на яп. яз.).
310. 争点日本の歴史 : 6 卷. 第2卷. 古代編. 古墳～飛鳥時代 / 白石太一郎, 吉村武彦. – 東京 : 新人物往来社, 1990. – 329 頁. [Проблемы японской истории : в 6 т. Т. 2. Древняя история. Периоды Кофун и Асука / Таитиро: Сираиси, Такэхико Ёсимура. – Токио : Синдзинбуцуо:райся, 1990. – 329 с.] (на яп. яз.).
311. 日本古代史の旅 : 8冊. 冊4. 古墳と王墓: 権力の記念碑 / 泉森皎, 菅谷文則, 伊達宗泰, 間壁忠彦, 岩崎卓也, 森浩一. – 東京 : 小学館, 1974. – 182 頁. [Путешествие по древней японской истории : в 8 т. Т. 4. Курганы и императорские гробницы: памятники власти / Ко: Идзумори, Фуминори Сугая, Мунэясу Датэ, Тадахико Макабэ, Такуя Ивасаки, Ко:ити Мори. – Токио : Сёгакукан, 1974. – 182 с.] (на яп. яз.).
312. 古代史発掘 : 10冊. 6冊. 古墳時代1. 古墳と国家の成立ち / 小野山節, 工楽善通, 田代克己. – 東京 : 講談社, 1975. – 164 頁. [Раскопки древней истории : в 10 т. Т. 6. Эпоха курганов, книга первая. Курганы и возникновение государства / Такаси Онояма, Ёсиюки Кураку, Кацуми Тасиро [и др.]. – Токио : Коданся, 1975. – 164 с.] (на яп. яз.).
313. 古代史発掘 : 10冊. 7冊. 古墳時代2. 埴輪と石の造形 / 村井崑雄, 間壁忠彦, 梅沢重昭. – 東京 : 講談社, 1974. – 168 頁. [Раскопки древней истории : в 10 т. Т. 7. Эпоха курганов, книга вторая. Ханива и изделия из камня / Ивао Мурай, Тадахико Макабэ, Сигэаки Умэдзава [и др.]. – Токио : Коданся, 1974. – 168 с.] (на яп. яз.).
314. 古代史発掘 : 10冊. 8冊. 古墳時代3. 装飾古墳と文様 / 乙益重隆, 小田富士雄, 伊藤玄三. – 東京 : 講談社, 1974. – 163 頁. [Раскопки древней истории : в 10 т. Т. 8. Эпоха курганов, книга третья. Декорированные курганы и узоры / Сигэтака Отомасу, Фудзио Ода, Гэндзо: Ито: [и др.]. – Токио : Коданся, 1974. – 163 с.] (на яп. яз.).

315. 斎藤忠. 古墳文化と古代国家. – 東京 : 至文堂, 1966. – 279 頁. [Сайто: Т. Культура Кофун и древнее государство / Тадаси Сайто:. – Токио : Сибундо:, 1966. – 279 с.] (на яп. яз.).
316. 斎藤忠. 壁画古墳の系譜. – 東京 : 学生社, 1989. – 314 頁. [Сайто: Т. Генеалогия росписи курганов / Тадаси Сайто:. – Токио : Гакусэйся, 1989. – 314 с.] (на яп. яз.).
317. 榊晃弘. 装飾古墳: 榊晃弘写真集. – 東京 : 泰流社, 1977. – 260 頁. [Сакаки Т. Декорированные курганы: коллекция фотографий Сакаки Тэрухиро / Тэрухиро Сакаки. – Токио : Тайрю:ся, 1977. – 260 с.] (на яп. яз.).
318. 佐々木潤之介, 中島三千男, 外園豊基. 日本歴史: 概論. – 東京 : 吉川弘文館, 2000. – 353 頁. [Сасаки Д., Накадзима М., Накадзоно Т. История Японии : введение в дисциплину / Дзюнносукэ Сасаки, Митио Накадзима, Тоётика Накадзоно [и др.]. – Токио : Ёсикавако:букан, 2000. – 353 с.] (на яп. яз.).
319. 柴田常恵, 内藤政光. 埴輪. – 東京 : 日東書院, 1930. – 62 頁. – (日本考古図録大成). [Сибата Д., Найто: М. Ханива / Дзё:э Сибата, Масамицу Найто:. – Токио : Тацуми сюппан, 1930. – 62 с. – (Японский археологический каталог Тайсэй).] (на яп. яз.).
320. 白石太一郎, 赤塚次郎, 東潮 [ほか]. 古墳時代の考古学. – 東京 : 学生社, 1998. – 278 頁. [Сираиси Т., Акацука Д., Адзума У. Археология эпохи Кофун / Таитиро: Сираиси, Дзиро: Акацука, Усио Адзума [и др.]. – Токио : Гакусэйся, 1998. – 278 с.] (на яп. яз.).
321. 白石太一郎, 今尾文昭, 前園実知雄. 終末期古墳と古代国家. – 東京 : 吉川弘文館, 2005. – 327 頁. [Сираиси Т., Имао Ф., Маэдзоно М. Поздние курганы и древнее государство / Таитиро: Сираиси, Фумиаки Имао, Митио Маэдзоно. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2005. – 327 с.] (на яп. яз.).
322. 杉山晋作. 東国の埴輪と古墳時代後期の社会. – 東京 : 六一書房, 2006. – 170 頁. [Сугияма С. Ханива региона То:гоку и общество в поздний период Кофун / Синсаку Сугияма. – Токио : Рокуитисёбо:, 2006. – 170 с.] (на яп. яз.).

323. 末永雅雄. 日本上代の武器. – 東京 : 弘文堂書房, 1941. – 355 頁. [Суэнага М. Древнеяпонское оружие / Масао Суэнага. – Токио : Ко:бундо:, 1941. – 355 с.] (на яп. яз.).
324. 末永雅雄. 日本上代の甲冑. – 大阪 : 創元社, 1944. – 411 頁. [Суэнага М. Древнеяпонские доспехи / Масао Суэнага. – Осака : Согэнся, 1944. – 411 с.] (на яп. яз.).
325. 清家章. 埋葬からみた古墳時代: 女性・親族・王権. – 東京 : 吉川弘文館, 2018. – 272 頁. [Сэйкэ А. Период Кофун с точки зрения захоронений женщин, родственников и императоров / Акира Сэйкэ. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2018. – 272 с.] (на яп. яз.).
326. 黄晓芬. 汉墓的考古学研究. – 长沙 : 岳麓书社, 2003. – 312 页. [Сяофэнь Х. Археологические исследования императорских захоронений времён династии Хань / Хуан Сяофэнь. – Чанша : Юэлушусэ, 2003. – 312 с.] (на кит. яз.).
327. 高橋健自. 古墳と上代文化. – 東京 : 雄山閣, 1924. – 東京 : 雄山閣, 1924. – 217 頁. [Такахаси К. Кофун и культура древности / Кэндзи Такахаси. – Токио : Ю:дзанкаку, 1924. – 217 с.] (на яп. яз.).
328. 高橋健自. 埴輪及装身具. – 東京 : 雄山閣, 1928. – 230 頁. [Такахаси К. Ханыва и украшения / Кэндзи Такахаси. – Токио : Ю:дзанкаку, 1928. – 230 с.] (на яп. яз.).
329. 高橋健自, 森本六爾, 和田千吉. 墳墓. – 東京 : 雄山閣, 1929. – 217 頁. [Такахаси К., Моримото Р., Вада С. Захоронения / Кэндзи Такахаси, Рокудзи Моримото, Сэнкити Вада. – Токио : Юдзанкаку, 1929. – 217 с.] (на яп. яз.).
330. 辰巳和弘. 古墳の思想 : 象徴のアルケオロジー. – 東京 : 白水社, 2002. – 284 頁. [Тацуми К. Размышления о кофун: символическая археология / Кадзухиро Тацуми. – Токио : Хакусуйся, 2002. – 284 с.] (на яп. яз.).
331. 寺崎秀一郎, 近藤二郎, 西谷大. 王の墓と奉仕する人びと / 国立歴史民俗博物館. – 東京 : 山川出版社, 2004. – 230 頁. [Тэрасаки С., Кондо: Д., Ниситани М.

- Гробницы государей и те, кто им служил / Сю:итиро: Тэрасаки, Дзиро: Кондо:, Масару Ниситани [и др.] ; Национальный музей истории Японии. – Токио : Ямакава-сюппанся, 2004. – 230 с.] (на яп. яз.).
332. 梅原末治. 日本の古墳墓. – 丹波市町 : 養徳社, 1947. – 125 頁. [Умэхара С. Японские курганные захоронения / Суэдзи Умэхара. – Танбаити : Ё:токуся, 1947. – 125 с.] (на яп. яз.).
333. 上田正昭, 大塚初重, 金井塚良一. 稻荷山古墳の鉄剣を見直す. – 東京 : 学生社, 2001. – 244 頁. [Уэда М., Ооцука Х., Канаидзука Ё. Обзор железных мечей кургана Инарияма / Масааки Уэда, Хацусигэ Ооцука, Ёсикадзу Канаидзука. – Токио : Гакусэйся, 2001. – 244 с.].
334. 藤直幹, 井上薫, 北野耕平. 河内における古墳の調査. – 大阪 : 大阪大学文学部国史研究室, 1964. – 238 頁. [Фудзи Н., Иноуэ К., Китано К. Исследования кофун в Кавати / Наомото Фудзи, Каору Иноуэ, Кохэй Китано. – Осака : Осака дайгаку бунгакубу кокуси кэнкю:сицу, 1964. – 238 с.] (на яп. яз.).
335. 藤田友治. 前方後円墳:その起源を解明する. – 京都 : ミネルヴァ書房. [Фудзита Томодзи. Курганы в форме замочной скважины: в поисках причины их возникновения / Томодзи Фудзита. – Токио : Минэруа сёбо:., 2000. – 481 с.
336. 藤田憲司. こうもり塚と江崎古墳. – 岡山 : 吉備人出版, 2003. – 162 頁. [Фудзита К. Усыпальница Ко:мори и курган Эдзаки / Кэндзи Фудзита. – Окаяма : Кибито сюппан, 2003. – 162 с.] (на яп. яз.).
337. 土生田純之. 古墳. – 東京 : 吉川弘文館, 2011. – 227 頁. [Хабута Ё. Кофун / Ёсиюки Хабута. – Токио : Ёсикавако:бункан, 2011. – 227 с.] (на яп. яз.).
338. 土生田純之. 日本全国古墳学入門. – 東京 : 学生社, 2003. – 244 頁. [Хабута Ё. Введение в исследования кофун в Японии / Ёсиюки Хабута. – Токио : Гакусэйся, 2003. – 244 с.] (на яп. яз.).
339. はにわうま / 馬の博物館. – 横浜 : 馬事文化財団, 2005. – 52 頁. [Ханива в виде лошади / Ума-но хакубуцукан. – Иокогама : Бадзибункадзайдан, 2005. – 52 с.] (на яп. яз.).

340. 原田大六. 日本古墳文化:奴國王の環境. – 東京 : 東京大學出版會, 1954. – 282 頁. [Харада Д. Японская культура Кофун : окружение вана страны На / Дайроку Харада. – Токио : Токио дайгаку сьуппан, 1954. – 282 с.] (на яп. яз.).
341. 比田井克仁. 古墳出現期の土器交流とその原理. – 東京 : 雄山閣, 2004. – 261 頁. [Хидай К. Культурный обмен керамики в период появления культуры Кофун и его принципы / Кацухито Хидай. – Токио : Юдзанкаку, 2004. – 261 с.] (на яп. яз.).
342. 広瀬和雄. 前方後円墳の世界. – 東京 : 岩波書店, 2010. – 208 頁. [Хиросэ К. Эпоха квадратно-круглых курганов / Кадзуо Хиросэ. – Токио : Иванами сётэн, 2010. – 208 с.] (на яп. яз.).
343. 北條芳隆. 古墳の方位と太陽. – 東京 : 同成社, 2017. – 283 頁. [Хо:дзэ: Ё. Направление курганов и солнце / Ёситака Хо:дзэ:. – Токио : До:сэйся, 2017. – 283 с.] (на яп. яз.).
344. 都出比呂志. 古代国家はいつ成立したか. – 東京 : 岩波書店, 2011. – 218 頁. [Цудэ Х. Когда возникло древнее государство? / Хироси Цудэ. – Токио : Ивана-мисётэн, 2011. – 218 с.] (на яп. яз.).
345. 都出比呂志. 古墳時代の王と民衆. – 東京 : 講談社, 1989. – 198 頁. [Цудэ Х. Правители и народ в эпоху Кофун / Хироси Цудэ. – Токио : Коданся, 1989. – 198 с.] (на яп. яз.).
346. 日本の古墳と天皇陵 / 陵墓限定公開20回記念シンポジウム実行委員会編. – 東京 : 同成社, 2000. – 204 頁. [Японские курганы и императорские захоронения / Исполнительный комитет двадцатого юбилейного симпозиума. – Токио : До:сэйся, 2000. – 204 с.] (на яп. яз.).
347. 安村俊史. 群集墳と終末期古墳の研究. – 大阪 : 清文堂, 2008. – 408 頁. [Ясумура С. Исследование курганных кладбищ и поздних кофун / Сьондзи Ясумура. – Осака : Сэйбундо, 2008. – 408 с.] (на яп. яз.).

Электронные ресурсы

348. Группа курганов Модзу-Фуруити Кофунгун: гробницы древней Японии [Электронный ресурс] // UNESCO : сайт. – URL: <https://whc.unesco.org/ru/list/1593>. (дата обращения: 10.01.2023).
349. 千葉県金鈴塚古墳出土品 // 千葉県 : Webサイト. [Артефакты, раскопанные в кургане Кинрэй-дзука в префектуре Тиба [Электронный ресурс] // Префектура Тиба : сайт.] URL : <https://www.pref.chiba.lg.jp/kyouiku/bunkazai/bunkazai/n181-001.html>. (дата обращения: 25.01.2023).
350. 綾塚古墳 // 古墳マップ : Webサイト. [Аядзука-кофун [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/555>. (дата обращения: 22.11.2022).
351. 川合次郎兵衛塚1号墳 // 古墳マップ : Webサイト. [Каваидзиробэ-эдзука-итиго:фун [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/151>. (дата обращения: 22.11.2022).
352. 百舌鳥及古市古墳群特輯 // 堺観光會展協 : Webサイト. [Курганы Модзу и Фуруити – специальный выпуск [Электронный ресурс] // Ассоциация туризма г. Сакаи : сайт] URL : <https://www.sakai-tcb.or.jp/zh-tw/feature/detail/38>. (дата обращения: 10.01.2023).
353. 牽牛子塚古墳 // 古墳マップ : Webサイト. [Кэнгосидзука-кофун [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/134>.
354. 小川栄一・小川コレクション // 美濃考古館 : Webサイト. [Огава Эйити и его коллекция [Электронный ресурс] // Дом древностей Мино : сайт.] URL : <http://minoarc.main.jp/choukokan.html>. (дата обращения: 10.01.2023).
355. 森浩一 // コトバンク : Webサイト. [Мори Ко:ити [Электронный ресурс] // Котобанку : сайт.] URL : <https://kotobank.jp/word/森浩一-687664>. (дата обращения: 20.12.2022)

356. 大金重貞 // 観光Fan : Webサイト. [Ооганэ Сигэсада [Электронный ресурс] // Фанат осмотра достопримечательностей : сайт.] URL : <http://kankoufan.com/contents/iteminfo.php?iid=195>. (дата обращения: 10.10.2022).
357. 大安場古墳 // 古墳マップ : Webサイト. [Ооясуба-кофун [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/166>. (дата обращения: 12.01.2023)
358. 阿光坊古墳群 // 古墳マップ : Webサイト. [Скопление курганов Ака:бо:кофун-гун [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/534>. (дата обращения: 12.01.2023).
359. 滝尾百穴横穴古墳群 // 古墳マップ : Webサイト. [Такиохяккэцу – скопление боковых захоронений ёкоанабо [Электронный ресурс] // Карта кофун : сайт.] URL : <https://kofun.info/kofun/762>. (дата обращения: 10.01.2023).
360. 坪井清足 // コトバンク : Webサイト. [Цубои Киётари [Электронный ресурс] // Котобанку : сайт.] URL: <https://kotobank.jp/word/348.坪井清足-1092552>. (дата обращения: 02.12.2022).

Глоссарий

Дзё:энкахо:фун – круглый курган, расположенный на квадратной насыпи.

Дзё:энфун – два слитых круглых кургана, «курганы-близнецы».

Дзэнпо:ко:хо:фун – японский кофун квадратно-квадратной формы.

Дзэнпо:ко:энфун – японский кофун квадратно-круглой формы, также называемый курганом в форме «замочной скважины». Кофун данной формы характеризуются масштабностью строительства и богатым погребальным инвентарём. В курганах данной формы зачастую хоронили японских правителей и членов императорской семьи.

До:ханкё: – литейная форма, с помощью которой в Японии в III–VII вв. изготавливали бронзовые зеркала.

Ёкоанабо – пещерные боковые захоронения культуры Кофун.

Ёкоанасики-исимуро – горизонтальная погребальная камера, саркофаг/гроб в которую помещается сбоку, обеспечивая возможность доступа к захоронению.

Ко:кокусикан – направление в японской исторической мысли, в котором история Японии рассматривается как непрерывное правление членов японского императорского дома.

Магатама – изогнутые дугообразные бусины, изготавливаемые из агата, яшмы, кварцита, жадеита, нефрита, хризопраза и других полудрагоценных камней; один из элементов погребального инвентаря кофун.

Роккакуфун – шестиугольный курган.

Сакоку – политика японского сёгуната Токугава, направленная на полную изоляцию страны от внешнего вмешательства, иными словами, политика самоизоляции Японии в 1641–1853 гг.

Санкакуэнсиндзю:кё: – вид бронзовых зеркал культуры Кофун, характеризующихся треугольным сечением края зеркала и изображениями божеств и животных.

Со:хо:тю:энфун – круглый курган с двумя прямоугольными либо трапециевидными выступами.

Со:хо:тю:хо:фун – квадратный курган с двумя прямоугольными либо трапециевидными выступами.

Татэанаки-исимуро – вертикальная погребальная камера. В данном случае саркофаг/гроб помещается через отверстие сверху, которое затем запечатывается.

Хаккакуфун – восьмиугольный курган.

Ханива – вид японской погребальной пластики культуры Кофун, изготавливаемой из глины. *Ханива* могли быть как цилиндрическими, так и репрезентативными – изображающими людей, животных, дома, предметы домашней утвари.

Хотатэгаикэи-кофун – курган в форме гребешка; по форме похож на квадратно-круглый курган, определяется по соотношению размеров квадратной и круглой части.

Хо:фун – курган, имеющий квадратную форму.

Энфун – курган круглой формы, наиболее распространённый вид курганов на Японских островах.

Приложения

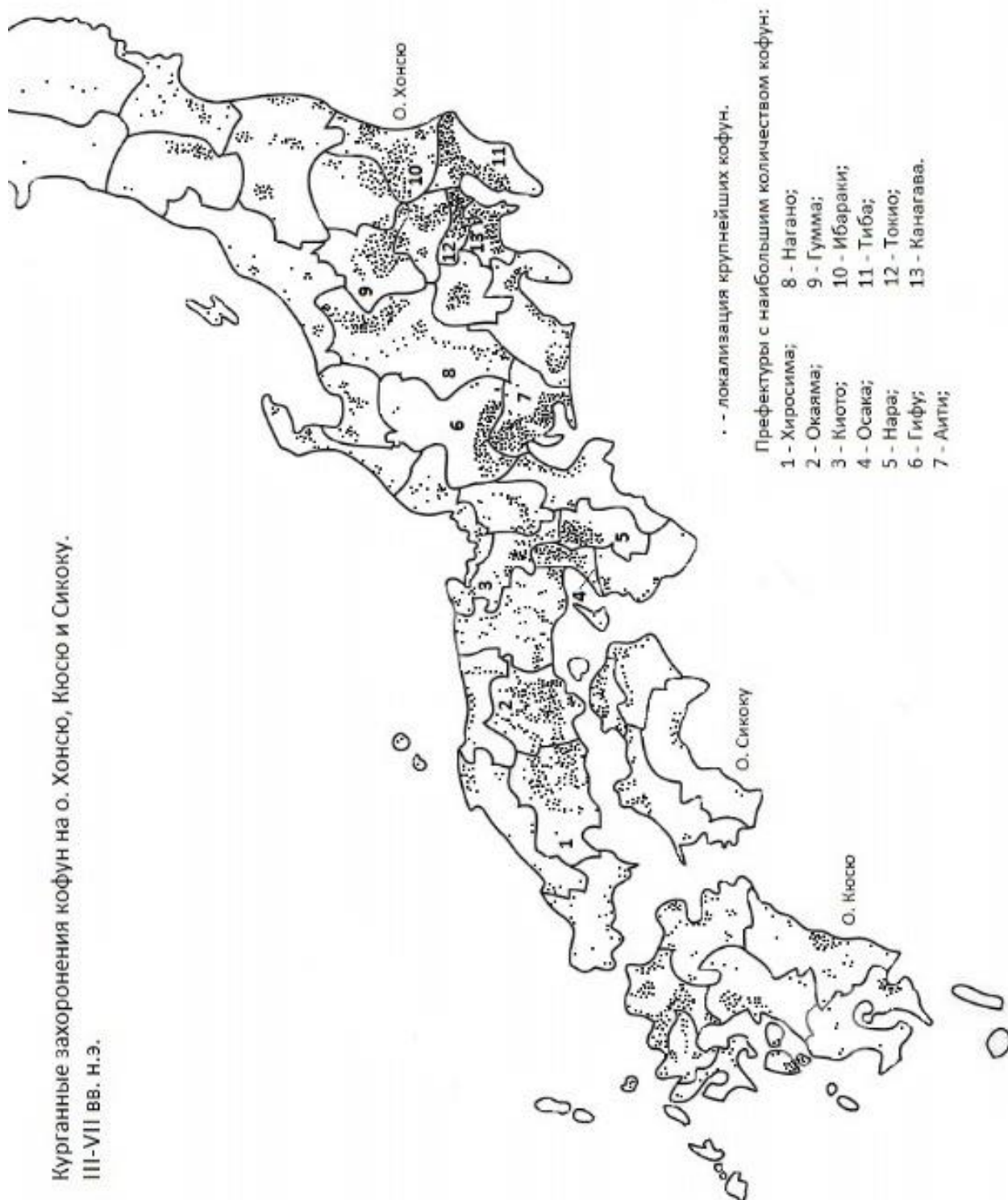
Приложение 1.

Ёкоанабо в склонах (84 захоронения), преф. Оита [359].

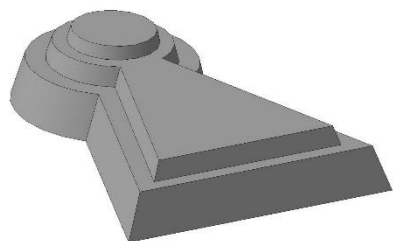
Приложение 2.

Локализация крупнейших кофун на Японских островах.

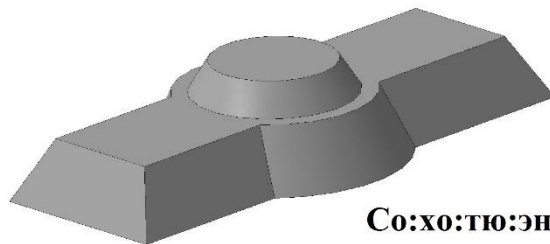

Приложение 3.

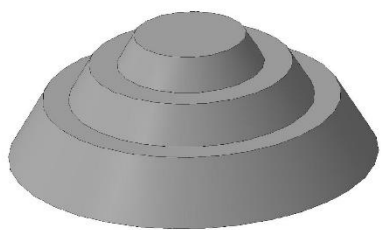
Формы японских курганных захоронений кофун.

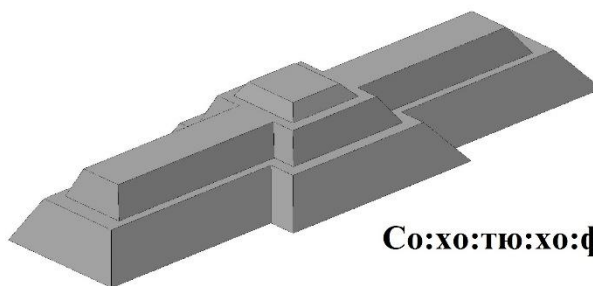
Дзэнпо:ко:энфун

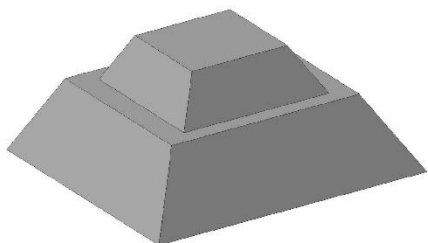
Со:хо:тю:энфун

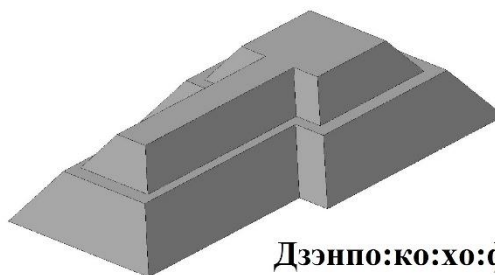
Энфун

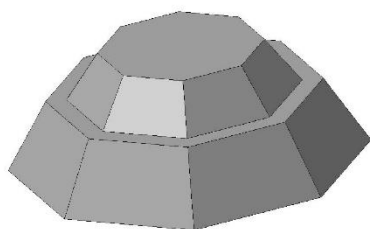
Со:хо:тю:хо:фун

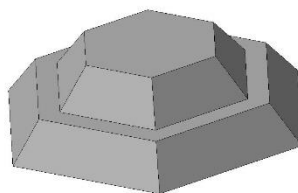
Хо:фун

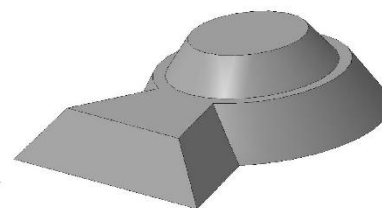
Дзэнпо:ко:хо:фун

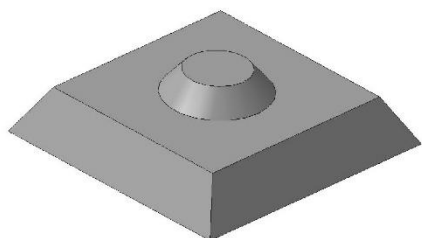
Хаккакуфун

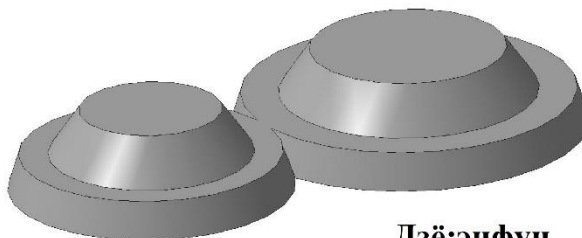
Роккакуфун

Хотатэгайкеи-кофун

Дзё:энкахо:фун

Дзё:энфун

Приложение 4.

Квадратный курган с каменной кладкой *Каваидзиробэ-эдзука-итиго:фун*, начало VII в., преф. Гифу [351].

Приложение 5.

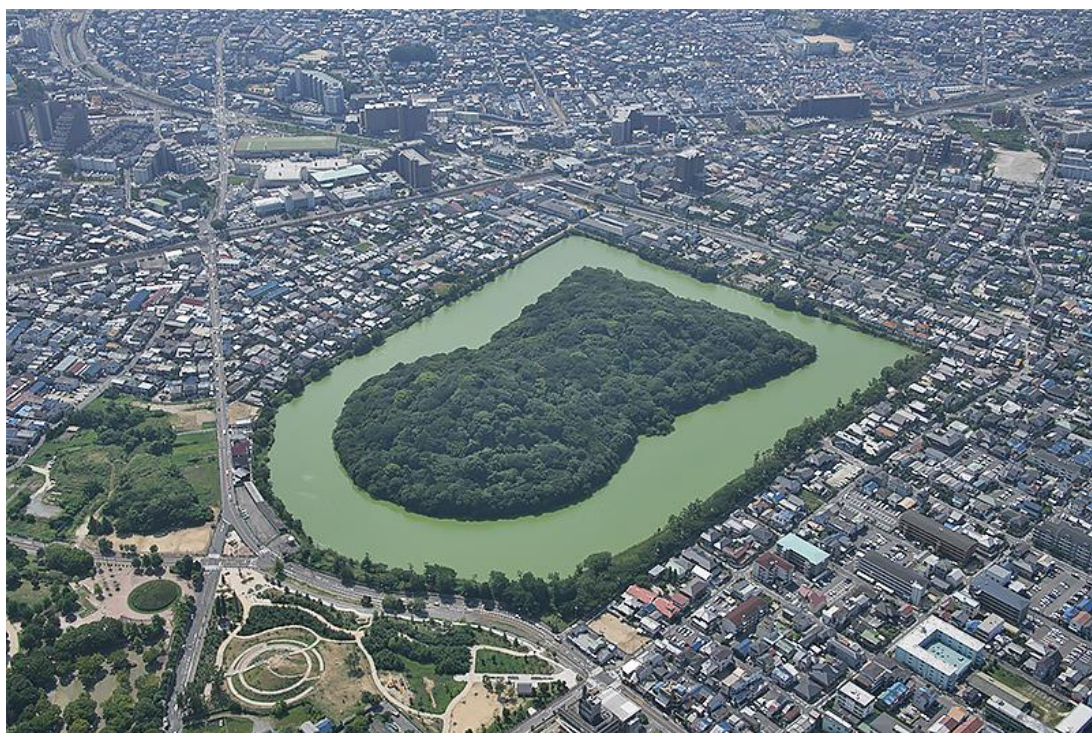
Круглый курган *Аядзука-кофун*, преф. Фукуока, начало VII в. [350].

Приложение 6.

Гигантские квадратно-круглые курганы скопления *Модзу-кофун-гун*, преф. Осака [352].

Приложение 7.

Квадратно-квадратный *Ооясуба-кофун*, вт. пол. IV в., преф. Фукусима (вид с воздуха) [357].

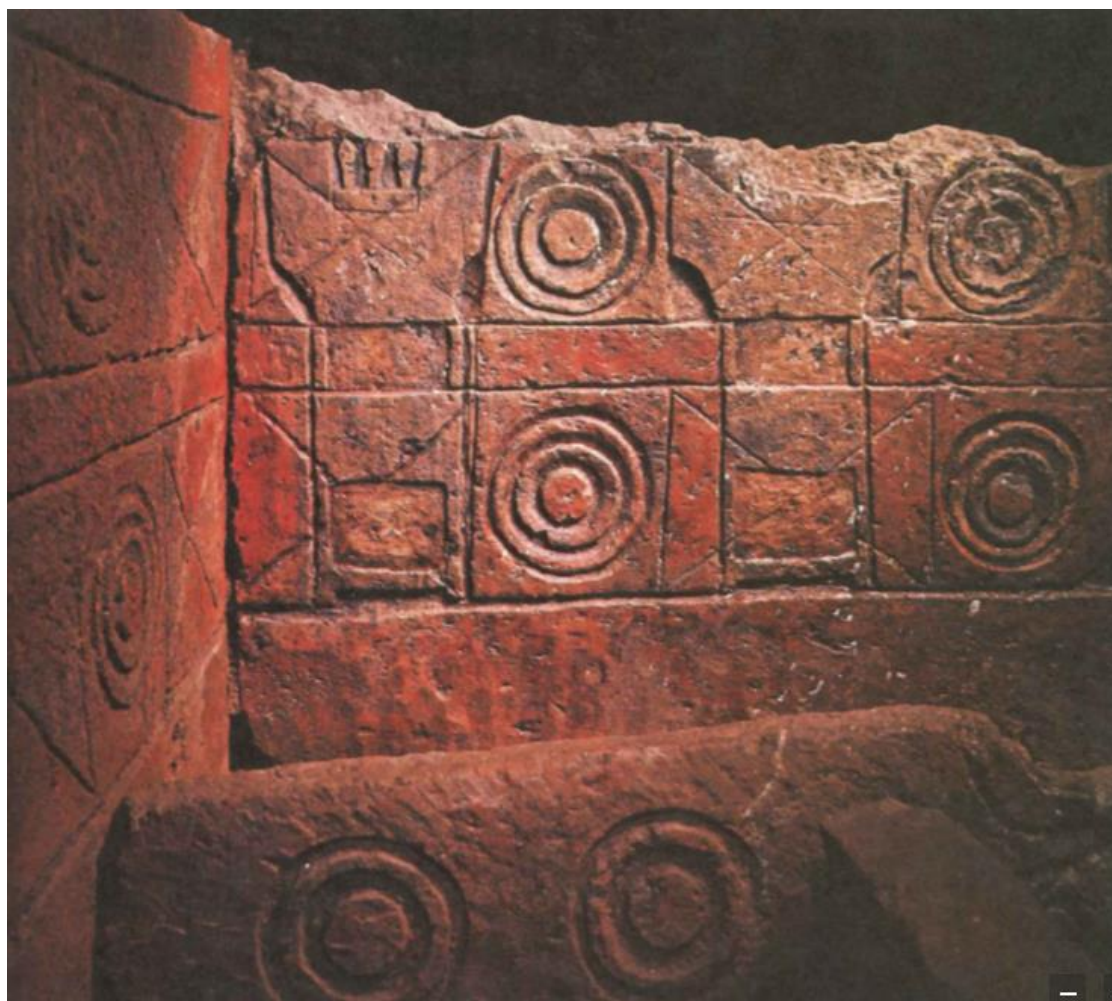
Приложение 8.

Восьмиугольный курган *Кэнгосидзука-кофун*, преф. Нара, вт. пол. VII в. [353].

Приложение 9.

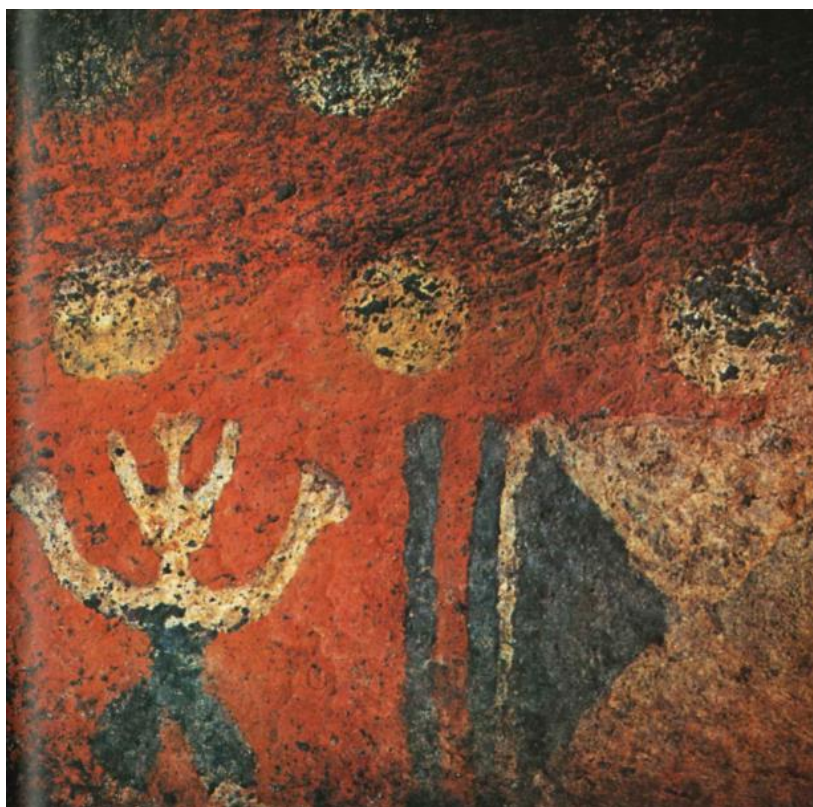
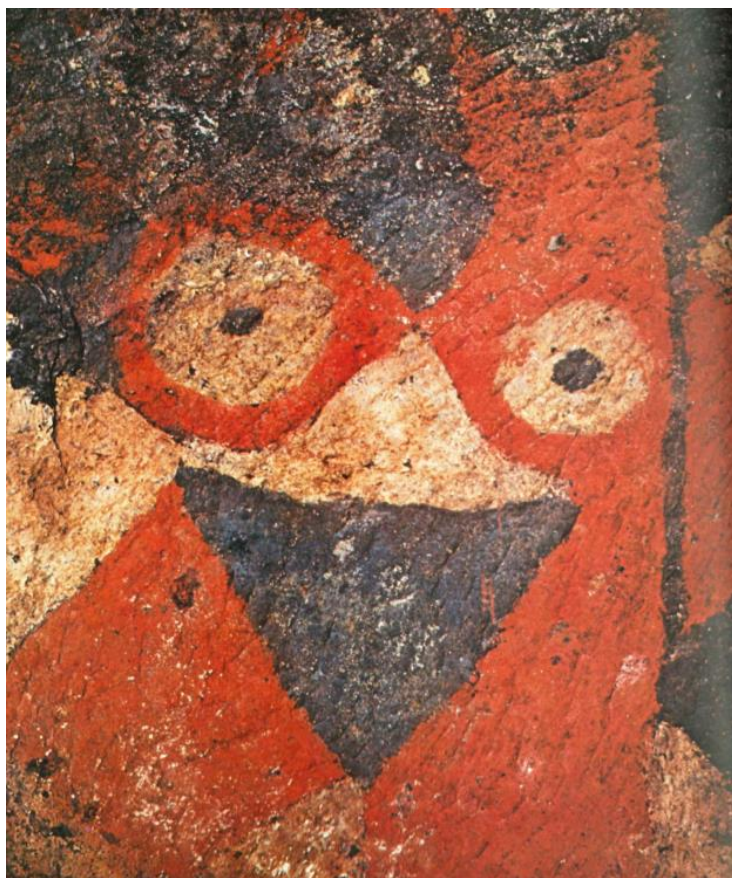
Рельефные украшения стен кургана *Сэгонко*:-кофун, покрытые киноварью (преф. Кумамото) [317, с. 28].

Приложение 10.

Настенные росписи *Тибусан-кофун* (преф. Кумамото) [317, с. 55–56].

Приложение 11.

Росписи стен погребальной камеры в *Такэхара-кофун*, преф. Фукуока [339, с. 12].

Приложение 12.

Бронзовые зеркала, найденные при раскопках кофун [289, с. 18, 23, 24, 33].

Приложение 13.

Элементы оружия, обнаруженного в японских курганах. Рукояти больших мечей [15, с. 66, 68, 71].

Приложение 14.

Погребальный инвентарь кургана *Кинрэй-дзука-кофун* (преф. Тиба) [349].

Приложение 15.

Элементы конской упряжи из кофун [339, с. 38, 41, 42].

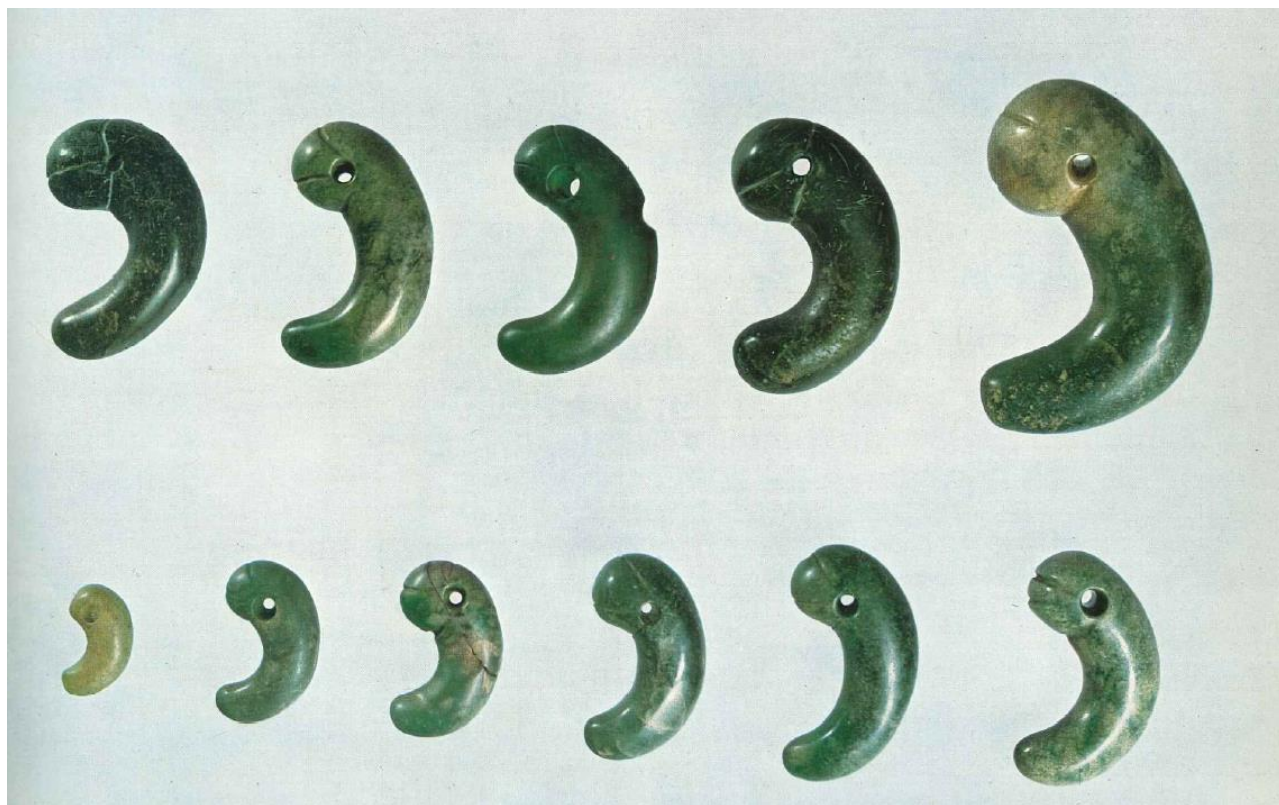
Приложение 16.

Ювелирные изделия из кофун (собрание Национального музея истории Японии)
[15, с. 53, 55].

Приложение

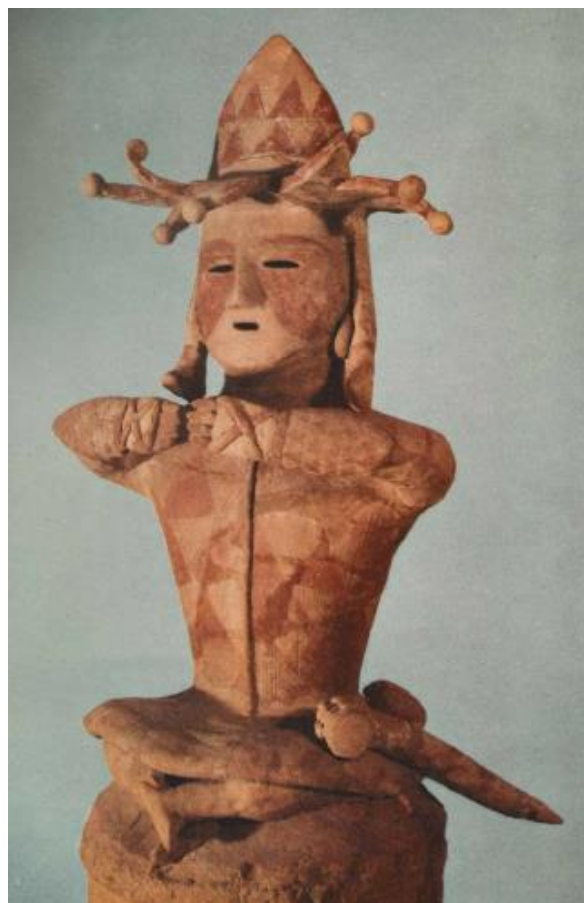
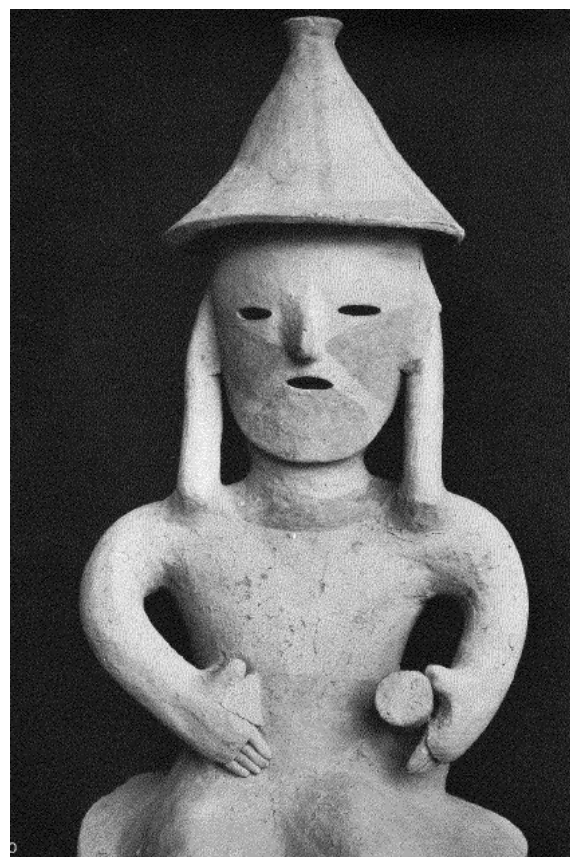
Изогнутые бусины *магатама* [289, с. 2]

Приложение 18.

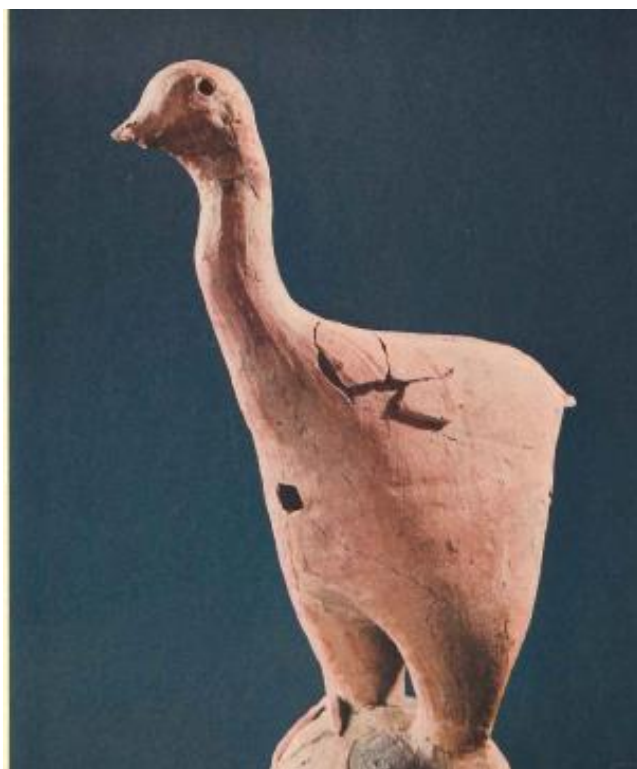
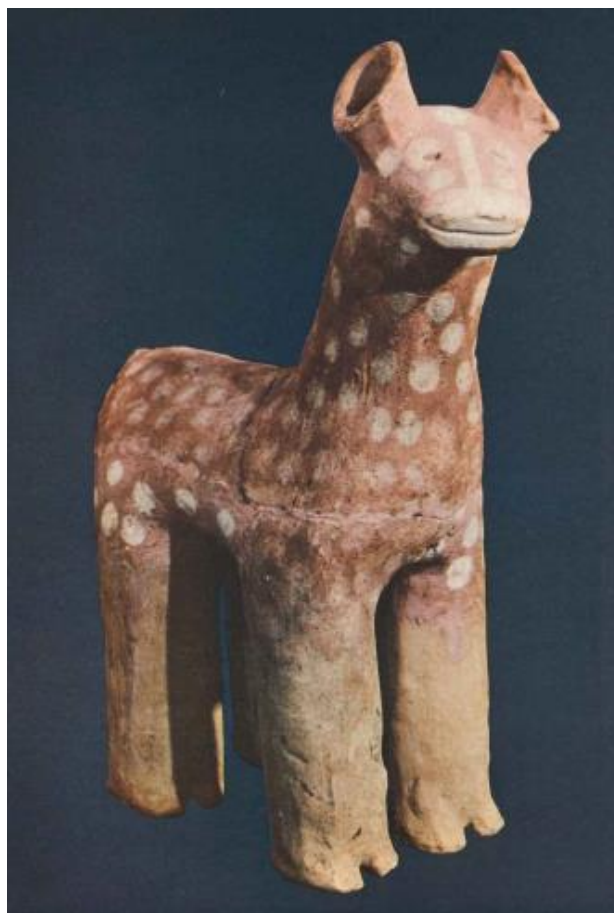
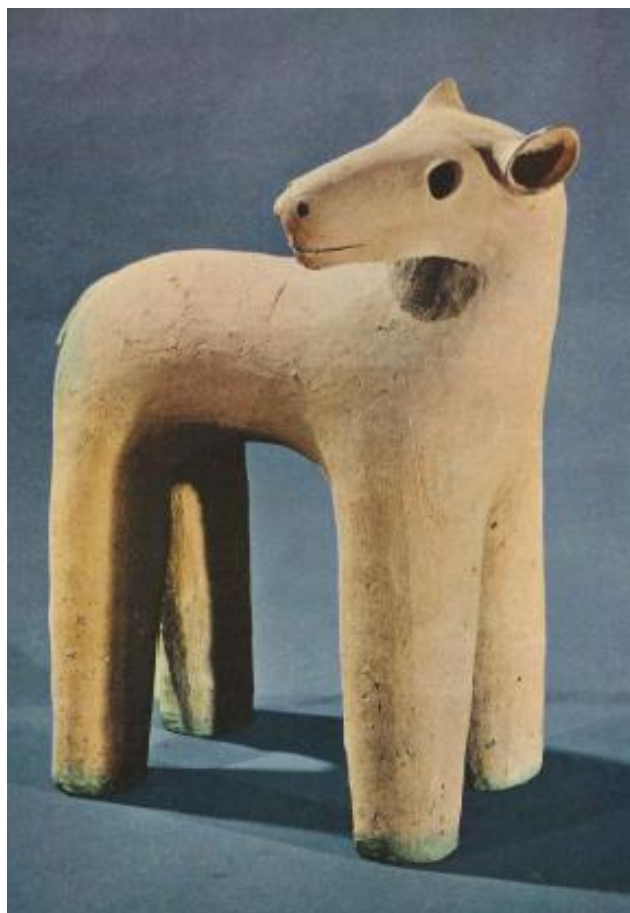
Антропоморфные ханива. Фотографии Мики Фумио [288, с. 25, 29, 35, 38].

Приложение 19.

Зооморфные ханива. Фотографии Мики Фумио [288, с. 105, 115, 122, 125].

Приложение 20.

Антропоморфные ханива. Фотографии Мики Фумио [288, с. 49, 75, 85, 95].

Приложение 21.

Ханива в виде лошади [339, с. 14, 16, 22, 29].

Приложение 22.

Ханива в форме домов [292, с. 22, 24].

Приложение 23.

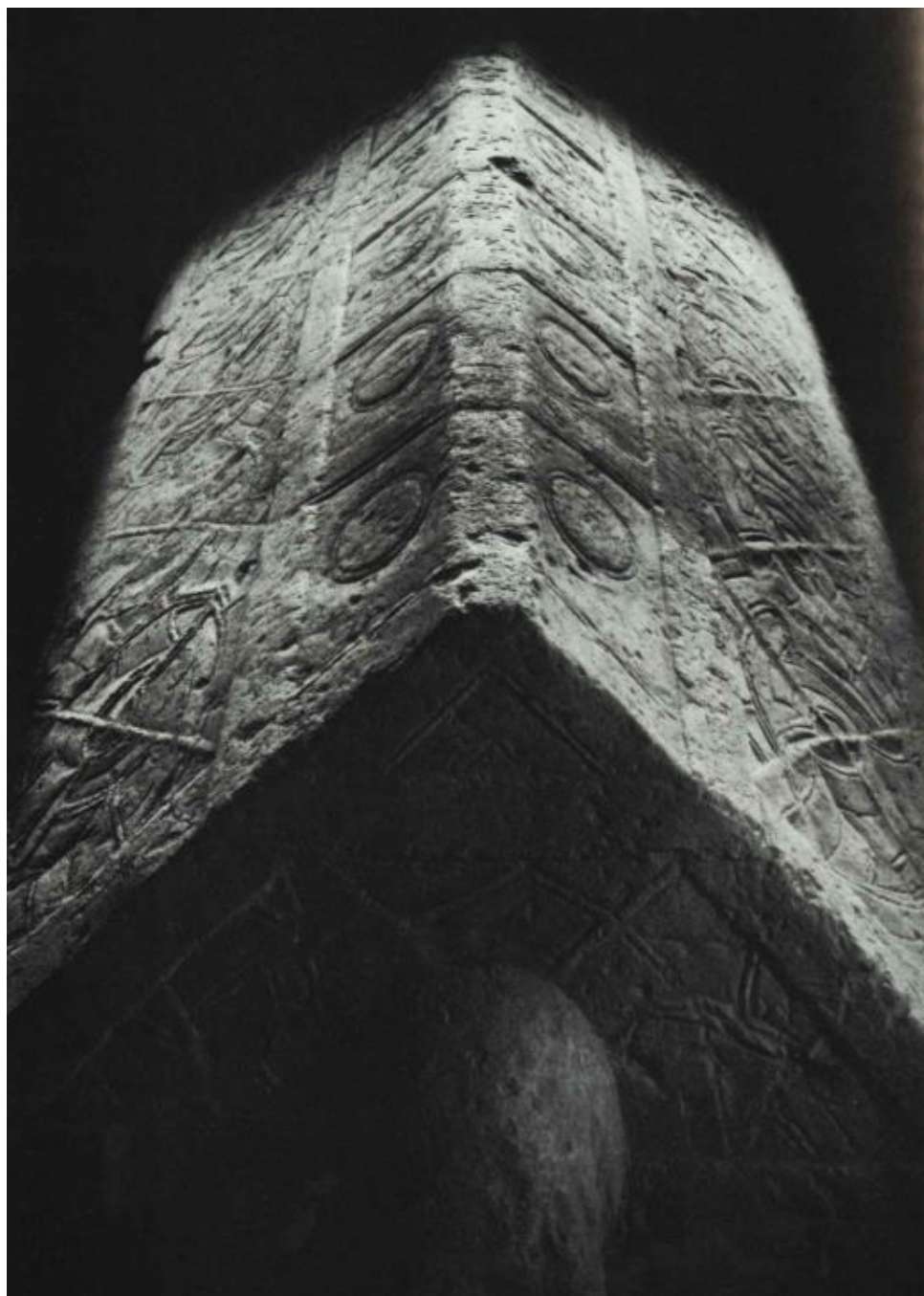
Курганное кладбище – *Ако:бо:кофун-гун* – в преф. Аомори, VII–VIII вв. [358].

Приложение 24.

Резной саркофаг в форме дома, *Сэкидзинсан-кофун*, преф. Фукуока [317, с. 77].

Приложение 25.

Первые схематические изображения кофун. Автор – Ооганэ Сигэсада, 1692 г.
[16, с. 7–8].

Приложение 26.

Рисунки погребального инвентаря (керамические изделия, бронзовое зеркало), подготовленные Ооганэ Сигэсада в 1692 г. [16, с. 11–13].

Приложение 27.

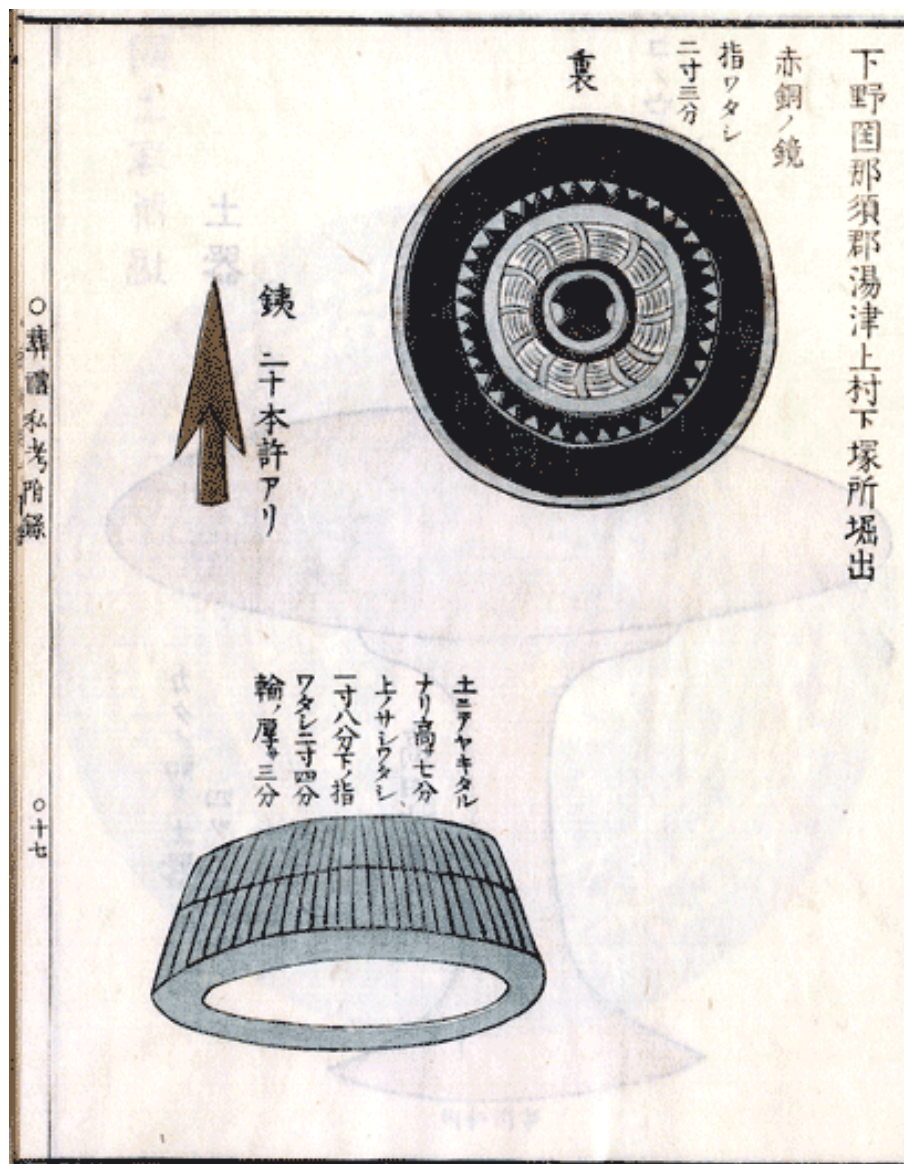
Фотографии курганов *Дайсэн-кофун* и *Исидзугаока-кофун*, сделанные У. Говландом в промежутке между 1872 г. и 1889 г. [138, с. 259].

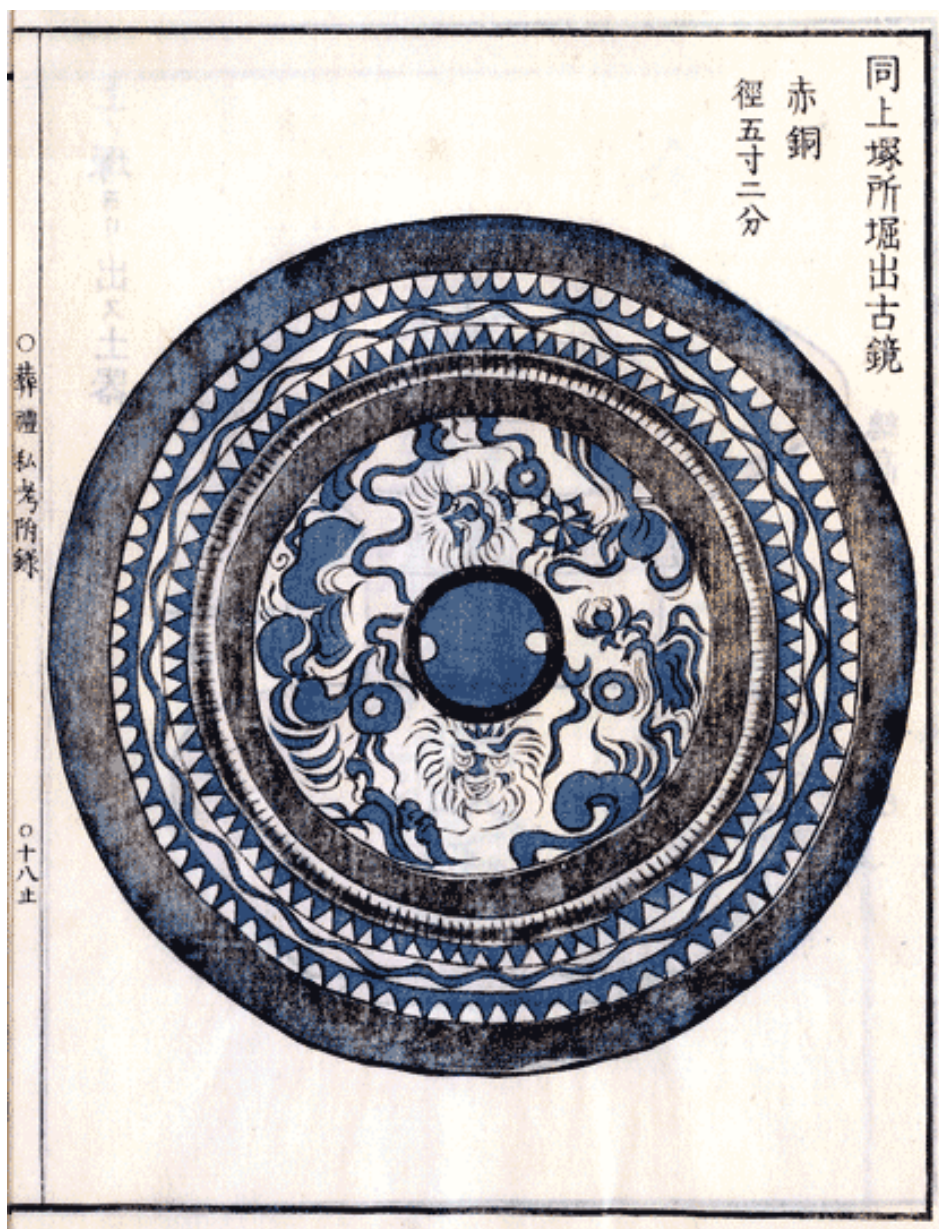
Приложение 28.

Погребальный инвентарь кургана *Камисамураидзука-кофун*. Иллюстрации к работе «Размышления о похоронном обряде» Курита Хироси, 1876 г. [281, с. 71].

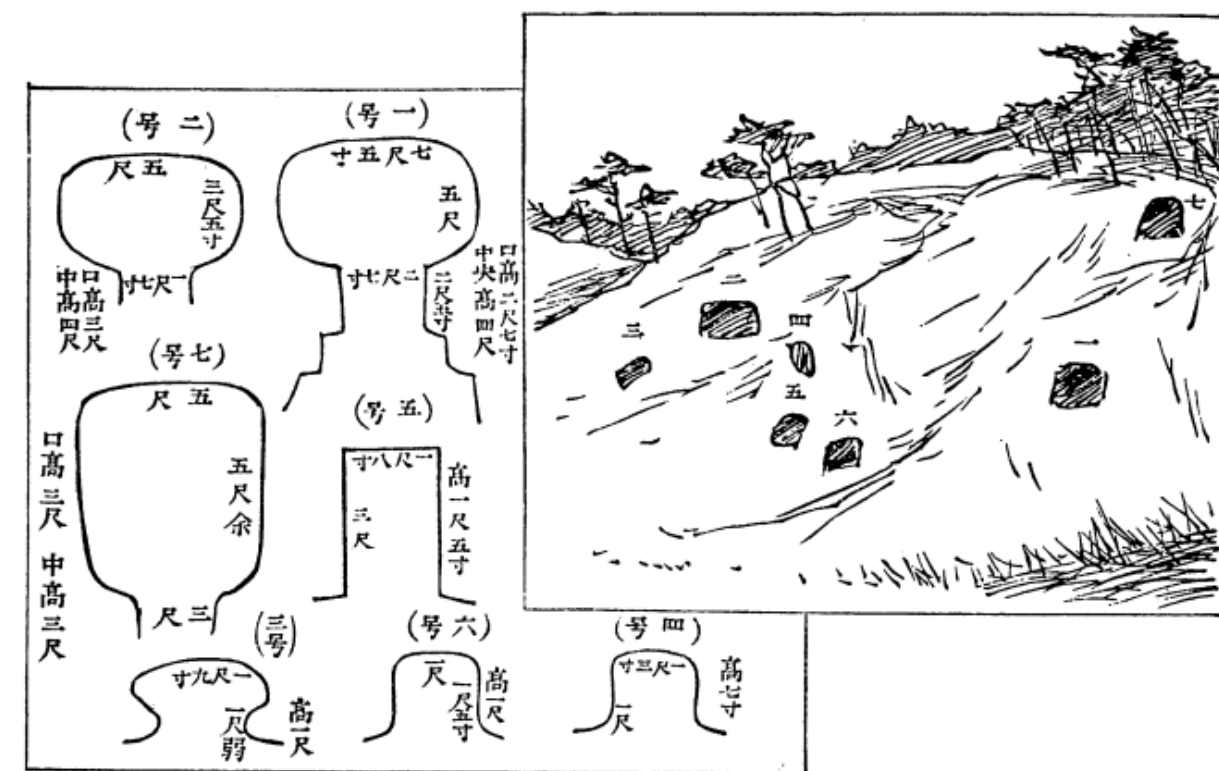
Приложение 29.

Бронзовое зеркало из кургана *Камисамураидзука-кофун*. Иллюстрация к работе «Размышления о похоронном обряде» Курита Хироси, 1876 г. [281, с. 72].

Приложение 30.

Боковые захоронения, исследованные Инудзука Матабэи в префектуре Фукусима в конце XIX в. [128, с. 267].

Приложение 31.

Настенные росписи в кофун, изученные Ооно Унгаи [144, с. 144].

